

Малкъар жазыучуланы суратлау-адабият, жамауат-саясат журналы

1958 жылдан бери чыгъады.

№ 4 (200) июль-август 2018 ж.

Учредители

ГКУ «КБР-МЕДИА»

Баш редактор
Додуланы А. Т.

Редколлегия:

Бепайланы Муталип
Берберланы Бурхан
Гадийланы Ибрагим
Гуртуланы Салих
Ёзденланы Альберт
Ёлмезланы Мурадин
(жууаплы секретарь)
Джуртубайланы Махти
Зумакъулланы Танзиля
Мызыланы Къаншаубий
Османланы Хыйса
Созайланы Ахмат
Табакъсойланы Мухтар
Шауаланы Хасан
(бёлюмню редактору)

**ЭЛЬБРУС
МИНГИ-ТАУ**

НАЛЬЧИК – 2018

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

ДВА ПОДВИГА (вместо предисловия)

Народный эпос – это всегда как некое завещание наших предков, их духовный подвиг. И как прекрасно, когда его переложение на другой язык тоже выглядит как подвиг – творческий подвиг переводчика, соединившего своим мастерством и глубоким проникновением столь разные времена.

С увлечением я прочитал рукопись карачаево-балкарского эпоса «Нарты», талантливо переведённого достойным поэтом и одним из самых квалифицированных переводчиков России Михаилом Синельниковым... «Нарты» – своего рода кавказская «Илиада», повествование, известное в разных национальных вариантах. Теперь, наконец, широкому кругу читателей становится доступен относительно полный вариант эпоса, принадлежащий тюркскому народу столь многоликого Кавказа. Все бытующие национальные варианты нартского эпоса, за каждым из которых – труд и вдохновение длинной вереницы сказителей, по-своему замечательны. Но этот имеет своё особое значение для раскрытия духовного наследия именно карачаево-балкарского народа и представляет его русскому читателю, причём на высоком уровне. Нартский эпос подобен большой и полноводной реке, в столетиях разбившейся на множество рукавов, но восходящей к одному смутно мерцающему истоку. Споры о первородстве, иногда закипающие с большим пылом, здесь совершенно бессмысленны... Всё же то обстоятельство, что читающей России ранее был малоизвестен карачаево-балкарский вариант эпоса с его великолепными, врезающимися в память образами и яркими эпизодами, нельзя не признать большой несправедливостью. Этой литературной несправедливости предшествовала несправедливость историческая: трагический поворот в судьбе двух малых кавказских народов, говорящих на одном языке и считающих себя единым народом. Одно из самых вопиющих злодеяний сталинизма – трагическая, подобная многолетнему хождению по мукам, депортация карачаевцев и балкарцев. Это был скорбный путь лишений и унижений, жертв и потерь. Но и вдали от родины сосланные сохранили своё бесценное наследие – эпические песни предков.

Начальные, установочные главы повествования, посвящённые сотворению мира, устройству Вселенной, во всех национальных вариантах обладают наибольшим сходством. Разница, по большей части, лишь

собственно языковая и стиховая. Но именно особенности тюркского стиха, богатого изошрёнными составными рифмами и аллитерациями, искусными повторами, мощь и энергию глаголов переводчик передал с большой выразительностью. Картина возникает поистине величественная, мы ощущаем себя очевидцами первого дня творенья:

Солнца пылкий Тейри в чреве своём добыл
Огненную руду из сокровенных жил.
То, что живило его и прибавляло сил,
С неба обрушил он, в огненный дождь превратил.
Клиньями излилась пламенная струя,
Клинья он в землю вбил, в твердь вогнал острия.
Недра пронзив зубцом, остывали они,
Тверди земной крестцом, горами стали они.
Скрепы свои вогнал Солнца Тейри везде,
И наступил покой на земле и воде...

Любопытно по мере чтения и погружения в мифы и чудесные приключения героев наблюдать, как нартское общество постепенно меняется, как отпрыски героев и титанов от поколения к поколению превращаются в обыкновенных обитателей горного селения с обычными, повседневными заботами и тревогами. Уже возникает ощутимое социальное неравенство. Появляются среди славных нартов и разнообразные антипатичные, многогрешные персонажи... Но сказители, выражающие лучшие, благороднейшие, справедливейшие устремления народа, всегда на стороне слабых и угнетённых, и любят отважными правдолюбцами:

Рачикау – всех бедных и слабых опора
И готов осадить хвастуна-горлодёра.
Никогда в нём к бессовестным жалости нет,
Только собственной мощью достиг он побед.
Он не внемлет глупцу и не жалуется труса,
Только доблестных чтит среди нартов Эльбруса.

Сильное впечатление производят заключительные главы эпоса и его концовка. Прародители нартов, являющиеся в сущности инопланетными существами, порождениями внеземного, небесного, божественного разума, решились вернуться на свою прародину во Вселенной, потому что сочли свою миссию на Земле выполненной. Дети и внуки нартов, насельников планеты, наконец, превратились в разумных людей, способных предотвратить кровавую битву, остановить войну. Нет нужды говорить о том, что более важной задачи нет и у нынешнего человечества, стоящего перед роковыми вызовами и необходимостью главного выбора.

Народ Карачая и Балкарии в долгу прежде всего перед карачаевским поэтом Альбертом Узденовым, который на протяжении десятилетий записывал главы и эпизоды «Нартов» у последних сказителей и в итоге

смог составить единый свод эпоса, ставший основой и для предстоящего академического издания, и для возможных переводов на языки мира. Несмотря на распад СССР, несмотря и на произошедшее вместе с ним резкое ухудшение переводческих связей между народами, когда, к сожалению, на переводы существовать почти невозможно, русский поэт Михаил Синельников в течение многих последних лет не покладая рук работал над карачаево-балкарским национальным эпосом и осуществил переложение на самом высоком уровне. Сейчас такое бескорыстное трудолюбие почти невообразимо. Хотелось бы, чтобы этот подвижнический труд был всячески поддержан по заслугам.

Всё же моя главная читательская благодарность – самому народу, который совершил двойной подвиг: и создал драгоценный эпос, и сумел сохранить его во всех бурях веков. Эта книга, в которой прелестные сказки и фантазии сочетаются с точным, правдивейшим бытописанием, говорит нам и о баснословных доисторических временах всего человечества, и о седом прошлом древнетюркского мира, простиравшегося от Адили (Волги) до высот Эльбруса, но всем своим духом, всем пафосом народных мечтаний она обращена к будущему, которое нам всем хотелось бы видеть светлым, справедливым, разумным.

Евгений ЕВТУШЕНКО,
лауреат Государственной премии СССР,
лауреат Государственной премии РФ.

ВСЕЛЕННАЯ, НАРТЫ И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

«There are more things in heaven and earth, Horatio,
Then are dreamt of in your philosophy...»

Shakespeare, «Hamlet», Act I, scene V

И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.

Шекспир, «Гамлет», Акт I, сцена V.

Перевод М. Лозинского

Меня сразу заворожило чтение грандиозного карачаево-балкарского эпоса «Нарты». И дело здесь не только в удивительно точном, «раскачивающем сознание» ритме, найденном Михаилом Синельниковым.

Думаю, что профессиональные исследователи найдут множество интереснейших деталей в «Нартах», сравнят их с эпосами других народов (для меня, к сожалению, единственные возникшие аллюзии были связаны с «Песней о Гайавате»), но я хотел бы сказать здесь только об одной, наверное, и не самой главной, из особенностей этого эпоса – о «космическом сознании» его безвестных создателей.

Возможно, те, кто изучал этот эпос 50–60 лет назад, и не обратили бы особого внимания на многие загадочные мотивы, о которых я буду говорить дальше. Думаю, что и через сотню лет внимательные читатели смогут заметить в нём и что-то совсем другое, чем потрясшие меня первые строки:

*Так давно – до глухих, тёмных, бессчётных лет,
Лишь явился во тьме будущего просвет,
Главный Тейри миры соединил и свёл,
Сжал их в один комок, втиснул в один котёл.
Не разойтись, не взмыть – намертво сплочено,
Всё величайшее здесь в малое вмещено.
Сплющил, сдавил миры и отпускает вдруг:
Мощной волей Тейри создан Вселенной круг.
Звёзды он разбросал бисером из горсти,
Каждой движенье дал и прочертил пути.*

Не знаю, как интерпретировали и комментировали бы переводчики и литературоведы эти строки в «до-Гамовскую» эпоху (нужно ли объяснять просвещённым читателям, что Георгий Гамов был первым, кто предложил модель Большого Взрыва, по-английски – Big Bang?). Сейчас, когда представления о Большом Взрыве, расширяющейся (и даже с ускорением) Вселенной стали основной парадигмой современной астрофизики, остаётся только догадываться, как удалось безвестным авторам карачаево-балкарского эпоса «Нарты» так почувствовать главное: «...ни уюта, ни покоя во Вселенной нет»; она родилась, развивается и умирает по своим собственным, ещё не вполне понятным нам законам. Как

далеко это от классических представлений о величественной мистерии вечной, спокойной и неизменной Вселенной! Что говорить, когда даже великий Эйнштейн не верил в расширяющуюся Вселенную и настойчиво, почти до конца своих дней, строил стационарную модель Космоса.

Читатель с воображением, может быть, разглядит в этом отрывке и дополнительные детали Большого Взрыва: тёмные эпохи, эру излучения, эпоху звездообразования... Не буду дальше комментировать эти удивительные строки, сказано уже достаточно, чтобы вслед за булгаковским героем воскликнуть: «Как многое им удалось угадать!»

Но Большим Взрывом только начинается цепочка дальнейших «воспоминаний о будущем», которые внимательный читатель найдёт в «Нартах». После образования Вселенной появляется Земля и на ней создаются условия, обеспечивающие возможность жизни.

*Солнца мудрый Тейри солнечный свет явил,
Почву – Тейри Земли – тучную сотворил,
Вдунул Тейри Небес воздух, и вот когда
Властью Тейри Воды сотворена вода.
Вот Верховный Тейри одобрил течение дел
И на Земле расцветить жизни он повелел.*

На второй (после объяснения возникновения Вселенной) главный вопрос: «Откуда взялась жизнь на Земле?» – эпос опять даёт «космический» ответ:

*Семя дальних миров, семя близкой Луны...
Вот какую судьбой земляне на свет рождены.*

Вновьстораживает неожиданный скачок представлений: вместо наивных средневековых теорий зарождения жизни (например, по ван Гельмонту¹, жизнь может зародиться в тёмном шкафу из грязной рубашки и нескольких горстей пшеницы) к очень точно сформулированным в «Нартах» почти сегодняшним представлениям о панспермии² – распространении «зародышей жизни» по Вселенной в виде спор или микроорганизмов метеоритами и космической пылью.

Космос нартов – не мирный небосвод Птолемея, напротив, он активно вмешивается в земные дела. Молодая Земля, о состоянии которой мы и сейчас практически не имеем никакого представления, сотрясается от почти непрерывных метеоритных бомбардировок, содрогается от мощных землетрясений, страдает от цунами и мощнейших приливов, вызываемых тогда близкой к Земле Луной.

*Солнца пылкий Тейри в чреве своём добыл
Огненную руду из сокровенных жил.
То, что жило его и прибавляло сил,*

---

¹ Ян Баптист ван Гельмонт (1579–1644) – голландский естествоиспытатель, врач и теософ-мистик.

² Впервые гипотезу панспермии предложил немецкий учёный Г. Рихтер в 1865 г.

*С неба обрушил он, в огненный дождь превратил.
Клиньями излилась пламенная струя,
Клинья он в землю вбил, в твердь вогнал острия.
Недра пронзив зубцом, остывали они,
Тверди земной крестцом, горами стали они.
Скрепы свои вогнал Солнца Тейри везде,
И наступил покой на земле и воде.*

Весьма интересно то, что в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» есть упоминание о предыдущих жителях Земли, которые были уничтожены Верховным Тейри за «утрату чистоты».

*Только не следуйте вы жившим на ней до вас,
Утратившим чистоту, – дух без неё угас!
Если и ваша жизнь окажется столь мелка,
Все пропадёте вы, сгинете наверняка.
В Землю огненный шар Главный Тейри метнёт,
Разом покроют её волны великих вод!*

Пусть специалисты по эпосам древних народов поспорят – можно ли здесь увидеть воспоминания о Великом потопе, мне же хочется вновь подчеркнуть, что и в большом, и в малом могущественный Космос постоянно присутствует в сознании и жизни нартов.

В мифологии нартов присутствует «Красная земля», предположительно, планета Марс. Оттуда прилетает Ёрюзмек, один из самых симпатичных и трагических персонажей эпоса. Несмотря на внушительные победы, одержанные им над врагами нартов, он остаётся на Земле чужаком, пришедшим из другой «биосферы».

*Да только дать ему детей жизнь не могла,
Не вспыхнуть семени его, оно – зола.
Не обитателем Земли родился он,
На Землю из иных миров спустился он.*

Ёрюзмеку, кстати, приходится возвращаться на Марс для того, чтобы покончить с врагом нартов – Красным Фуком. Читая описание «технологии» этого путешествия, сразу же невольно вспоминаешь роман Жюль Верна «Из пушки на Луну», только у Ёрюзмека другой маршрут – Красная Земля.

*Тут послала вещунья к Аликовым в дом,
Чтоб искали орудье с широким жерлом:
«Откопайте – она никуда не пропала!
Жанболату велите стоять у запала.
Надо пороха сорок батманов забить,
Ёрюзмэка – в стальное ядро посадить!»*

Среди волшебных персонажей эпоса есть конь Гемуда, напоминающий Конька-Горбунка из сказки Петра Ершова. Он с виду неказист, но умеет то, что не могут другие кони – плавать под водой и летать среди звёзд. Его происхождение также «марсианское». Он верный друг своего хозяина – Алаугана, хотя обладает недоступным для последнего тайным

знанием. Интересно, что способ передвижения Гемуды в пространстве-времени напоминает сверхсветовые полёты звездолётов в романах современных фанстасов, а то и телепортацию, то есть мгновенное перемещение в нужное место во Вселенной.

*И сказал Гемудá: «Годы мчатся вперёд!
Коль короче мгновения будет полёт,
Время хлынет назад... Чем скорей, тем верней
Мы пределы изведем меры своей!»*

Не знаю, как это прокомментировать, поскольку до начала XX века, то есть до публикации Альбертом Эйнштейном его знаменитой работы по специальной теории относительности вряд ли кто высказывал революционную мысль о том, что ход времени может зависеть от скорости движения.

И всё же Марс, откуда прибыли такие столь необычные герои нартского эпоса, в целом недружелюбен к Земле, ведь выходцы с него приходят на Землю, чтобы поработить её жителей. Думается, не случайно и в античной мифологии красная планета названа Марсом – именем бога войны и связывалась с опасностью, тревогой и несчастьем. Кстати, вряд ли Герберт Уэллс, автор «Войны миров», знал о существовании эпоса «Нарты», однако его упыри-марсиане весьма напоминают харров, прибывших на Землю для её завоевания.

*Все хárры вышли из земли, им нет числа,
И красной шерстью поросли у них тела.
Они похожи на людей... Но эта рать
Живое, мёртвое – подряд готова жрать.
Гнездо их – Красная Земля, но гибель – тут,
Им воздух тяжсек, и они, задохшись, мрут.
А те, что воздухом смогли дышать земным, –
Поганым стало семя их, совсем дурным.*

Думаю, многие вспомнят, что и марсиане Уэллса в конце концов сгинули из-за земных вирусов. И опять в «Нартах» мы встречаемся с неожиданной догадкой о том, что биосферы разных планет, говоря современным языком, могут быть враждебны друг другу. Недаром учёные тех стран, которые планируют пилотируемые экспедиции на Марс, серьезно задумались о строгих мерах соблюдения межпланетного карантина.

Последние несколько лет мне всё больше приходится заниматься Луной и её полярными областями. В перспективе планируется создать под поверхностью Луны базовые станции, где будут расположены различные научные приборы, а время от времени их будут посещать космонавты. Поэтому особенно интересно мне было читать в «Нартах» о Луне.

В отличие от Марса, Луна у нартов это надёжное, спокойное и хорошо оборудованное убежище.

*Вот они на Луне, чьё просторно дупло –
Как прекрасна там жизнь, и без света светло!*

.....
*Нас от порчи хранят семь железных завес,
От камнепадов хранят, рушащихся с небес.
Те, кто живут в дупле здесь, средь лунных полян,
Не случайно они кличут себя – «айсан».*

Чем-то это описание напоминает мне наши современные планы создания лунных поселений.

Эпические тексты по природе своей неисчерпаемы, они всегда таят загадки, и мы трактуем их в меру глубины своего культурного и научного познания. Читая сегодня «Нартов», мы видим много неожиданных и необъяснимых аналогий с нашими современными знаниями о Вселенной и человеке. К чести переводчика нужно сказать, что те места, где эти аналогии могут вызвать особый интерес или показаться искусственно притянутыми к современным научным взглядам, даны в сносках в буквальном подстрочном переводе и выглядят в таком виде ещё более поразительно. Например, один из героев эпоса обладает необычным кольцом:

*А на перстне есть девять камней огневых,
От земель, что вокруг Солнца – от девятерых.*

К этому двустишию даётся сноска: «В подлиннике – девять разных земель из округи Солнца».

В заключение хочу вернуться к разговору о «космическом сознании», с которого я начал эти заметки. Понимание того, что Космос – это важнейшая часть нашей жизни (причём не только в высоком духовном смысле, но и в самом повседневном), в европейском цивилизационном пространстве начинает складываться только в XX веке, в особенности после работ Фёдорова, Циолковского, Вернадского. Много писалось в последние годы в связи со столетним юбилеем великого визионера К.Э. Циолковского о том, что ростки космического сознания, заботливо возвращавшиеся им, подготовили и блестящие успехи следующего поколения инженеров и учёных: Королёва, Янгеля, Келдыша и многих других...

Думаю ещё, что найдутся внимательные исследователи мифологии и истории Кавказа, которые помогут раскрыть и эту загадку: как возник этот текст? Почему именно у карачаевцев и балкарцев, малых народов Северного Кавказа, региона, такого динамичного и «горячего» в геологическом и этническом отношении, родился такой великолепный эпос со столь сложной и близкой к современным научным воззрениям системой взглядов и на земную жизнь, и на Космос, а также и на их неразрывную связь друг с другом?

Лев ЗЕЛЁНЫЙ,

Вице Президент РАН, доктор физико-математических наук,
профессор, действительный член Международной академии
астронавтики, директор Института космических исследований РАН.

СЕДОЙ ВОДОПАД

(Заметки переводчика)

Ты, чей разум стекал, как седой водопад,
На пастушеский быт первой древности...

Велимир Хлебников

Верю сказкам наперед,
Прежде сказки станут былью.

Велимир Хлебников

«Для того, чтобы понять поэта, надо побывать в его стране» – так утверждал Гёте. Но в случае с эпосом поэтом является весь народ. И связь этого народа-языкотворца с землей, с почвой эпоса особенно тесна, поистине нерасторжима. Вопреки всем перипетиям исторической судьбы, душа народа и оказавшись на чужбине устремляется в родной край, вновь и вновь вместе с чередой облаков возвращается к первоисточнику национального сказания. Только у этого туманного первоисточника живет в ладу с собой, в гармоническом единстве с природой. И чуть призабытый в изгнании язык, расцветая, воскресает, когда слова наяву соприкасаются с породившими их вещами и предметами, когда не на карте, а в самом ландшафте находят свои места, не вытравленные из памяти географические названия. И во всех испытаниях сбереженный эпос преображает пустовавшую, так и не открывшую чужим своего сердца землю, но каждому усвоившему тысячелетнее предание с младенчества эта земля открывается в эпических образах. Вот и пещеры, откуда на свет выползали злокозненные хárры, вот и гранитные глыбы, оставшиеся от грозных камнепадов и напоминающие об игре героя Сосурки с недоверчивым эмегеном! Да вот и сам Сосурка – не изваяние, не надгробие, а сам он, вышедший из камня и, свершив все хитроумные свои подвиги и буйные прегрешения, вернувшийся в камень... Какой гениальный и созданный железной логикой мистики сюжет!

Некогда через Аланское царство проходил Великий Шелковый путь – то его ответвление, которое, одолевая перевалы, устремлялось к византийским пристаням Абхазии, к Питиунту (Пицунде). В караванах могли быть торговые гости и из Багдада, и из Чананя, и уж точно – купцы из Хорезма, повидавшие и Багдад, и Герат, и китайский Чанань. Кое-где вдоль уцелевших отрезков дороги еще лежат прикинувшиеся горной породой комья окаменелой золы былых костров. За кострами этими на долгих ночлегах, иной раз как пережитое самими путешественниками, рассказывались причудливые сказки самых дальних стран. И обрывки этих рассказов оседали в памяти слушателей, оставались в воздухе ущелий, уходили в многократное горное эхо. Исследования истории странствующих сюжетов мировой литературы, которыми так

вдохновенно и глубоко занимался В. Я. Пропп, в конце концов перерастают границы фольклористики и становятся чем-то близким теологии и психоанализу. Не будем погружаться в эти дебри, засвидетельствуем только то, что приключения Сосурки, отправившегося на поиски целебного снадобья, местами похожи на случившееся с Синдбадом, героем «Тысячи и одной ночи». И, конечно, история Сибилчи в пещере эмегена повторяет историю Одиссея в пещере циклопа Полифема (не есть ли само слово «эмегён» – искаженное «Полифем»?). Мерещится, что какого-нибудь пленного элина предки нынешних горцев держали в яме, как толстовского «кавказского пленника», и точно такая же жалостливая хозяйская девочка бросала ему в подпол сырны лепешки. А в дни веселий и застолий, вечерами, когда, не смолкая, аккомпанировали местным напевам звуки тростниковой сыбызги (древнегреческой сиринги), пленника поднимали на поверхность и поили пенной бузой. И вот, будоража воображение хозяев и гостей, он пересказывал главы «Одиссеи»...

Но нет, всё могло быть и совершенно иначе, и – противоположным образом, или – и так и этак. Ведь родина эпосов – именно Кавказ, гора Каф средневековой исламской географии. И над снежной горой Каф парил Синдбад, уцепившийся за крылья исполинской птицы Рух. И еще раньше, в седой древности к побережьям этих неодолимых гор на увенчанных изваяниями богинь и богов гребных судах приплывали греческие искатели «золотого руна». И возвращались в милую Арголиду, обогащенные если не золотом, то здешним умопомрачительным фольклором. Историями о Прометее, прикованном к скале (а ведь еще и в девятнадцатом веке кого-то к этим скалам, случалось, приковывали!), об амазонках, о многоруких и многоголовых чудовищах, об одноглазых циклопах...

Какой бы мечтой и реальностью ни была рождена фантастика сказаний, кем бы ни было брошено первое зерно, здешняя почва была хорошо подготовлена для посева и невиданного урожая. И потому родство карачаево-балкарского эпоса и с гомеровскими поэмами, и с арабско-персидскими сказками, да, впрочем, и с параллельными нартскими сказаниями соседствующих народов – относительное, отдаленное и все более отдалявшееся в ходе столетий. Родство, ослабевавшее по воле многих поколений сказителей, уводивших поток повествования в свою сторону и творивших, перестраивавших, заселявших собственный мир.

В конце концов, все люди похожи и судьбы всех больших и малых народов также имеют черты сходства. И на всех своих языках человечество слагает какую-то единую сагу. Мировая литература едина и столь многое в ней повторяется и возобновляется во все времена. Читая карачаево-балкарских «Нартов», мы вдруг припоминаем античные мифы о Золотом веке, а в рассказе Чуерди об оружии, оставленном отцом сыну, в необходимости сдвинуть исполинский камень, чтобы добыть отцовские доспехи, распознаем миф о Тезее, и уж точно история Борá возвращает нас к мифу об Орфее, песнью и музыкой своей заставлявшем двигаться и

плясать деревья и камни. Да, можно иногда заподозрить заимствования у предшественников, но что сказать об эпизоде поединка Гуждара с сыном Гилястана с заменой клинков, один из которых отравлен! Это в точности повторяет шекспировскую сцену боя Гамлета и Лаэрта, но Шекспир (или тот образованный английский аристократ, который творил под этим именем) никак не мог ведать о деяниях нартов. То же можно сказать и о Свифте, создавшем упоительный роман о путешествии Гулливера в страну лилипутов. А ведь лилипуты, именуемые бешкары́шами, пигмеи, гномы, ставшие по воле судьбы истинными страдальцами, присутствуют в сказаниях Карачая и Балкарии...

В итоге судьба всех мировых повествований одна. О судьбе этой писал ещё А.Н. Веселовский в классической работе «Поэтика сюжетов», замечая, что и современная ему повествовательная литература с её сложной сюжетностью и фотографическим воспроизведением действительности однажды «очутится в такой же далекой перспективе, как для нас древность, от доисторической до средневековой, когда синтез времени, этого великого упростителя, пройдя по сложности явлений, сократит их до величины точек, уходящих вглубь, их линии сольются с теми, которые открываются нам теперь, когда мы оглянемся на далекое поэтическое творчество, – и явления схематизма и повторяемости водворятся на всем протяжении».

Вернемся на миг к прославленной в тысячелетиях «Одиссее». В ней присутствует единственное приключение с Полифемом, кончающееся побегом хитроумных греков от свирепой мести обманутого и ослепленного циклопа, от гнева его туповатых, как наши эмегены, сородичей. Это – лишь дорожный эпизод, хотя и страшноватый, в детстве сильно впечатляющий. Но неистощимые сказители тюркского кавказского эпоса с течением веков создали повесть обширную, цельную и многовариантную (ведь в этой книге, объединившей избранные, наиболее впечатляющие циклы сказаний, показана лишь «вершина айсберга»). Здесь убедительно поведано о параллельном существовании на одной земле разных миров: баснословные нарты находятся где-то рядом с эмегенами и инопланетными пришельцами харрами, сообщаются с вымирающими обитателями Луны, айса́нами (здесь воображение карачаевцев и балкарцев, кажется, и предвосхищает и превосходит фантазию Уэллса, с некоторым пренебрежением изобразившего хилых селенитов). Сталкиваются нарты и с еще более удивительными хищными существами, обитающими в самых далеких вселенных. Ах, если бы здесь были только смутные отголоски миров иных! Но и существование этих миров и присутствие в непосредственной близости невероятных чудовищ кажется героям эпоса само собою разумеющимся, обыденными. «Нартский дух» возрастает и крепнет в воинственном общении с опасными порождениями небес и земных недр... С такими-то вот соседями и невольными «контактерами» нарты встречались, как-то разговаривали, вступали в переговоры, воевали, а иногда даже и рождались, заключая брачные союзы. Избежать

соседства было невозможно. Нарты, хотя, случалось, и плавали по морю и даже опускались на дно морское, как Алауган, никак не могли последовать примеру беглеца Язона, прихватившего Медею и на всех парусах устремившегося восвояси. Ибо их родиной были эти горы, эти ущелья Приэльбрусья и сопредельные степи. И покидать родину не хотелось во все времена.

Такое соседство кажется невообразимым. Но с каким фантастическим реализмом материализовано это странное затяжное сновидение, с какой дано убежденной определенностью, с какой «вещностью» (воспользуемся акмеистическим термином)! И как действие привязано к месту! Эпос «заземлен» топонимикой, неизменившиеся географические названия произносятся в нем столь непринужденно... Но ведь сказание не сошло с небес в один день, а слагалось, должно быть, на протяжении пятнадцати веков, если не более того, и в этом всё дело. Эпос несет в себе все времена! И доисторические и уже исторические. И он всё менялся и ширился, и то и дело являлись в нем новые герои, иные из которых всей сутью своей уже весьма несхожи с титаническими перво-населенниками Земли. И вот наконец доблестные нарты, выполнив свое земное дело, удаляются на свою небесную родину. Остаются уже произошедшие от нартов люди с их известными свойствами, хорошими и дурными. Люди, наделенные разумом, хотя и не всегда следующие его велениям. И лучшие из них понимают, что жить следовало бы всё же «по-нартски»...

Вряд ли в любом из эпосов можно выделить какую-либо главную мысль. Все же один помысел поселяется в душе каждого героя: мысль о продолжении жизни через потомство, без которого она бессмысленна. Бесплодие – величайшая беда, утрата наследника – страшное горе, а вот деторождение – долгожданное благо и спасение. Почти всевластные и всевластные нарты всячески стремятся укорениться в земном мире. Но, кажется, это невозможно, ведь и сами они здесь пришельцы. Вывод: Земля должна принадлежать землянам, тем, кто на ней родился и вне ее не мыслит своего существования.

В «Нартах» сосредоточенность на житейских нуждах сочетается с возвышенным порывом и дерзновением. Пленяют нас и прозорливость, и нередкое простодушие эпоса. Поучительна мудрость, завещанная потомкам Дебетом, – побеждать не силой, а умом, смекалкой... Так вот и выживали малые народы Кавказа. Помогали им выжить и незыблемость обычаев, и строгий этикет, и кодекс чести, не менее изысканный и утонченный, чем «бусидо» самураев. Назовем это наследием нартов. Но между тем эпические нарты были не только отважны и неумолимо суровы, ревностны в исполнении своего кодекса чести, но и сострадательны. Во всяком случае, и в худые времена начавшегося уже социального расслоения в их среде находились защитники бедных и обездоленных, подобные Рачикау. Уж так не похож он на тех, в общем привлекательных героев «Илиады», которые в разговоре со слабыми, худородными и

высокомерны, и пренебрежительны. На того же блистательного Ахиллеса, зло высмеивающего Терсита и дающего ему тяжкую пощечину, решительно не похож. Нет уж, здесь нет общего с Гомером...

Заметим, что не всё в кажущемся нам выдумкой, фантастикой эпоса безусловно фантастично. К примеру, не столь уж безосновательно мнение о способности музыки воздействовать на животных (которые, должно быть, не лишены души). Растроганная песней Бора изнурённая кобылица, отказавшаяся кормить жеребёнка, услышав жалобную песнь свирели, проливает слезы и кормит свое дитя. Это кажется сказкой. Но вот и в нынешней Монголии верблюдицу, уходящую от брошенного верблюжонка, заключают в широкий круг музыканты, без усталости играющие на своих громадных хурах до тех пор, пока верблюдица не заплачет и не кинется к верблюжонку... Да, искусство всеильно, и лишь властью той же музыки предотвращается сражение между нартскими ратями. «Красота спасет мир!», дай-то Бог, а мысль эта выражена в образах нартского эпоса ох как давно и задолго до Федора Михайловича Достоевского...

В войне с харрами нарты применяют, так сказать, средства «химической войны», и это тоже кажется необъяснимым и привнесенным сказителями новейшего времени. Но вот ведь еще древние спартанцы в пятом веке до рождества Христова бросали ядовитую серу в костры, дым от которых при удобном направлении ветра устремляли на врагов...

Все это так и должно быть, еще многому диковинному можно сыскать рациональные объяснения, и все же в «Нартах» всё равно есть какое-то изумительное таинство, которого лишены другие (пусть художественно и равновеликие) народные сказания. Все великие, большие и малые, эпосы Азии, могучей «родины родин», конечно, гениальны как образцы всенародного творчества, но все как-то однотипны: чудесное рождение героя у заждавшихся наследника родителей, его возмужание, молодецкие игры, богатырские подвиги, его верный и мудрый богатырский конь (нередко говорящий и спорящий со своим всадником), его возлюбленная, за которую приходится и побороться, его сподвижники, его враги и завистники, его гибель, часто вследствие вражьего коварства, горестная тризна и вечная память в народе... Надо ли говорить, что включающий в себя и некоторые звенья всего этого, столь типического и неизбежного, карачаево-балкарский эпос, в котором жизнь воинов и скотоводов, «пастушеский быт первой древности» сочетается с ощущением жизни вселенской, с редкостным для той глубокой и глухой старины, когда, по выражению Боратынского, «человек естества не пытал» космизмом, совершенно оригинален и своеобразен. И по содержанию, и по форме. И разумеется, особую оригинальность карачаево-балкарскому эпосу придает прежде всего сам язык, на котором он создан. Язык с богатым словарем и неистощимым рифмовником, с изощренной системой стихосложения, существенно отличающейся от версификации, привычной, например, для других народов Северо-Западного и Центрального

Кавказа, имеющих свои варианты «Нартов», каждому из которых дано свое первородство.

Пожалуй, здесь пора сказать о своем: и переводить такой странный и своеобразный эпос психологически труднее, чем «типовой». Опасно чрезмерной вольностью исказить образный строй, в передаче живой речи сфальшивить, выговорить неверный звук или же, что-нибудь огрубляя, упростить по ходу истолкования «космических» видений и мотивов. Обилие составных, местами и каламбурных рифм в тюркском стихе меня не удивило (не во всех случаях, однако, удастся эти выигрышные особенности поэтической речи передать). Но работа над переложением вообще изменила мои представления о стихе тюрков – я поначалу не предполагал такого обилия рифм с ударениями не на последнем слоге (не «мужских»). Мне чудится, что это явление связано и с глубокой древностью памятника, когда язык еще не влился в твердые формы, а ударение бывало зыбким, колеблющимся, и с тем, что стих эпоса был сразу ориентирован на распев. Должен сказать, что, прослушав записи исполнения «Нартов» карачаевским хором, записи этого неистово страстного и гулко-го, словно горные теснины, пения, я был поражен как громом.

Всего же сложнее оказались по возможности плавные, естественные переходы от начальных космогонических глав к героическим, и далее к «бытовым», повествующим, в сущности, уже о коллизиях куда более простой, незамысловатой, хотя и наполненной игрой страстей, не чуждой каждодневной корысти и терпеливо зреющего коварства сельской жизни. Менялись времена и нравы, изменялось и содержание эпоса. Это требовало смены ритмов и интонаций, большей подвижности стиха, большей живости диалогов.

Если прав Жуковский и переводчик становится соперником автора, то, пожалуй, легче было бы состязаться всё же с единственным творцом, а не с необозримой ратью искусных сказителей...

Моя работа, встретившая много технически труднопреодолимых препятствий и, признаться, иной раз зависевшая от душевных состояний, до невозможности затянулась и продлилась семь лет. Сегодня мне кажется, что с персонажами эпоса я прожил целую жизнь. И это не только моя работа, не только ремесло, это, кажется, и судьба... Я влюблен в это сказание, влюблен в его образы, некоторые из которых, увы, оказался бессилён передать с мощью, присущей подлиннику, со всей многозначностью многослойного слова... Но ведь, между прочим, я и сам – читатель! И как восхищает меня содержащееся в «Нартах» выражение – «отогнать стадо на крик». То есть на расстояние, измеряемое слышимостью крика (впрочем, есть ли нужда в пояснениях! – содержащаяся здесь поэзия смертоносно точна и лаконична). И вот это роскошное великолепие образа возникает в самом кочевом быту, как естественное мерило сцепившихся пространства и времени... Или с какой всепобеждающей простотой и страшной силой сказано о беде

отца, потерявшего сына: «Горе хлынуло в душу, как черная кровь!» Да ведь нужно было только повторить это на другом языке, не прибавив ни полслова. А так часто для выразительных идиом приходилось мучительно искать хотя бы приблизительного аналога...

Я чувствую, что в реликтовом, некогда труднодоступном Приэльбрусье каким-то чудом сохранилась заповедная, потаенная, вещая душа всего необозримого тюркского мира. И душа эта в равной мере воплотилась в пейзаже и в эпосе... Конечно, душа народа может быть выражена и в словах неродного языка, в различных переложениях эпоса. Но не на последней глубине... Я рад, что отдал делу этого перевода многие дни и ночи, это был для меня нелегкий опыт познания. Но справедливо сказал последний великий русский поэт Николай Заболоцкий: «Успех перевода не может быть столь же долговечен, как успех оригинала». Принимая эту суровую истину, я склоняюсь перед бессмертием подлинника. В своей полноте и цельности он грандиозен.

* * *

«Кончен мой труд многолетний, – со смешанным чувством, с непонятной и понятной грустью, воскликнул великий поэт. – Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи...» Конечно, я не смею и мысленно сравнивать ломкое изделие своего странного ремесла с пушкинской «воздушной громадой». Но и мои невозвратные дни и годы незаметно прошли за письменным столом. Эта постоянная работа стала для меня и нелегкой ношей, и потаенной, поскольку знали о ней немногие, радостью. Удалившись в пространство эпоса, я нашел в нем второе свое существование. Иногда параллельные линии пересекались, как в мире Лобачевского, и я уже привык, разглядывая собеседников, распознавать в них персонажей проникновенного повествования – то нартов и нартских героинь, то эмегенов и эмегенш. Видимо, привычка останется навсегда. Полностью выбраться из мира, в котором я провел столько времени, как кажется, уже невозможно. Это труднее, чем было Сосурке вырваться из многоярусных подземелий.

Но вот час настал. Пора выразить искреннюю мою благодарность спутникам, помощникам, вдохновителям моего труда. И первое благодарное слово обращено к человеку, без участия которого всё задуманное оказалось бы неосуществимым, само издание такой книги невозможным – в наше-то время торжествующей бульварщины и падения поэзии. За творческую волю, щедрую широту и стоическое долготерпение я хочу поблагодарить Алибека Узденова, мудрого предпринимателя, общественного деятеля и просвещенного мецената. Я категорически хочу подчеркнуть, что его участие в деле было не только материальным, финансовым. Алибек поддерживал меня и непрестанной заботой, и советом, и даже необходимым в какие-то мгновения, побуждающим к действию упреком, и, разумеется, самой исповедальностью орнамен-

тированных притчами речей о характере и судьбе родного народа, сохранившего свое великое творение на путях безжалостной истории.

Горькие слова Алибека Узденова о народной трагедии, слова, вырвавшиеся из его души с ужасной прямоотой, в осознании скорбной истины, – я потрясённо удержал на бумаге стихами, превратил в небольшое стихотворение «Речь Алибека»:

*Лучше бы умерли дети.
Но и в имперской тени
И на пути лихолетий
Лишь умножались они.*

*Белые эти метели,
Красные эти пески
Всех поглотить не сумели...
Но не дошли старики.*

*Выжил народ-песнотворец,
Чтобы смеяться и петь,
Но – с половиной пословиц,
С песнью, забытой на треть.*

Я отчетливо сознаю, что переложение на другой язык, даже и самое успешное, – дело второе. За русским переводом, надо думать, со временем появятся и другие. Главное – полносоставный свод на родном языке. Но все-таки пусть и переводы послужат всё той же цели – утверждению, закреплению карачаево-балкарских «Нартов» в общечеловеческой сокровищнице, в мировой культуре. Труды и дни Алибека, осмысленно отданные святой цели, осенены ее светом.

Мне дорого мое давнее знакомство и приятельство со Светланой Алиевой, дочерью виднейшего карачаевского ученого-просветителя Умара Алиева, его наследницей в филологической науке. Мысль о привлечении меня к работе над переводом «Нартов» принадлежала ей, и вот, годы спустя, я вручаю Светлане Умаровне эту книгу и приношу сердечную благодарность.

Мои первые шаги в сторону эпоса были робкими и неуверенными, как приближение к тому кургану, который вдруг оказался дремлющим эмегеном и пробудился с грозным шумом... Как-то ориентироваться в ландшафте, время от времени выбираться на спасительную контрольную тропу помогал мне ставший моим другом Альберт Узденов, народный поэт Карачаево-Черкесии, оригинальный мыслитель. Не только знаток национального эпоса, но и его собиратель и записыватель, хранитель, создатель итогового свода. Вообще-то, таким людям их соотечественники ставят памятники – как, например, завершителям финской «Калевалы» и эстонского «Калевипоэга». Завершив без сомнения главное дело своей жизни, Альберт не остался безучастным и к судьбе русского перевода. Я часто обращался к карачаевскому другу за советом и под-

---

держкой, множество часов в разные годы мы провели вместе, работая над дословным пересказом всё разрастающегося повествования. И моя благодарность безмерна.

Величайшая моя признательность – Наталье Орловой, с которой в беге дней и лет часто обсуждались многие строки этого переложения и решалась приемлемость тех или иных слов и оборотов. Я считаю Наталью Степановну выдающимся литературным редактором и вместе с тем одаренным поэтом, и от души благодарю ее за бескорыстное участие в работе.

Слова благодарности – писателю Борису Коркмазову, всей душой и с первых дней участвовавшему в начинании и особенно ценную помощь оказавшему мне на последнем отрезке дороги. Его тонкие замечания, способствовавшие распознаванию, прояснению оттенков смысла, продвижению к ядру образа, приближению к духу подлинника, были мною учтены...

Так случилось, что несколько благодарственных слов мне приходится произнести с глубокой печалью, потому что, к великому прискорбию, это – благодарность тому, кого уже нет... Мне нестерпимо грустно, что поистине долгожданную книгу никогда не прочтет так внезапно ушедший из жизни Казі Алиев, незаурядный историк, музеевед, деятельный подвижник действительной дружбы народов. Истинный интеллигент, как мне видится, одновременно и карачаевский, и русский (если иметь в виду, увы, увянувшую традицию былой многонациональной и интернационалистской русской интеллигенции). Так безупречно и выразительно говоривший по-русски, как говорят сейчас весьма немногие русские, он знал наизусть целые страницы русской прозы и бессчетное количество русских стихов. Мой пылкий и совершенно неутомимый проводник по горам и ущельям Карачаево-Черкесии, наконец, мой спаситель, за руку вытянувший меня из провала близ Хумаринского городища, когда я вдруг соскользнул в пропасть и повис на зыбких ветвях... Мысленно я вновь и вновь переживаю дни общих с Казі поездок на родину Эпоса. Вижу дивные византийские храмы Архыза, памятники давно миновавшего аланского православия и вместе с тем державного величия Алании, – их руины своими руками восстанавливал Казі Алиев. Должно быть, с тем же трепетным жаром, с каким его предок некогда принес из Дагестана в затерянный, недоступный Карачай истины и громовые глаголы Корана. Припоминаю высокие своды храмов, опустелые каменные гробы аланских царевен, а через проломы и продутые ветром столетий церковные окна вижу горные склоны и на широком лугу – неистребимый, несокрушимый, широкошумный бурьян, покрытый цветами и нечто смутное, и языческое, бормочущий и лепечущий на языке нартов и эмегенов. Ночами здесь, занимая полнеба, встает громадная медная Луна и очертания ее сизых пятен – выбоин и кратеров – напоминают то «лунное дупло», в котором обитала мать Алаугана. Совсем недалеко от храмов – извлеченные из земли остатки древней раннесредневековой

обсерватории, и – какая последовательность, привязанность к месту! – тоже не слишком далеко, лишь несколько выше в гору, – гигантская, самая большая в Европе современная обсерватория. Знать, здешние места особенно удобны для созерцания тех крупных, жгучих, полноцветных звезд, тех запредельных миров, от которых и в сторону которых, если верить эпосу, некогда со скоростью солнечных лучей мчались лихие всадники на громоздких и говорливых конях с гривами, состоящими из вращающихся спиралей, с копытами, то квадратными, то подобными колесам. И, прикинув к таинственным приборам, укрепленным на холках коней, всадники эти видели всю нашу планету в мельчайших подробностях.

Много удивительных мест в Карачае, много, что называется, «достопримечательностей». И четкие, и полустершиеся рисунки на скалах и на поросших древним мхом камнях. И старые башни, и изваяния идолов, и древние циклопической постройки селения, пережившие и вражеские набеги, и нестерпимый ужас выселения, но в наши дни почти пустые или уж совсем пустые, превратившиеся в памятники самим себе. И уцелевшие камни Великого Шелкового пути, по которым я тоже прошел несколько верст. И то озеро, к ледяному покрову которого намертво примерз обманутый Сосуркой эмеген (знойным летом пришлось мне под надзором Кази искупаться в этом озере, и прохладные воды были сладостны и благодатны). И вырубленные в скалах усыпальницы, подобные палестинским захоронениям. И развалины хазарского храма, несколько напоминающие современную реконструкцию храма Иерусалимского, – во время оно это строение было и казнохранилищем всего Северного Кавказа. И та глыба метеоритного железа, с незапамятных времен лежащая на берегу Кубани и еще в древности ставшая общей святыней карачаевцев. Собираясь на войну, и на русско-японскую, и на обе мировые, новобранцы брали с собой, как талисман, малую частицу, песчинку этого железа. А глыба всё так же велика и нерушима.

Многое успел показать мне в дни наших странствий гостеприимный хозяин края, ныне покойный Кази. Хотя многое так и не успел, оставил до очередного моего приезда... Трудно предпочесть одному природному или рукотворному чуду другое. Все же больше всего поразила меня поездка на Бийчесын, к подножию Эльбруса, карачаево-балкарского Минги тау. Можно долгими часами разглядывать эту великую гору, с трепетом любоваться ею, и «вдохнув душу времени» (как выразился о подобном ощущении один замечательный современный писатель), провести через себя всю череду миновавших эпох. Так глядел с Бермамыта на эти места и на эту гору рисовавший её Михаил Лермонтов (между прочим, с некоторых пор мне стало казаться, что его дерзостное и гениальное стихотворение «Тамара» о грузинской царице, которая в действительности была образцом добродетели и благочестия, – не что иное, как вольный пересказ карачаево-балкарской легенды о мерзостной Кыр-бийче)...

Поглядывая на ослепительное великолепие Минги тау, мы пили нарзан – не что иное, как «нартсан», «воду нартов». Пили ее не из бутылок, а зачерпывая пригоршнями из Нарзановой реки, плещущей и журчащей у подножия бессмертной горы. Купались в этой медлительно-вязкой реке, да простит нам Бог! А потом вышли в открытое поле. Кази и другие мои спутники разбрелись по холмам, упорно напоминавшим то одноголовых, то многоголовых эмегенов. Я остался наедине с первозданной и легендарной степью нартов, по которой мгновение назад промчались Ёрюзмек с Ногайчиком. Должно быть, это – ее последний уцелевший клочок. И все-таки она еще существует. Веет той же дикой свежестью буйных трав, ложившихся под ноги табунам, окутывает мелкой и густой, выжженной и мыслящей пылью незримого Соляриса. Увлекает в бесчисленные миражи. В это переливчатое чадное марево, бывало, уходили, скрываясь, от могущественных врагов, от угрюмых кровников. Сюда увозили похищенных невест. И даже в позднесталинское угарное время, в годы изгнания народа и запустения края, здесь укрывались и оборонялись от всей мощи державы отдельные не покоровшиеся ей смельчаки... И не здесь ли нартские герои совершали свои подвиги и думали свои думы! Пока не растаяли, не растворились в этом переменчивом тумане... И пока, внезапно превратившись в свирепо вращающиеся вихри, они не воспарили к самым отдаленным звездам.

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ,
поэт, академик РАЕН и Петровской академии,
лауреат премии «Глобус» за интернационализм творчества,
лауреат премии имени Ивана Бунина

ПЕРВЫЕ НАРТЫ

ТЕЙРИ И НАРТЫ

Так давно – до глухих, тёмных, бессчётных лет,
Лишь явился во тьме будущего просвет,

Главный Тейри¹ миры соединил и свёл,
Сжал их в один комок, втиснул в один котёл.

Не разойтись, не взмыть – намертво сплочено,
Всё величайшее здесь в малое вмещено.

Сплющил, сдавил миры и отпускает вдруг:
Мощной волей Тейри создан Вселенной круг.

Звёзды он разбросал бисером из горсти,
Каждой движенье дал и прочертил пути.

Миродержавный Тейри, чтоб не быть одному,
Создал много тейри по образцу своему.

Создал и поручил все исполнять дела,
Властвуют – ведь на то воля Его была.

Выбранный им тейри принял над Солнцем власть,
Чёрный Желмау́з² Солнце хочет украсть.

Солнцу Тейри велел прятаться, не попасть
В злой разинутый зев, в чёрную эту пасть...

Так Верховный Тейри всё предрешил, приказав
Повиноваться Ему и усмирять свой нрав.

Солнца мудрый Тейри солнечный свет явил,
Почву – Тейри Земли – тучную сотворил,

---

¹ *Тейри́* (мн. ч. – «тейрилé») – общее название богов карачаево-балкарского языческого пантеона.

² Здесь – злой демон в образе дракона; в карачаево-балкарском фольклоре «желмау́з» имеет несколько ипостасей: злое божество, демон, дракон, старуха-людоедка.

Вдунул Тейри Небес воздух, и вот когда
Властью Тейри Воды сотворена вода.

Вот Верховный Тейри одобрил течение дел
И на Земле расцвести жизни он повелел.

Каждый тейри во всех бросил семя-зерно,
В каждом тейри оно было заронено,

Семя дальних миров, семя близкой Луны...
Вот какую судьбой земляне на свет рождены.

Было сонмом тейри всё решено наперёд,
Чтоб сотворённый род жил себе без забот.

Так порешили они, что опекать его
Будет каждый тейри, каждое божество.

Пусть же Солнца Тейри щедро дарит тепло,
Дарит Тейри Земли всё, что на ней возшло.

Дарит Тейри Небес воздух краям земным,
Дарит Тейри Воды синие воды им.

Первых землян тейри нартами нарекли,
И тайнознание дано было сынам Земли.

Только покоя нет, жизнь не идёт на лад –
Спорят земля с водой, буйствуют и бурлят.

О, не постичь, зачем волею злой судьбы
Вся трясётся земля, море встаёт на дыбы.

Мучаются семь лет – но не понять, хоть умри,
Как им на свете жить, – спрашивают у тейри.

Молвили божествам: «Дайте земле покой,
И не душийте её гневной волной морской!»

Им помочь не смогли Тейри Земли и Воды,
Только Солнца Тейри нартов спас от беды.

Солнца пылкий Тейри в чреве своём добыл
Огненную руду из сокровенных жил.

То, что живило его и прибавляло сил,
С неба обрушил он, в огненный дождь превратил.

Клиньями излилась пламенная струя,
Клинья он в землю вбил, в твердь вогнал острия.

Недра пронзив зубцом, остывали они,
Тверди земной крестцом, горами стали они.

Скрепы свои вогнал Солнца Тейри везде,
И наступил покой на земле и воде.

Вскоре инсанов¹ на свет нарты произвели,
Сделали их людьми, жителями Земли.

Им помогали во всём, долго вели за собой,
Позже – оставили их думать своей головой.

РОЖДЕНИЕ НАРТСКОГО КУЗНЕЦА ДЕБЕТА

Режде, во мгле пещер, в жизни, столь древней, что
Каменным был котёл, из дерева – решето,

Тейри Небес овладел юной Тейри Земли,
И день, и месяц, и год девятижды прошли.

Грянул гром, и Земля в этот миг зачала,
Ликом стала худа, телом кругла, тяжела.

И сотряслась Земля, Дебёт родился – его
Мать Воды приняла, вымыла, как своего.

Рот омыла ему бережно, словно мать,
Чтобы теперь он смог и под водой дышать.

Словно родная мать, его вскормила она,
В душу его, как мать, мудрость вложила она.

Сердце Дебета горит, всё оно – из огня,
Плоть его – как булат, грудь его – как броня.

Мышцы напряжены натянутой тетивой,
Подвижен каждый сустав – огненный и живой,

Что, разогнувшись вдруг, мышцею шевеля,
Разом ужаться мог, как дверная петля.

---

¹ *Инсаны* – обитатели Земли, разумные существа.

Кровь его и душа – пламя, чей страшен гнев.
Камень в его руке плавится, побагровев...

Взглядом он обнимал выси горной страны,
Взором приподнимал грозные валуны.

Сына Тейри Огня огненной речи учил,
Дар Земного Тейри – речь горнорудных жил.

Вот на кручу Дебет всходит в один из дней.
Там одна из пещер влечёт его всё сильнее,

Манит его к себе, неодолимо зовёт,
И в душе лишь одно – встать под пещерный свод.

Но лишь вошёл Дебет в эту густую тьму,
Сразу лишился чувств неведомо почему.

Словно пронизан весь тягостной силой он,
Словно бредит в чаду, немыслимый видит сон.

Возникло в пещерной тьме дивное существо:
Вот в семь охватов столп – мощное тело его.

Словно камня твёрд, с неподвижным лицом,
Молча сидел великан, мнившийся мертвецом.

Диво – всего один глаз на его челе!
Безмолвствовал великан, замерший в сонной мгле.

Вдруг, как кинжал в ножны, в тело его вошла
Молния Элии¹, как серебро светла.

Вздрогнул он, задышал, ожил, глаз приоткрыв.
С Дебетом заговорил, грузно-нетороплив.

Молвил: «Входи, Дебет! Знай: здесь святые² живут!
Самый первоисток нартского рода тут!

Здесь – оплот чистоты, к ней прикоснёшься ты.
Сам я – святое дитя льющейся чистоты.

---

¹ Элия – бог-громовержец карачаево-балкарского языческого пантеона.

² В подлиннике «шамла́» (мн. ч. от «шам») – святой, царственный; любопытно, что название знаменитой невидимой страны мудрецов Шамбалы, якобы расположенной где-то в Гималаях, в карачаево-балкарском языке имеет значение – «шам – святое (царственное), бала – дитя» т.е. святое дитя.

Эти мои слова вспомни, выйдя на свет...
Пятыми рождены вы на Земле, Дебет!

Только не следуйте вы жившим на ней до вас,
Утратившим чистоту, – дух без неё угас!

Если и ваша жизнь окажется столь мелка,
Все пропадёте вы, сгинете наверняка.

В Землю огненный шар Главный Тейри метнёт,
Разом покروют её волны великих вод!»

Тут очнулся Дебет, и на ногах не стоит.
С лица вытирает пот, опершись на гранит.

Знать, от речи такой сердце ему светло...
– Где я? – смотрит вокруг: пусто всё и светло.

Прежней пещеры он больше не увидал.
Значит, всё было сном здесь, среди мрачных скал.

Тут ощутил Дебет, что бремя упало с плеч,
Он с камнями завёл о приключеньи речь.

Что же молвить могли камни ему про сон?
Был этот вещий сон смутен и затемнён...

С ношей камней Дебет пошёл в родное село.
Не торопился, дух переводил тяжело.

Много он раздавил руками камней крутых,
Понял он и постиг всю сердцевину их.

Их вместо хлеба ел, сведал любого вкус,
Понял, что на себе нёс не напрасно груз.

Всё, что он пожелал, сделал из тех камней.
Помощь Тейри Огня стала ещё нужней.

Гнул железо Дебет, в дланях, как тесто, мял,
Ковал его, как хотел, с ходу переменял.

Сколько шлемов, кольчуг выковал он в чаду,
Каменный уголь жёг, вываривая руду.

Дело в мощных руках спорилось, сталь текла,
Стал Дебет кузнецом, мастером ремесла.

Мехи он изобрёл, молот, горн и щипцы,
То, чем владеют все умелые кузнецы.

Нашёл железо в земле, первый выковал меч,
Первым начал в печи каменный уголь жечь.

Мехи установил, стал из расщелин в дол
Руды переправлять, что он в горах нашёл.

Жёг на углях руду, чтобы потом, в пыли,
Тяжкий железный брус растягивать, как смолу.

В мощной его руке стало железо красно,
Через горный хребет в море ушло оно.

До запястья Дебет руку вглубь опустил –
В Чёрном море своё изделие он остудил,

Вынул – и показал народу во всей красе,
Чудной работе его нарты дивились все.

Так и узнали они Дебетово мастерство,
Сотнями стали мечи заказывать у него.

В день до сотни мечей нартам ковал Дебет,
Нартского войска дух выковал для побед.

Если брал богатырь светлый Дебетов меч,
Мог, ударив с плеча, как мыло, камень рассечь.

Ни затупиться клинки, ни проржаветь не могли,
Минги тау¹ насквозь стрелы Дебета прошли.

Стрелы его неслись в самый Кара тенгиз²,
Гребни валов пронзив, все уходили вниз.

И не брали мечи сделанных им кольчуг,
Стрелами не просквозить этих колец и дуг.

Сделал для жеребца кольчугу нартский кузнец,
И не пробил стрелой и не прорвал колец.

Вон он взмахнул мечом и рубанул сплеча –
Стали не прорубил, треснул клинок меча.

---

¹ *Минги тау* – карачаево-балкарское название Эльбруса.

² *Кара тенгиз* – Чёрное море.

И, набирая мощь, крепла нартская рать,
Могут её клинки даже гранит разрубать.

Покамест Дебет куёт, время себе идёт...
Множество совершил подвигов нартский род.

Всех снаряжает Дебет, первый из кузнецов,
Делом умеет он вдохнуть отвагу в бойцов.

Выковать может всё: меч, подкову, иглу;
И обучить детей кузнечному ремеслу.

ДЕБЕТ Ҫ ЁРҮЗТЕК

Нарты, затеяв набег, в неведомом скачут краю,
Своих коней горячат, ищут удачу свою.

Сиятся скакуны грудью – мрак протолкнуть,
Сыплются звёзды с подков на каменистый путь.

Блещут стальные мечи и наконечники стрел...
Нартов ведёт Дебет, он и находчив, и смел.

Забрались далеко, оставили за спиной
Перевалов снега, реки с водой голубой.

Подняли взгляд в небеса, видят: огни горят!
Смотрят во все глаза, пожару дивясь, глядят.

Пылающий камень вниз шлют иные миры...
Голову не поднять в вихре такой жары.

Масками лица прикрыв, нарты упали ниц,
Войлоком¹ заслонясь, так что не видно лиц.

С грохотом камень упал на отдалённый луг,
И затряслась земля, всё выгорело вокруг.

Застлан был дымной мглой полных три дня Бийчесын².
В ужасе нарты стоят средь помрачённых равнин...

---

¹ В подлиннике эти защитные маски из войлока именуются «киййз элэк», что в буквальном переводе означает «войлочное сито» или «сито из войлока».

² Название большого плато в горном Карачае, где расположены летние пастбища.

Лишь на четвёртый день – утром в кромешной мгле
Солнца сияющий лик вдруг открылся Земле.

По выгоревшим полям нарты, страшась, пошли
К месту, куда упал камень на грудь земли.

Дивное предстаёт зрелище для очей...
Мальчик волчицу сосёт... Кто этот мальчик? Чей?

Стала волчица выть, словно в капкан попав;
Мальчик её душил, стиснув, как волкодав.

Так и впилсá в сосцы, будто бы это мёд.
Стала смирней овцы волчица – едва живёт.

– Кто ты такой, скажи! – спросил поспешно Дебет.
Мальчик с ясным лицом скорый даёт ответ:

«Я – Ёрюзмэк, и с небес в камне спустился я,
Стал похожим на вас, тут воплотился я.

Стал я как вы, испив волчьего молока...
К вам волей Тейри Харра¹ летел я сквозь облака.

Там, на Красной Земле², жили, не зная забот,
Всем хватало еды возле текущих вод.

Выслал Желмаууз хитрых, чтоб разузнать
Всё о нашей земле и языки развязать.

Льстиво звали тейри – изменников нашей земли,
Сами себя они “хárрами” нарекли.

Бьются с нашим Тейри... Одолевает гнус –
Щедро врагов снабдил оружием Желмаууз.

Так со своей земли злая судьба смела,
Нас разбросала всех, словно перья орла.

Но мудрый Тейри Харра спас меня и увёз,
Мне в голову разум вложил, напутствие произнёс.

---

¹ Харра́ или хárры (карач.-балк. «хarralá») – красноволосые человекообразные великаны, пришельцы с Марса, непримиримые враги нартов.

² Букв. перевод «Къызыл жер» – планета Марс.

Он повелел, чтоб я предупредил землян,
И, в камень “кадау”¹ вложив, кинул меня в туман.

Нынче войско убийц, прозвавших себя “харра”,
На Землю сошло тайком – вам подошла пора!

Воздух ваш харрам – яд, их задыхается рать...
Но время пройдет – они научатся здесь дышать.

Харры незримы пока, слабы они сейчас,
Вот и таятся они. Не нападают на вас.

Да набираются сил, крепнут, а завтра – глянь:
Поработят и вас, быстро наложат дань.

Если же, как и я, волчье попьют молоко,
Станут совсем как вы и победят легко.

Но ведь до той поры окрепнут крылья орла –
Вырасту, научусь одолевать “харалла”!

Ну-ка сделаем сплав железа с камнем² моим,
Только таким клинком харров мы победим!

Вот вам судьба моя, повесть бед и утрат,
Послан я к вам, и нельзя мне повернуть назад!»

Молвил Дебет: «Сюда послан ты волей Тейри!
Юноша славный, теперь нашу судьбу избери!

Я восемнадцать своих прежде имел сыновей,
Ты – девятнадцатым стань сыном в сакле моей!

Ёрюзмека Дебет принял и полюбил,
Вот как он сына небес сердцем усыновил!

Вырос наследник и стал воином в нужный час
И от напастей злых нартское племя спас.

---

¹ Ёрюзмэк имеет в виду «камень», внутри которого он прилетел на Землю; этот камень-метеорит, называемый «кьадау таш», что означает «замок-камень» или «оберег-камень», по сей день находится в Учкуланском ущелье Карачая.

² *Кадау таш* (см. прим. выше).

САТАНАЙ

Соперниц нет у Сатанай, ты так и знай!
И острый ум, и красота – у Сатанай.

Глаза смородины черней, а яркость щёк –
Как будто брызнул в молоко малины сок.

А тонкий стан, а стройность ног, взгляд колдовской –
Не хватит слов – не описать красы такой.

Ведь Солнце – девушки отец, и так ясна
Её сияющая мать – сама Луна!

В неё влюбился Дух Воды – Желмаууз,
И жаждет мрачная душа сердечных уз.

Он каждый шаг её следит – сжигает страсть!
Чуть вышла на берег она – сумел украсть.

Её на острове, во мгле, укрыл одну,
И вот красавица живёт, томясь в плену...

От горя тёмн лик Луны, мрачна она,
Как будто в траур по ночам облачена.

Тоскуют Солнце и Луна вот почему:
Как в день затмения – вся Земля ушла во тьму.

Скорбя, сиянья своего лишили нас,
Не реки слёз – потоки звёзд текут из глаз.

Когда ж иссякнет ливень слёз, тот звездопад,
Родители – в немой тоске – с небес глядят.

Увидят ли они её, найдут ли дочь,
Сумеют ли её спасти и ей помочь?

Как похитителя сыскать, узнать врага?
И гонит волны слёз Луна на берега...

Горюет Солнце и горит – Земля, пылай!
Всё зря! Желмаууз Воды скрыл Сатанай!

Её на острове никто не разглядит,
Туманом остров окружён и мглой повит.

Залёг злодей на дне морском, а где – узнай!..
Присматривала Мать Воды за Сатанай.

Чесала волосы её, сестры нежней,
Желмаузовы дары носила ей.

– Даров, – твердила Сатанай, – не нужно мне!
Рассвет над морем не живит, черно в окне.

Который год она в слезах, ей жить невмочь,
И вот решила убежать однажды в ночь.

Вот, сажей вымазав лицо ¹, во тьме идёт
И видит плоскую доску на лоне вод.

Садится быстро – две руки, как два весла,
С попутным ветром до земли вдруг доплыла.

Находят деву алмасты ² и вот ведут
В обитель тайную свою, в лесной приют.

Их пища – дикие плоды, в ручье – вода,
Они беглянку берегут и чтут всегда.

Понять друг друга алмасты могли без слов,
Они спокойны и просты, их нрав суров.

Хоть заповедным знаньям их предела нет,
Дряхлеет древо жизни их – под грузом лет.

Как будто времени поток всё уносил –
Растаяла былая мощь, не стало сил.

Но их познанием Сатанай умудрена,
Отныне телом и душой светла она.

Вот как-то снадобье искать они пошли,
Вдруг видят – высится курган в степной дали.

Ужасный запах там стоял, тяжёл и густ,
И рухнул дряхлый алмасты, лишившись чувств.

---

¹ Чтобы скрыть сияние лица, поскольку оно светилось как Солнце, которое было её отцом.

² *Алмасты́* – демонические существа карачаево-балкарского фольклора, чаще всего изображаются в виде уродливых длинноволосых женщин.

Всех этот запах заставлял рыдать и выть,
Он в жилах кровь способен был остановить.

Кто помоложе – в страхе прочь неслись отсель,
Как в урагане лёгкий пух и как метель.

То не курган, то эмегён¹. Все говорят,
Что бродит в лёгких у него смертельный яд.

Он здесь прижился, говорят, давно живёт,
И лет не мало, говорят, а все семьсот.

Вот приподнялся эмеген, привстав с колен,
И землю в бешенстве потряс злой эмеген.

– Кто разбудить меня посмел, прервал мой сон?! –
И вот к селенью алмасты помчался он.

Бежать хотела Сатанай и не смогла,
Накрыла войлоком² лицо и замерла.

Дробил ногами эмеген уступы скал,
Он только Сатанай одну теперь искал.

Она открыла светлый лик, дух затаив.
Ослеп от блеска эмеген, он еле жив.

Не видит глазом ничего и лишь гранит
Ломает в гневе эмеген, утёс громит.

Швыряет с кручи валуны и землю жрёт,
Не успокоится никак слепой урод.

И вдруг сорвался с высоты на груды глыб,
И разлетелся на куски, и так погиб.

Осталась дева Сатанай совсем одна,
Нагая в дебрях вековых бредёт она.

Сквозь бурелом она прошла и пустыри,
Моля о помощи, брела, молясь Тейри.

И озаряла всё вокруг её краса,
Переставали птицы петь, шуметь леса.

---

¹ Эмегёны – одноголовые и многоголовые глуповатые великаны-людоеды, враги нартов.

² Сатанай надевает защитную маску из войлока (см. прим. выше).

Смолкали реки, придержав свой быстрый ход,
Не угасал в ущельях блеск ночь напролёт.

Не находила Сатанай души живой,
И крошки хлебной не нашла в стране чужой.

И, как былинку, грозный рок её несёт...
Омылась в озере Хурла¹ у чистых вод.

Здесь деву свежий ветер с гор, обняв, повёл...
Взглянула вниз – горят огни окрестных сёл.

В селенье нартов на заре она пришла.
Старушка встретила её в конце села.

Смущённо прикусив губу, она скорей
Спешит платком своим прикрыть всё тело ей.

Несчастной девушке она даёт приют,
И ей на время отвела простой закут.

Она одела Сатанай, спасла и вот,
Увидев Ёрюзмека, в дом его зовёт.

Едва он видит Сатанай – уже влюблён,
И в тот же день к ней шлёт сватов – не медлит он.

И ей по нраву Ёрюзмек, к нему во двор
Она невестою вошла, потупив взор.

И стала верною женой, как день, светла.
Все мысли тайные его понять могла.

Могла в беде помочь ему, а в трудный час
Умела дать она совет ему не раз.

Какой ни даст она совет, всё будет впрок;
Чего ни пожелает нарт, получит в срок.

Единство силы и ума – ведёт дела,
Оно душе ослабшей – мёд, врагу – стрела.

Отцом стал нартам Ёрюзмек – возглавил рать,
Спасённым нартам Сатанай – родная мать.

---

¹ Хурла – озеро в Карачае.

ЁРЮЗМЕК И САТАНАЙ

НАРТЫ И ХАРРЫ

Все харры вышли из земли, им нет числа,
И красной шерстью поросли у них тела.

Они похожи на людей... Но эта рать
Живое, мёртвое – подряд готова жрать.

Гнездо их – Красная Земля, но гибель – тут,
Им воздух тяжек, и они, задохшись, мрут.

А те, что воздухом смогли дышать земным, –
Поганым стало семя их, совсем дурным.

Терпели стужу много зим и летний зной,
И вот освоили они наш мир земной.

И расплодился тут и там, как кабаны, –
Им стали норы, как зиндан ¹, уже тесны.

Искал – то пищи, то воды – орущий рой;
Так вихорь огненный палит бор-сухостой.

И будто слизывая всё с лица земли,
К селенью нартов – как поток, всё шли и шли...

Селеньем избран Ёрюзмек, что всем знаком.
Теперь он должен мстить врагу, быть вожаком.

С волшебным камнем кадáу смешав металл,
Для Ёрюзмека дивный меч Дебет сковал.

Рекой по телу кузнеца струится пот –
Вооружённых нартов рать вокруг встаёт.

Перед врагом готовы встать лицом к лицу,
Отпор они готовы дать – смерть пришлецу!

---

¹ *Зиндан* – подземная темница.

Все нарты двинулись вперёд – пошли туда,
Откуда харров злых была видна орда.

Не все лазутчики пришли из десяти...
Смотрели хмуро, хоть смогли к своим дойти.

И говорили: «Силы – тьма у харров злых,
Не хуже нашего в бою оружие их.

Мы в ратном поле их орду не победим.
А коль отступим – нам позор, а слава – им!»

Тогда старейшин Ёрюзмек созвал совет,
И горевал, что в их речах согласия нет.

И вот, решившись, так сказал, суров и прям,
Что биться с вражеским вождём он будет сам.

И харрам вызов понесли его послы...
Враги согласны – схватки ждут, как звери, злы.

Вождь харров выскочил вперёд, как столб, высок.
Шагнул навстречу Ёрюзмек, сбил харра с ног.

Встав, Ёрюзмека прямо в грудь ударил харр –
Упал и вновь поднялся нарт, нанёс удар.

Прыжки, удары – гром и лязг – всё горячей,
Косые молнии летят от двух мечей.

Семь дней сражение велось и семь ночей,
Но в битве победить не смог клинок ничей.

Никто врага не одолел и не сразил...
Клинки отбросив, два бойца легли без сил.

Вот в доме у себя сидеть устал Дебет,
Его коснулся в кратком сне прозренья свет.

Сияньем солнца тут он стал исполнен весь,
Как будто это и не дом – пещера здесь!

Он ведал, вслушиваясь в тишь, взглядевшись в темь:
Пришло чудовище, а в нём – обхватов семь...

Во лбу его огромный глаз... Был воздух пуст...
А великан сидел, молчал – ни слова с уст!

Покуда с гулом громовым не встал, суров
И вот какую начал речь с приветных слов:

«Добро пожаловать, Дебет! Укора нет,
Ведь ты же слушался меня так много лет!

Ты в помышлениях был чист – что было сил
Оберегал родной народ, от бед хранил.

Ты честно жил, ни перед кем не был в долгу...
Но грянул гром, и чем ты дашь отпор врагу?

Не будет проку от борьбы – осилит харр.
Поверь, что нарт не устоит, напрасен жар!

А то, что дал Желмаууз своей орде,
Всё войско нартвов ослепит, и быть беде.

Подобного оружия нет ни у кого,
Все ваши стрелы и мечи слабей его.

Вот с Ёрюзмеком повели враги игру,
Забаву для себя нашли, и не к добру.

Смекалка побеждает зло, удача с ней,
А нет смекалки – значит, зло добра сильнее!»

Правдивой речью вразумлён, внимая ей,
Теперь тысячекратно стал Дебет мудрей...

Так оборвался, отлетел волшебный сон –
Дебет проснулся... «Выход есть!» – ликует он.

Он мчится – ноги понесли, как скакуны,
А руки – крыльями в зенит вознесены.

До поля битвы, словно смерч, примчал Дебет,
И нарту Ёрюзмеку он даёт совет:

«Мечом врагов не победишь... Пошли, молю,
Немедля сорок человек в край Кюкюртлю¹!

Пусть, взявши серы сорок мер, смешать спешат
С мукой серебряной её, и выйдет яд.

---

¹ Кюкюртлю – «Серная земля».

Подует ветер поутру, от яда густ, –
Всем скопом харры упадут, лишившись чувств.

Когда надышатся они отравой всласть,
Вот тут-то нартам надлежит на них напасть.

Коль в масках войлочных затеют в бой,
То сами точно избегут беды такой».

Дебета старого совет их вразумил.
Добыли серы в Кюкюртлю из рудных жил.

Смешали с белым серебром, перетолкли...
Лишь ветер дунул на врага – вмиг подождгли.

Тлетворный воздух в тот же миг врага достал,
На месте харров уложил – и наповал.

Немедля – войско Ёрюзмек повёл вперёд.
В личинах войлочных оно сквозь дым идёт.

Тут злобным харрам навсегда пришёл конец,
И ни один не уцелел у них боец.

И вот когда своих догнал кузнец Дебет,
Благодарил и повторил былой совет:

«О дети, пагубе такой впредь не бывать,
Но вот пословицу – нельзя нам забывать.

Смекалка побеждает зло, удача с ней,
А нет смекалки – значит, зло добра сильнее!».

ЁРЮЗМЕК И КРАСНОБОРОДЫЙ ФУК

Вырос нарт Ёрюзмек и поднялся высоко.
Нартов стал он вождём – гордый сын Ючхуркёка ¹.

Темноус, кареглаз, мощно-широкоплеч,
Благородная кровь и правдивая речь.

Наделённый душой и прямой, и свободной,
Сколько горя изведаль уздень благородный,

---

¹ Ючхуркёк – «Три блаженных неба», название страны на Марсе, откуда был родом Ёрюзмек.

Сколько в детстве узнал унижений и мук!
Знал он: краснобородый безжалостен Фук...

Лет с двенадцати нарт пас отару овечью,
Не пугался, жестокому Фуку переча.

Жил достойно, держал себя крепко в руках, –
Но великий внушал он хозяину страх.

Как-то Фук понаведалься в кош Ёрюзмека.
– Дай овец! – закричал, ненасытный от века.

Но отдал Ёрюзмék лишь худую овцу,
И разгневался Фук – он не спустит юнцу!

Хлещет спину ударами огненной плети,
И вовек не сотрутся отметины эти...

Фук довольный уводит двенадцать овец...
Затаивший обиду растёт удалец.

Вырос он и прославился мужеством львиным,
Стройным он и могучим встаёт исполином.

Вот он счастье обрёл с молодой Сатанай.
Как-то раз говорит ей: «Жена моя, знай!

Когда был я ребёнком, то вместе со свитой
Навестил меня Фук, без причины сердитый,

Исхлестал меня плетью, чтоб вместо овцы
Взять двенадцать других, мне оставив рубцы.

А привык он, меня всенародно позоря,
Этот мерзостный день поминать в разговоре.

Мне от Фука жестокой обиды не снести,
И однажды настигнет обидчика месть!

Конь у Фука – неистовый Желмаууз,
Он – как солнечный вихрь, и не ведает уз.

Разозлится – и око огнём полыхнёт;
Скалы рушатся, если рванётся вперёд.

Как махнёт он хвостом – вихри вспять понесутся,
И от грохота небо с землёй сотрясутся.

Есть ли конь, что его на скаку обойдёт?
Есть ли нарт, что проклятого Фука убьёт?»

И даёт Сатанай Ёрюзмеку поруку,
Что легко отомстит он бесстыдному Фуку...

– Видишь те камыши, что темны и густы?
Зайцев ловит и ест там старик-алмасты.

Прежде не был он хищным, и вся перемена –
Оттого, что он запах вдохнул эмегена.

Мозг и тело мертвеют, покуда он вновь
Из живого не выпьет горячую кровь.

Он, добычу поймав, лишь становится злее –
Укусив, заражает болезнью своею.

Яму вырой ему и в тиши камышей
Привяжи ему зайца – приманку над ней.

Сам же спрячься – и жди... Ночью – жаждущий крови
Алмасты подойдёт, будь же ты наготове.

Бей наотмашь его, чтоб упырь не ушёл,
И воткни в него острый осиновый кол.

С трупа шкуру сдери, в ней явись-ка ты Фуку!
Не робей – на тебя не подымет он руку.

Коль увидит тебя, вмиг лишится ума,
Зыбкий разум окутает полная тьма.

Упадёт он, забьётся, зальётся слюною...
Ты сорви с его пальца кольцо дорогое!

А на перстне есть девять камней огневых,
От земель, что вокруг Солнца – от девятерых.

Если все они здесь, в сокровенном порядке,
Встанет сильное пламя из этой девятки.

Синий пламень, сияющий огненный меч,
Что железную крепость сумеет рассечь.

С этим перстнем всевластен ты, лишь поведи им –
Фук пропал без него и не может быть бием¹.

---

¹ *Бий* – титул князя у тюркских народов.

В путь! Да будет дорога легка, Ёрюзмек!
Но смотри, не прельстись чудным перстнем вовек!

Сразу кинь этот перстень на дно Кара кёля¹,
И покой тебе будет и вольная воля!»

Ёрюзмек тут поверил удаче своей,
Вырыл тайную яму в тиши камышей.

Вот он зайца загнал на равнине широкой
И его привязал рядом с ямой глубокой.

Прыгнул в яму и нож торопливо извлёк,
И застыл в ожиданье, сжимая клинок.

Алмасты, в нетерпении алчущий дичи,
Прямо к зайцу помчался, рванулся к добыче.

Нарт из логова прынул быстрее быстроты
И, внезапно ударив, поверг алмасты.

И того чужака, набежавшего сдуру,
Он прикончил колом и содрал с него шкуру.

Облачился в неё и без лишнего звука
Поспешил к нужнику окаянного Фука.

Там с ножом Ёрюзмек затаился и сжался...
На заре краснорожего Фука дождался.

Тот пришёл и увидел ужасный оскал,
И сознания лишился, и навзничь упал.

А на пальце горел чудный перстень-печать.
Ёрюзмек подскочил – и сокровище хватать!

И понёс, и швырнул в Кара кёл, и потом –
Он, гордяся собой, воротился в свой дом.

Сатанай рассказал о деяниях смелых
И, счастливый, разлёгся на войлоках белых.

Вовсе не был бессильным – поверженный Фук,
Омерзительно-жадный и злобный паук.

Нартов он обложил непосильною данью,
К безысходному был безучастен страданью.

---

¹ *Кара кёл* – озеро в Карачае.

Приходил в окруженье прожорливой своры,
С каждым разом свои умножая поборы.

Шестьдесят валухов¹ златорунных глотает
И сто двадцать других сверх того добавляет.

А потом он ругался, и яростный рёв
Сотрясал основания нартских домов.

Но иссякло терпенье. Не выдержав мýку,
Ёрюзбек угрожает проклятому Фуку:

«Ненасытность твоя не имеет предела!
Краснорожий, она нам давно надоела!

Если снова от нас ты дождёшься оброка,
То и нартам не вождь я, – пустой лежебока.

От удара покатишься, ляжешь ничком,
Чтобы дальше бессильным лететь мотыльком!»

Красный Фук стал без перстня слабей, чем калека,
И молчанье – ответ на слова Ёрюзбека.

В небо Фук устремился, скрываясь из глаз,
Взмыл на Красную Землю и жизнь свою спас.

Бушевал он, ярился, воняя отравой,
И проклятья летели из пасти кровавой.

– Пусть ни капли не брызнет, и солнце сожжёт! –
Бушевал он, и Землю постиг недород.

Запустели поля и в безумном старанье
В глину твёрдую тыкались морды кабаньи.

А вокруг – сухостой и пожаров огни,
И в селенье у нартов – голодные дни.

Вот сошлись на совет, всюду – скорбные лица...
Говорят: «Перед Фуком пора повиниться!»

А другие готовят ему западню
И об этом твердят бесконечно на дню...

Наконец порешили: кто начал так смело,
Тот и должен продолжить великое дело!

---

¹ *Валу́х* – кастрированный баран.

Старики поминали былые года –
И слепая вещунья пропела тогда,
Что на Красной Земле есть, мол, крепость у Фука,
Но туда он не пустит ни сына, ни внука...
– Вот пришло твоё время, наш старый Дебет!
Помнишь камень, оставивший огненный след?
Меч готовь Ёрюзмеку на страшную сечу,
Чтоб рубил он любого, кто выйдет навстречу.
Девять барсов ту крепость всегда сторожат,
Пусть он этим мечом всех положит подряд.
После в барсовы шкуры пускай облачится,
И, пока не проведал злодей краснолицый,
Ёрюзек защищён от великого зла –
Меч его не изрубит, не ранит стрела. –
Ну, а как же взлетит в небеса Ёрюзек?
Где он силы возьмёт на крылатый разбег?
Тут послала вещунья к Аликовым¹ в дом,
Чтоб искали орудье с широким жерлом:
«Откопайте – она никуда не пропала!
Жанболату велите стоять у запала.
Надо пороха сорок батманов² забить,
Ёрюзмека – в стальное ядро посадить!»
Тишина. Все попрятались нарты куда-то –
Наступает решительный час Жанболата.
Вот в ядре Ёрюзек, в нём он стиснут и сжат,
И в направленный ствол вставлен этот снаряд.
Грянул выстрел, но раньше громового звука
Долетело ядро до владения Фука.
Только треснула тут оболочка ядра,
Будто разом её раздавила гора.

---

¹ Аликовы (карач.-балк. – Аликлары) – один из главных нартских родов.

² Древнетюркская мера массы.

Вылез нарт из обломков, ступая по глине,
И дивился земле, неизвестной доныне.

Но сильнее всего его взгляд привлекла
Крепость Фука блестящая – вся из стекла.

Озаряет она отдалённые горы,
Ослепляет она изумлённые взоры...

Налетели пятнистые барсы, рыча,
Все пропали они – полегли от меча.

Шкуры снял Ёрюзмек с этой грозной девятки,
В них закутался, с Фуком затеявши прятки.

Заколдованный меч сдвинул за спину, в мех,
И поверх этих шкур натянул свой доспех.

После мажет оркытом¹ себя благовонным,
К двери Фука идёт и стучится с поклоном...

– Красный Фук, добрый день! Что ж покинул ты нас?
Солнце Землю сожгло... Ты бы сжалился, спас!

Жизнь мою забери, но хоть что-нибудь сделай!
Пробудись, огляди свой народ поредельй!

– Будешь днём горевать, будешь плакать в ночи!
Пусть холодный твой труп расклюют сарычи!

Знать, по нартской земле гнать меня не устал ты,
Даже здесь настигают проклятые нарты!

Чуть пришла к вам беда – сразу жалобный крик...
Видно, вам никогда не жилось без владык! –

Взвыл и вытянул шею, на Землю глаза.
Нарт внимает – и целит в затылок злодея.

Раз ударил мечом – и слетела башка,
Отомстил Ёрюзмек – целил наверняка.

Красный Фук заметался – и рухнул безглавый,
Всю крошечную ночь длился ливень кровавый.

---

¹ Оркыт или оркыт суу – «волшебная вода» (возможно, настой из трав), использовалась для одурманивания птиц и животных.

Утром дождь просветлел и утихла гроза...
Рассиялась Земля в полдень, как бирюза.

Нартский ожил народ – видно, кончилась мука.
Но пропал Ёрюзмек где-то в логове Фука...

И не ведала даже сама Сатанай,
Как же он в свой родимый воротится край.

Вдруг – волшбой алмасты – легкий, сеющий вьюгу
Создан ею конь-ветер и послан супругу.

Ёрюзмек, ветряного коня оседлав,
С гулким громом на Землю примчался стремглав...

Так спасителя нарты нашли в Ёрюзмеке,
Что от Красного Фука упас их навеки.

СОЗУК

Дивен был нарт Созу́к, седого Дебета сын,
Был он вожак пастухов отчих гор и долин.

Жил в нартском селе Созук, славный этот пастух
В день чёрную ел овцу, а иногда и двух.

В свой отвар из рогов овечью желчь добавлял,
На месте одном не стоял – где хотел, кочевал.

Осенью он пригонял стада свои в Эсентюк ¹,
Чтобы спасти от клещей, купал их в нарзане Созук.

Уставши, молний шары ловил он и, не туша,
Глотал, чтоб играла кровь и пробуждалась душа.

Был женщинами любим... А семья богатыря –
Всё выжигало оно, куда б ни попало, горя.

Трижды женился Созук – трижды развёлся он,
Разверзлись раны души – тоской Созук пригнетён.

К тому же страну наказал проклятием Красный Фук,
Ни молний нет, ни дождей – всё помертвело вдруг.

---

¹ Эсентю́к – «здоровая шерсть»..

Вся выгорает степь и умирает луг,
Разом весь изнемог, поник и зачах Созук.

Вот в поисках молний он, клубя дорожную пыль,
Повёл овец далеко, дошёл до реки Адиль¹.

Из твёрдого каткамыша² он лопасти смастерил,
И десять волов повлекли гору тугих ветрил.

Нашёл высокий курган – ветров колыбель степных,
Лопасты установил и ветру подставил их.

С вертящихся лопастей молнии собирал,
Потом заглывал их – богатырём вставал.

Вот так и спасся Созук, набрался сил, наконец
Повеселел, завёл тысячу тучных овец.

Ветром, землёй, водой был напоён Созук,
Нартам он передал прелесть речных излук.

Бывал здесь и Ёрюзмек, видел цветущий дол,
Крепость на том берегу возвёл он и прочь ушёл.

РОЖДЕНИЕ СОСУРКИ

Вернулся в дом издалека нарт Ёрюзмек
И рассказал он Сатанай про свой набег.

Ему внимает Сатанай, молчит она,
Но замечает Ёрюзмек: грустит жена.

– Что ты печальна так, бийче³, я не пойму?
– Чему же радоваться мне, скажи, чему?

Ведь без тебя уже давно проходят дни,
С ночами долгими давно слились они.

А я – одна, всегда одна, и так весь век,
Устала ждать – ты всё в пути, о Ёрюзмек!

– Неужто дома мне сидеть, о Сатанай?!
С серпом дружить, с полей возить свой урожай?!

---

¹ Адиль – Волга.

² Каткамыш – особо твёрдая разновидность камыша.

³ Бийчэ – княгиня.

Нет, воевать за свой народ обязан я,
Селенье нартов охранять, вот – жизнь моя.

Скучаешь ты, но грусть свою ты пересиль!..
Есть крепость там, на берегу реки Адиль.

И там-то тяжкая твоя тоска пройдёт,
И ты забудешь боль тревог, привычный гнёт.

Наутро, взяв надёжных слуг, пустились в путь...
Как хорошо теперь вдвоём на мир взглянуть!

И тихо ехать по степи, щадя коней,
Добраться до реки Адиль, подъехать к ней.

И не с чем на земле сравнить блаженство их,
И не достигнет вихрь забот стен крепостных.

И каждый для другого стал, как с маслом мёд.
Исполнясь счастьем прошлых дней, их жизнь течёт.

О, как же счастлива она и как он рад!
Как говорится: «Пусть дурной не сглазит взгляд!»

Полны друг другом их сердца, в любви – всегда...
Да только нет у них детей, вот в чём беда!

Грустит об этом Сатанай и день и ночь,
Не в силах Солнце и Луна беде помочь.

Живёт для нартов Ёрюзмек; его удел –
Война и кровь; вот для чего он твёрд и смел.

Да только дать ему детей жизнь не могла,
Не вспыхнуть семени его, оно – зола.

Не обитателем Земли родился он,
На Землю из иных миров спустился он.

Ведь Ёрюзмек об этом знал, но всё равно
Его любила Сатанай, так суждено.

И всё простила Сатанай давным-давно...
Сердечный узел развязать ей не дано.

Примчались издали гонцы в густой пыли,
И с Ёрюзмеком на войну они ушли.

Осталась с челядью опять его жена,
Мелеет озеро души – грустит она.

В то лето был жестокий зной и – сушь везде,
Вот Сатанай в один из дней идёт к воде.

Вот ставит высохший кувшин на валуне
И хочет руку охладить в речной воде.

Но, словно тело, горяча вода была;
Плескаться стала Сатанай, как день бела.

Помолодев, она спешит раздеться вдруг,
Вот оглянулась – никого, здесь нет подруг.

Кругом лишь волны, да скала... И, не спеша,
Разоблачаться начала – как хороша!

Была прекрасна Сатанай, как свет во мгле,
Творенья совершенней нет на всей земле.

Как все ключи и ручейки бегут в Кубань,
Так ей все прелести свою приносят дань.

Ровнее ровного, блестит речная гладь...
И стала зеркалом Адиль пред ней сиять.

Себя узнала Сатанай – чудесный вид!
Зажмурилась – свет красоты её слепит.

Расчёсывала Сатанай волну волос
И вдруг увидела сквозь них далёкий плёс.

Что видит? Трудно рассказать, но жутко ей,
И в сердце побежала кровь ещё быстреей.

Вот схоронилась за гранит, скрывая стыд...
«Ах, лучше бы я умерла!» – себе твердит.

А за рекою, за водой, за синью той,
На берегу – лежал Созук – в траве густой.

Он видит тело Сатанай – и властью чар
Его мгновенно охватил сердечный жар.

И прикипел он к Сатанай, и возжелал,
И землю твёрдую скрести ногтями стал.

Он семя выбросил – оно быстрее стрелы
Летит – ударилось в гранит речной скалы.

И забеременела тут сама скала...
Всё увидела Сатанай – всё поняла.

Всё объяснила ей скала наверняка –
Развязан узел, стихла боль, ушла тоска.

Оделась быстро Сатанай и вот, привстав,
Взглянула радостно – и прочь летит стремглав.

Но лишь до крепости дошла – стал взгляд угрюм,
А сердце в тягостном плену сердечных дум.

Созвав наутро верных слуг, им говорит:
«Хочу, чтоб в крепость принесли мне тот гранит!»

И слуги камень принесли, и ничего
Не рассказала Сатанай им про него.

Тот камень прятала она от чуждых глаз,
И месяцы жила в тоске – за часом час.

Ждёт Ёрюзмека до весны, ведь путь далёк –
Родился мальчик из скалы, явился в срок.

Был назван мальчик Сосуркóй, и никому
Не позволяла подойти она к нему.

Его ласкала Сатанай, как своего,
Сумела матерью родной стать для него.

И дни и месяцы текли, вот наконец
От Ёрюзмека к Сатанай вошёл гонец.

«Война кровавая прошла! – гонец изрек, –
Скорее к мужу поспешай – ждёт Ёрюзмек!»

Она немедля собралась, пустилась в путь
И Сосурку тайком везла, боясь вздохнуть.

К супругу милому спешит, молчит о том...
Сама не зная, что сказать, вступает в дом.

Про новость мужу рассказать мешает страх:
«Вдруг всё неправильно поймёт он вгорячах?»

Дождусь, когда захочет муж иметь сынка,
Тогда-то встанет перед ним мой Сосурка!»

Вот как решила Сатанай – иного нет...
Так пролетело много дней и много лет.

ЁРЮЗМЕК И НОГАЙЧИК

Ногайчик к Ёрюзмеку пришёл и спросил:
– Эй, есть кто-нибудь в доме? – Кричит, что есть сил.

Отворить ему сын Ёрюзмека идёт,
Видит – это стоит Ногайчик у ворот.

– Кунаков¹ принимаете? – слышит вопрос.
– Принимаем, входи! – нартский сын произнёс.

– Так сойди же с коня, станешь гостем в дому! –
Отвечает с поклоном, жмёт руку ему.

– Я бы год постояльцем здесь пожил у вас,
Полюбил вашу землю, скажу без прикрас.

Валуха мне готовьте для каждого дня,
Духовитого сена стожок – для коня!

Отрок в дом побежал, сообщает отцу:
Прибыл гость, надо честь оказать удальцу.

И встаёт Ёрюзбек и выходит во двор:
– Стань же гостем моим! – отворяет запор.

Вводит путника в дом, Ногайчику – почёт!
И на стену повесить оружие несёт.

Вот уже валуха опускают в казан...
Отошёл и глядит – всё ли съест великан?

Вот уже для коня приготовили стог...
Отошёл и глядит, чтобы скот не помог.

Ногайчик валуха съел в единый присест,
А скакун – уж травинку последнюю ест...

---

¹ Кунак – гость.

Ёрюзмек Ногайчика кормил целый год
И однажды спросил, хорошо ль он живёт?

– Год ты прожил у нас – не в нужде-худобе ...
И теперь расскажи: а не скучно тебе?

– Чтоб ты сам так скучал весь оставшийся век!
Или я надоел тебе, а, Ёрюзмек?

– Вот так так! Ты от голода нынче дурной!
Отчего издеваешься ты надо мной?

Ногайчик, я прошу тебя, зла не таи
И поведай мне все огорченья твои!

– Ёрюзмек, я пришёл к тебе не за едой,
И меня не прельстишь ты одеждой цветной.

Гостем к нартскому прибыл я богатырю,
Чтоб уехать с тобой – всё как есть говорю!

– Если так, покоряюсь я воле твоей,
Нашу ссору забудь и обиду развей!

Ты – мой гость, и мою недалёкость прости,
Сколько скажешь, мы будем с тобою в пути!

Вот, собравшись в набег, по дороге не раз
Забивают оленей себе про запас...

Ох, нелёгко был путь, что пройти им пришлось,
Много упряжи конской в пути порвалось.

Храп горячих коней превращался в туман,
Дёрн летел от подков и ложился бурьян.

От ударов копыт – всюду ямы без дна,
А от пота – солёных озёр глубина.

Через многие земли они пронеслись...
Вот коней отпустили, чтоб в поле паслись.

Говорит Ёрюзмек: – Среди этих земель
Всё возьмём, что найдём, и погоним отсель!

И сказал Ногайчик, словно шилом кольнув:
– Так от женщин бежит вор, лепёшку стянув!

Нас прибыток такой опозорит вконец,
Коль пожива у нас – полдесятка овец...

Но, смутившись, руками развёл Ёрюзбек:
– Я дороги не знаю... Закончим набег!

– Если так, я теперь буду твой проводник,
Ты за мной поезжай! – отвечал Ногайчик.

Поскакали они и в просторе степном
Отыскали затерянный кош с табуном.

Окружён был оградой железною кош,
Крепко заперта дверь – чем её отопрёшь!

– А теперь, Ёрюзбек, – сказал Ногайчик, –
Ты послушай-ка правду про здешних владык.

Здесь – жильё эмегёнов, лихих молодцов,
Лютых братьев, похожих на трёх близнецов.

И у них есть чудесный скакун, говорят,
Что упрятан за девять надёжных оград.

Хоть все девять железных кругов проломи,
Будешь стражею схвачен за теми дверьми!

Ведь коня – он хозяйский и больше ничей –
Стерегут девяносто и девять очей.

Гордый конь своего признаёт седока,
Но вскипит, лишь коснётся чужая рука.

Грива – белым металлом вся блещет, звеня.
Круглый обод поставлен над холкой коня.

Блещет зеркало между ушей скакуна,
Вся земля в этом зеркале отражена.

Мчится конь – и земля от него устаёт...
Был он резвый скакун – стал орлом средь высот.

В буйной гриве его выются прядей волчки,
Зарождаются бури от них колдовски.

И поят его чёрною кровью земли,
Для полётов в муку серебро истолкли

И серебряным кормят коня порошком...
Состязаться не думай с подобным коньком!

Ведь лишь только табун мы отгоним на крик,
На степной перегон, что ещё невелик,

Вслед за нами, как вихрь по дрожащей земле,
Полетит жеребец с эмегеном в седле.

Эмегена убьём, но коня не смирим –
Он опять прилетит с эмегеном вторым.

Но, лишь третьего мы эмегена убьём,
Конь послушно пойдёт с остальным табуном...

Я пока осмотрюсь осторожно вокруг,
Ты же двери скорее распахивай, друг!

Но запоры крепки. Как ни гнёт их, ни рвёт,
Всё никак Ёрюзмек не откроет ворот.

Ногайчик удивился заминке такой,
Подошёл, усмехнулся и вышиб ногой.

И железные в землю втоптал он замки
И на волю пустил лошадей косяки.

И богатый табун нарты в степь повели,
Только ветер за ними клубился в пыли...

– Ну же, нарт Ёрюзмек, докажи, что не слаб!
То не ветер – коня эмегенского храп.

Не качайся в седле – дальше будет трудней!
Хочешь – в поле гони, что есть силы, коней,

Хочешь – бейся с врагом, что, как буря, настиг,
Но решайся скорее! – сказал Ногайчик.

Отвечал Ёрюзмек: – Отгони лошадей,
Я тут встречу врага, и погибнет злодей!

То не свету конец – это ветер задул,
Он вослед табуну – Ёрюзмека швырнул.

Изумлённый спросил у него Ногайчик:
– Ты нас чудом догнал... Взял и рядом возник?

Был смущён Ёрюзмек: – Видно, вихрем коня,
Как сухую былинку, пригнало меня!

...Дикий ветер всё ближе, грозней и мощней...
– Вот теперь, Ёрюзмек, сам погонишь коней!

Здесь врага повстречать мой настанет черёд,
Но меня подожди, коль умчишься вперёд.

Не дождёшься – вернись из далёкой дали,
А найдёшь меня мёртвым – поднимешь с земли!

Завернёшь меня в саван, что здесь, под седлом,
К скакуну приторочишь и стянешь узлом.

И пускай он пойдёт по любой из дорог! –
Так сказал Ногайчик и в засаде залёг.

И стрела, что послал он, вонзилась как раз
В злобный глаз эмегена, в единственный глаз.

И на землю свалился и сдох эмеген...
Конь умчался – другого приносит взамен.

Только рухнул, подкошенный, всадник второй...
Он такой же отравленной встречен стрелой.

Глядь, уж третьего конь эмегена несёт
И дыханьем деревья ломает и гнёт,

И всё поле дождём заливают слюна...
Голова эмегена была не видна.

Оттого Ногайчика прямая стрела
Пролетела впустую и в поле ушла.

Отогнал эмеген своего жеребца,
Встали друг против друга два мощных бойца.

Стали драться жестоко в кровавой пыли
И от первых ударов в ковыль полегли.

Тут же встали, за луки схватившись, и, злы,
Оба в цель отпустили две острых стрелы.

Прямо в глаз эмегену вонзилась стрела,
Рухнул замертво он, землю кровь залила.

Тут заржал его конь, разорвал удила...
Только смерть Ногайчика уже обняла.

Ведь вонзилась стрела Ногайчику в пупок,
Он рукой её вырвал, из раны извлёк.

К смертной ране прижал он свой белый башлык
И пополз к Ёрюзмеку, и к другу приник...

– Завещанье исполни моё! – он изрек.
Лёг и умер... Тут саван достал Ёрюзбек,

Поспешил Ногайчика в него завернуть
И, к седлу привязав, снарядил его в путь...

Частый дождь Ёрюзмековы слёзы скрывал,
Песне горестной ветер сырой подпевал.

Гнал табун Ёрюзбек и вздыхал тяжело...
А незримое время катилось и шло.

Обмелела душа, как родник, что затих, –
Не изгнать Ногайчика из мыслей своих!

Так и жил Ёрюзбек, как посмертный должник,
Всё хотел разобраться, кем был Ногайчик,

Отыскать его родичей или друзей...
Всё, что было, семье рассказавши своей,

Вышел в путь Ёрюзбек и у всех на виду –
Жеребца эмегенов ведёт в поводу.

Много гор перешёл, много рек переплыл,
Ничего не узнал, ничего не добыл.

Вот он степь пересёк, подгоняем тоской,
И селенья достиг за Адилью-рекой.

Видит бабушку с внуком – ей без году век...
– Пусть твой день будет добрым! – сказал Ёрюзбек.

– И тебе – быть с добром! Погости здесь хотя б!
Пусть мой мальчик тебе принесёт суусап¹.

---

¹ Суусап – айран, разбавленный водой.

А пока его нет, расскажи что-нибудь,
Чтобы сердце больное могло отдохнуть!

– Чтобы чем-то страданию помочь твоему,
О себе расскажи – как иначе пойму?

– От души расскажу о несчастье своём...
Промолчать бы о нём... Невезучем одном...

Повидала я многое в жизни моей!
Вместе с мужем растила я трёх сыновей.

Светлым соколом брат мой взлетал в высоту,
Дивным деревом был он, прекрасным в цвету.

Вдруг как будто бы градом обрушилось зло,
Это трёх эмегенов сюда принесло.

Всех они, не жалея, сгубили подряд...
Первым – муж дорогой, следом – любящий брат!

После старших два сына покинули кров –
Не пришли, не снесли они буйных голов.

Сиротеет скорбящее сердце моё,
И пустеет холодное наше жильё.

Ну а третий оставил скорбящую мать,
Он отправился вдаль Ёрюзмека искать –

Мол, поможет ему отмстить Ёрюзмек,
И не знал, что его будет короток век.

Через год обещал он вернуться ко мне,
Но вернулся сюда только труп на коне...

Всё, что было, пройдёт, всё, что будет, умрёт,
Только мальчиком этим продолжится род.

Это – сын Ногайчика, что стал сиротой...
Мать его отстрадала, убита тоской... –

Говорила старуха, не прятала слёз,
И на внука кивнула, что чаши принёс.

– Я – тот нарт Ёрюзмек! На меня посмотри!
Справедливость жива, будь же славен Тейри!

Всех моих злоключений достойный венец –
То, что вас я искал и нашёл наконец... –

Говорил он, обняв Ногайчикову мать,
Успевая ребёнка его обласкать.

А потом о погибших поведал живым,
Удивлённый чудесным уделом своим.

Дал он мальчику чудных коснуться удил
И коня эмегенов ему подарил.

– Как отец, будешь сильный и храбрый джигит! –
Внемлет сын Ногайчика, и сердце горит.

А старуха счастливая плачет навзрыд,
Будто муж её ожил и брат не убит,

И с победой вернулись три сына домой,
Все преграды сметая в пути пред собой.

– Я вернусь, навестив вас, уйду не навек! –
Обещал и поехал к себе Ёрюзмек.

КАК НАРТЫ УСТРЕБИЛИ ЭМЕГЕНОВ

Вот потоки и взгорья осиливши все,
Войско нартвов дошло до подножья Кёсе ¹.

Стало к бою готовиться, встретивши там
Эмегенов, подобных курганным холмам.

Нарты вырыли рвы, взгромоздили завал,
Навели курчатары ², час битвы настал.

И, послав эмегенам смертельный булат,
На врага устремились, отвагой горят.

Курчатарами стали утёсы ломать,
В суматохе бежит эмегенская рать.

Под мечами рекой кровь врагов потекла.
Эмегены бегут на равнину Кула ³.

---

¹ *Кёсэ тау* – букв. «Лысая гора», расположена недалеко от г. Нарсана (древнее название Кисловодска)..

² *Курчатар* (букв. «стреляющий сталью») – метательное орудие.

³ *Кула* – плато в Балкарии.

Но едва ли, едва ли удастся побег –
«Догоняйте бегущих!» – кричит Ёрюзмек.

От зигзагов его огневого клинка
Бурный ветер бушует, клубя облака.

Из меча вырывается молнии рог,
Эмегены убитые валяются с ног.

Меч при взмахе растёт, как растянутый крик,
Но, ударив, становится вновь невелик.

Так жестокая битва без отдыха шла...
Нет живых эмегенов в долине Кула.

Девяносто здесь дней воевал Ёрюзмек,
Эмегенов Тейри ему в жертву обрек.

Войско нартов прославилось мощью прямой
И, победу добыв, возвратилось домой.

ЁРЮЗМЕК И ЖАНБАРАЗ СЫН ФУКА

Велико ликование, ведь десять уж лет
Как мучителя краснобородого нет!

И никто не скупится – ведь праздник каков!
У Аликовых сорок забили быков.

На мощёном дворе затевается той¹
Под весёлую музыку с общей мечтой.

Здесь певцы, прославляя Тейри, голосят,
Там, над Фуком смеясь, острословы трунят.

Там – борьба и метанье камней, здесь, полны,
Под навесами громко кипят казаны.

Но застолье начать не желает народ.
Ёрюзмека к себе всё селение ждёт.

Но не может незванным прийти Ёрюзмек,
А позвать – ни один не решится вовек.

---

¹ Той – танцевальные состязания; свадьба; танцы.

– Ёрюзмека боитесь? Пойдите пока!
Сам схожу! – смелый мальчик сказал Сосурка́.

Раз он принял решение, и – делу конец,
И спешит к Ёрюзмеку народный гонец.

Говорил, не робей: «Я послан селом,
Я от нартов к тебе был отправлен послом!

Усмири свою гордость, иди, не тани,
В дом Аликовых! Счастливы будут они».

– Что за дерзкий какой! Пусть уьёт тебя корь!
Чей ты будешь?.. Уйди и меня не позорь! –

И, прицелившись в ногу, он кинул сплеча
В непотребного палку свою сгоряча.

Но, ударивши пятку, сломалась она...
Сосурке же такая угроза смешна.

Обернувшись, взглянул на него и, не зол,
«Приходи обязательно!» – молвив, ушёл...

Ёрюзмек тут промолвил такие слова:
«Если вырастет этот сорвиголова,

Верно, станет опасным... и знать не могу,
Будет другом моим иль подмогой врагу».

Сатанай улыбнулась, смущенья полна,
Начала говорить и запнулась она...

– Не случайно, наверно, стараются так!
Видно, много там ждёт разъярённых собак.

Береги себя сам – и Тейри сбережёт,
А доверчивый – сном беспробудным заснёт! –

И, за жизнь Ёрюзмека безмерно боясь,
Протерев ему шею, за дело взялась –

В горло вставила трубку, промолвив своё:
«Пей хмельную бозу¹ только через неё!»

---

¹ *Боза́* – слабоалкогольный напиток.

Злое семя гулять от злодея пошло,
Чтобы добрый улан ¹ перебарывал зло.

Слава добрым, злодеи да скроются с глаз!..
Был от Красного Фука рождён Жанбарáz.

Он у нартов живёт, но поганая кровь,
Что от Фука пришла, просыпается вновь.

Был он мерзок и лжив, как проклятый отец,
Ёрюзмека решил извести наконец.

Он, ораву собравший для некой тщеты,
Угощеньем заткнул сотрапезников рты.

Бесконечно коварен и жадно-хитёр,
С нетерпеньем глядит на пустеющий тёр ².

Только нет Ёрюзмека... Часы напролёт
Смотрит враг на дорогу: вот-вот он придёт!

– Напоим его ядом! – изрек негодяй,
Но предчувствует умысел злой Сатанай.

Тут узрел Ёрюзмека ликующий люд.
Объявились льстецы – славословия льют...

И в стрельбе выхваляя умение своё,
Стали лучники целить в иглы остриё.

Целят за сто шагов молодые стрелки.
– Где ты, юность былая! – твердят старики.

Были стрелы остры, словно иглы, и всё ж,
Как ни целит, не может попасть молодёжь.

Дали лук Ёрюзмеку, он глянул вокруг,
Принимает небрежно – протянутый лук.

Тетиву натянул – полетела стрела,
Остриё поразив, раскалив добела...

И сварилась игла, и сторела дотла,
А стрела зашипела и в камень вошла.

---

¹ Улан – молодец.

² Тёр – почётное место.

Ни достать, ни сломать... Тут малец Сосурка
Без труда её вытянул, дёрнув слегка.

Тут воззвал Жанбараз: «Испытаем клинки,
Бросим конские на лезвиё волоски.

Тот, кто волос ударом клинка раздвоит,
Тот воистину ловкостью всех удивит.

– Мальчик, знай, что я – нарт, мне обычай знаком,
И немало голов снёс я этим клинком.

И сегодня здесь мясо кипит в честь него...
Он ведь голову снёс у отца твоего! –

Ставит сына врага на колени, и вот
Красный волос мгновенно из темени рвёт.

Взял и дунул, что было на выдохе сил:
Прямо вверх, в небеса, волос огненный взмыл.

И ударил тогда, словно молния, меч
И сумел его разом продольно рассечь.

– Поучитесь! – сказал... Улыбнулся, хитёр,
И пошёл Ёрюзмек... Тут зовут его в тёр.

Ёрюзмек не идёт, хоть и просят не раз...
Всех угодливей вьётся пред ним Жанбараз.

– За отца не в ответе я! – вымолвил льстец. –
Ты ведь нарта́м глава, только ты – наш отец!

Так давай же помиримся после грозы,
Позабудем обиды и выпьем бозы!

Ты мне вместо отца, ты – мой вождь, я – внизу... –
И даёт Ёрюзмеку сын Фука бозу.

Эту речь одобряя, отравы струю
Ёрюзмек выливает сквозь трубку свою.

Ядовитая в землю уходит боза.
И молчит Жанбараз – только пялит глаза.

И с волнением ждёт он, когда Ёрюзмек
Закачается, рухнет и сгинет навек.

Только всё понапрасну... Вот шлёт он гонцов,
Жадно ждёт Гилястана из рода жрецов...

Дали чашу проклятий служителю зла.
Вот он цедит сквозь зубы, вздувая брыла:

– Пусть его раскрошатся кабаньи клыки,
Пусть всего его лижут костра языки,

Пусть корыто золы будет гробом ему,
Ветер прах его свет, и – канет во тьму! –

Разъярившись, как будто очнулся от сна,
Ёрюзмек отвечает словам колдуна:

– Знай, кабаньи клыки все на месте стоят,
И желудок – стальной, не возьмёт его яд,

И могила моя – не корыто с золой,
Если я на ногах и оружие со мной! –

Затворил он ворота и выхватил меч,
Размахнулся и снёс вражьи головы с плеч.

И накрыла его жаркой крови река...
И на помощь ему прибежал Сосурка.

И увидел он, высадив двери толчком,
Каково Ёрюзмеку в потоке таком.

И сейчас же помог Ёрюзмеку в беде –
На плечах его вынес к бегущей воде.

Там от крови отмыл и с улыбкой живой
На коня посадил и отправил домой.

Сатанай удивилась: «Да как же ты мог?
В ясный день, словно в ливень, до нитки промок!»

– От жары я укрылся на самое дно...
Но сегодня я чудо увидел одно!

Знай, что мальчик, на празднество звавший меня,
Высоко воспарит, не промедлив ни дня!

Будет время, он нартов возглавит народ!
Счастлив тот, у кого сын подобный растёт.

– Ты хотел бы иметь его братом своим
И делить и удачи, и радости с ним?

– Нет, пока ты могуч, – брат он искренний твой,
А ослаб – сердце брата, что камень сухой.

– А хотел бы иметь его сыном, ответь?
– Хорошо б мою рану тебе пожалеть!

Где мне счастье такое добыть на земле?
Одинокое дерево я на скале!

Кто заплачет, что рухну, кто скажет в тоске:
«Встань, отец!» и погладит меня по щеке?

Всем я нартам отец, свой для стольких семей,
Но не вычерпать горькой печали моей! –

Вся в слезах Сатанай, словно в небе луна,
Что во мгле из-за гор выплывает, бледна.

И, сияя, на мужа глядит своего,
Словно высветив грустное сердце его.

И поведала тут о рожденье сынка –
Как холодным гранитом рождён Сосурка...

– Ты ведь не был готов взять его в сыновья!
Мне пришлось подождать. Но надеялась я...

Скажешь «да» – будет сыном, продлится твой род –
Словно камень, он старость твою подопрёт.

– Сын родился! – ликуя, кричит Ёрюзмек.
И подобного счастья не встретить вовек.

ЁРЮЗМЕК И ЖАНУБЕК

Въехал в один из дней в селенье нартов чужой,
К дому, где жил Ёрюзмек двинулся верховой.

В двери он постучал и, молодых быстрей,
Бодро нарт Ёрюзмек вышел к нему из дверей.

С дивного жеребца спрыгнул тот гость и сам
Прямо к нему идёт, молвив: «Удачи вам!»

– Входи же, будь как родной! – Ёрюзмек попросил,
Двери пред ним открыл и войти пригласил.

– Пусть же благословит эти стены Тейри!
Как на своё дитя ты на меня смотри!

Что же, гостем твоим стать я совсем не прочь,
Может быть, пригожусь, в деле смогу помочь.

Тушу барана в день ем я один, сам-друг.
А суусаба зараз – выпью целый бурдюк.

В день могучий мой конь сена съедает стог...
Кроме меня никто сесть на него не смог! –

Так пришелец сказал, не отводя свой взгляд,
И улыбается нарт, славному гостю рад.

Понял он, кто перед ним, сразу узнал скакуна,
Молодость вспомнил свою, давние времена.

Понял, что этот гость будет здесь ко двору
И поддержал разговор, и продолжил игру:

– Не уезжай, улан, не обойди стороной,
В этом доме теперь ты – словно сын родной!

Речи вернули твои мне отшумевшие дни,
Павшего друга речь напомнили мне они.

Перед глазами встают давние годы опять,
Сердца струны сильнее ты заставил дрожать.

Помню – парень один в канувшие лета
Точно так же вошёл гостем в мои врата.

Целого валуха ел он в один присест
И бегом загонял дичь из окрестных мест.

Было имя ему, помнится, Ногайчик...
Сам ты кто, расскажи честно и напрямик!

Просветлело лицо у пришлого паренька,
Речь свою он повёл, начал издавека:

– Здравствуй, прославленный нарт! Я – Жанибек! Ты сед...
Но я узнаю тебя и через много лет.

Помнишь, как приходил ты в отчизну мою,
Бабушку с внуком нашёл в дальнем степном краю?

Где Ногайчика дом, помнишь, хотел узнать?
И в старухе нашёл павшего друга мать!

Помнишь, как приносил я суусап тебе?
Так появился ты впервые в моей судьбе.

Как умирал Ногайчик, ты рассказал, не скрыл,
Разом сердце моё сиротством ты одарил.

Добрым словом своим ты смог подбодрить меня
И заспешил домой ты на исходе дня...

Один на один с нуждой мы оказались вдруг,
Душу старушки моей порвал на куски недуг.

Лишь о тебе порой весть долетала до нас,
Дух мой взмывал к небесам и под бедой не гас...

Нам еду и питьё ты присылал, и тогда
Сытыми были мы, и отступала нужда.

В прошлом году ажál¹ и в нашем гостил краю
И во владенья Тейри бабушку взял мою.

Завещала, моих не отпуская рук:
«Исполни волю мою, найди Ёрюзмека, внук!»

Вот почему тяжёл мой рассказ, Ёрюзмек,
Вот для чего я пришёл! – кончил рассказ Жанибек.

Тут объятия нарт гостю раскрыл своему,
Слёзы скрыл в бороде и улыбнулся ему.

Жанибека к груди прижал он и сыном нарек...
Так приёмным ему сыном стал Жанибек.

---

¹ *Ажал* – неестественная смерть.

СОСУРКА

СОСУРКА И ЭМЕГЕН

Храбрые нарты пустились в поход без огня
И не нашлось ни кресала у них, ни кремня.

Зверская стужа внезапно пришла в этот край
И проморозила кости – хоть здесь помирай.

Вместе с другими в беду угодил Сосурка...
– Ладно, – сказал он, – добуду для вас огонька!

Горы осилив и волны широкой реки,
Вдруг он увидел в пещере костра языки.

Вот повернул он гнедого, собрав удила.
В темень пещеры проник, не слезая с седла.

Но не услышал ни звука среди каменных стен...
У очага полыхавшего спал эмеген.

Только лишь нарт, оглядевшись, подъехал к огню,
Только он выхватил из очага головню,

Как ветерок, что в пещере погреться хотел,
Дунув слегка, над рукой Сосурки пролетел.

Искры смахнул с головёшки, но искра одна –
В глаз эмегену как раз угодила она.

Не просыпаясь на ложе широком своём,
В руку берёт Сосурку он, да вместе с конём.

Тут же кладёт их под веко и, точно спяна,
Вновь погружается в бездну могучего сна.

Худо несчастному нарту, попавшему в плен.
Храпом своим не пробудит себя эмеген.

Спит эмеген и не видит вокруг ничего...
Искра меж тем улетаёт из ока его.

Вдруг, пробудившись, становится на ноги он,
Сладко зевнул, догоняя потерянный сон.

«В глаз мне соринка попала?» – он око потёр,
Бедного всадника вытащил тут же, как сор.

И удивился: «Да как же, покуда я спал,
Ты появился и как же ты в глаз мой попал?»

– Нарты пустились в далёкий поход без огня
И не нашлось ни кресала у них, ни кремня.

Старшие наши, страшась, что от стужи умрём,
Посоветовавшись, послали меня за огнём.

Я прискакал и достал из костра головню
И уж хотел возвращаться, дал волю коню.

Думал, огонь замерзающим я отвезу,
Тут-то меня подхватил ты и спрятал в глазу!

– Есть ли среди нартов такой удалец Сосурка?
Так ли он славен, как слава его велика?

Знаешь ли игры его и забавы его?
Ну, так поведай, его опиши удалество!

– Знаю его хорошо, даже видел не раз
Игры его, был свидетелем бойких проказ.

Игры его – загляденье, уж как ни смотри!
Но ведь тебе подошли бы из них только три...

Первая: взять и взойти на вершину горы,
Сбрасывать скалы – грозней не бывает игры.

А Сосурка камнепад принимал под горой,
Целые глыбы силач отбивал головой.

Прочь отлетали каменья, отбитые им... –
Тут эмеген, убеждённый, что неуязвим:

«Ну-ка, сыграем!» – козявке сказал свысока.
И на вершину взбирается нарт Сосурка.

Стал он обваливать глыбы, одну за другой,
Стал он их сбрасывать, вниз подгоняя рукой.

А эмеген головой эти камни расшиб,
Не пропустив ни одной из катящихся глыб.

Лбом отбивал их – и вверх отлетали они.
Лоб эмегена, как видно, покрепче брони.

Словно орлы, устремились обломков куски –
Выше горы, над лихой головой Сосурки.

Тут прокричал эмеген высоко в облака:
– Ну-ка скажи, я играю, как тот Сосурка?

– Где уж ему, ты искусней играешь, чем он,
Знай, что сегодня тобой Сосурка превзойдён!

...Горд эмеген, не скрывает своё торжество:
«Ну, а какая вторая игра у него?»

Нарт отвечает: «Вторая игра нелегка...
Схватит железных плугов шестьдесят Сосурка

И на горячем огне раскалит, разожжёт,
И заглотает, а после железом плюёт».

– Тоже не худо! Железа побольше добудь
И докрасна раскали его, в этом вся суть!

Вот и железо готово – едва не горит...
Тут Сосурка эмегену: «Глотай!» – говорит.

Тут эмеген, раззевая широкую пасть,
Жадно глотал и выплёвывал – тешился всласть.

– Вот так потеха, недолго же время её,
Чуть обогрелось холодное чрево моё!

И эмеген не скрывает уже торжества,
Смотрит с ухмылкой: «А третья игра – какова?»

– Нарт Сосурка заходил в камышовый затон
И окунался в студёное озеро он.

Только вертел головою, и в лютый мороз
Так и стоял он, не двигаясь, будто прирос.

Дней этак пять стыл он в озере, скован ледком,
А замерзало – и всё поднимал целиком.

Вот эмеген в камышовое озеро влез...
А Сосурка попросил в этот миг у небес:

– Лютость чилле¹ ниспошли нам, Великий Тейри,
Чтобы промёрзло всё озеро – льдом одари!

...Всё камышовое озеро стянуто льдом,
Но эмегену и эта беда нипочём.

Вот шевельнулся во льду и слегка привстаёт,
И затрещал, и поднялся скрежещущий лёд.

Это завидев, отчаялся нарт Сосурка:
«Стой, я ошибся!» – кричит ему издалека.

– Чуть погоди, не окрепла ещё гололедь!
Выйдешь потом, надо будет ещё потерпеть! –

Так обманул Сосурка эмегена, ведь тот
Был легковерен – лукавства его не поймёт.

Вмиг Сосурка прибежал, натаскал камышей –
Ямы и трещины ими забить поскорей.

– Дай же, Всевышний, мороза, что невыносим,
Равного стуже пяти убивающих зим! –

Холодно так, словно свету конец настаёт,
В камень сплошной превращается выставший лёд.

Нарт говорит: «Эмеген, шевельнись же – я жду!
И покажи свою силу озёрному льду!»

Только теперь эмеген шевельнуться не смог,
Не удалось отколоть ему даже кусок.

– Ох, окаянный, скорей, что мне делать, ответь?
В этой игре мне не выстоять, не одолеть!

– Знай же, старик эмеген, Сосурка, это – я.
Не было мне от лихих эмегенов житья.

Знай, что я голову нынче тебе отсеку,
Нартам огонь отнесу – заждались Сосурку...

– Мне уж давно показалось, что ты – Сосурка!
Перехитрил – только участь твоя нелегка...

---

¹ Чилле – сорок самых морозных дней зимы и сорок самых жарких дней лета.

Сам ты – бедняга, не знаю, что делать с тобой,
Ведь не найдёшь ты покоя, пока я живой.

Голову мне и силач не сумеет отсечь,
Не для меня – твой потешный, твой простенький меч!

Под волосами моими – здесь меч мой укрыт,
Знай, только этим мечом я и буду убит!

Ждёт Сосурка, горьким опытом он умудрён:
«Что же злодей затаил, что же выдумал он?»

Нарт, отыскавший дубовый отточенный кол,
Пряди волос по словам эмегена развёл.

Вылетел меч, заскакал он во всю свою прыть,
Начал он тут и колоть, и крошить, и рубить.

Кол, словно мыло, рассёк пополам – ну летать!
А Сосурка, изловчась, ухватил рукоять.

Тут эмегену с размаху он голову снёс ...
Взял он огонь и скорей его к нартам повёз.

О ТОМ, КАК СОСУРКА ИСКАИТ ПЕКАРСТВО ДЛЯ ЁРЮЗМЕКА И ПОБЫВАЕТ ПОД ЗЕМЛЁЙ

Ёрюзмек из набега вернулся домой
И, вздохнув, произнёс: «Я – как будто больной!»

Через силу доспехи тяжёлые снял он,
И, вконец ослабевший, – на ложе упал он.

Вот когда Сатанай потеряла покой,
Шлёт гонца она в горести за Сосуркой.

И целебное снадобье варит для мужа,
Только всё понапрасну, он гибнет, недужа...

«Ёрюзмек расхворался... Неужто, ужель
Лихоманке поддался, здоровый досель?» –

Так свой ум Сатанай вопрошала в тревоге,
Вся в слезах... Глядь – уже Сосурка на пороге!

– Ох, сынок, эту ночь я без сна провела,
Всё, что знала и ведала, – в мыслях прошла!

Вижу, зелья мои не спасут от недуга,
Лишь одно и осталось, коль так ему туго.

Это знание я внутренним зреньем нашла,
Проницающим оком его обрела...

Коль держать на восход путь всё время сумеешь,
Коль семь рек, семь степей, семь хребтов одолеешь,

И, когда ты до чёрного леса дойдёшь,
Сквозь дремучую чащу змеёй проползёшь,

То окажешься вдруг на широкой поляне
И увидишь там крепость, светлей, чем пыланье.

Вся сияет – из белого камня она,
Словно ясное солнце – её белизна.

В этой крепости дивной хозяйкой – девица...
Ты бесшумно войди, там шуметь не годится.

Эту девушку спящей застанешь... Но всё ж
За оружие держись и коня не стреножь!

Рядом с ложем большую увидишь колоду,
В ней увидишь живую, блестящую воду.

Словно солнца с луною – взяла она свет,
Шесть в ней плавают рыб, их прекраснее нет.

И манят эти рыбы, горят, расцветая,
Но седьмая – одна среди них золотая!

Коль поймаешь её и доставишь домой
И накормим отца этой рыбой седьмой,

То отступит болезнь, навсегда пропадая,
И вернётся к нему его сила былая.

И чтоб всё получилось по нашей мольбе,
Невидимку-папаху я сшила тебе. –

И ему протянула папаху она.
Мигом тут Сосурка оседлал скакуна,

И копыта коня по земле застучали,
Горы, степи и реки внизу замелькали...

Глядь – пред ними открылась одна из полян,
Где громадный табун стережёт великан.

Вдруг чудовище на лошадей налетело
И грызёт, и кусает, и рвёт то и дело.

И бежит на подмогу коням конепас,
Но и сам он изранен, укушен не раз.

Застонал великан, затряслись его плечи...
Прискакал Сосурка к месту бешеной сечи.

Зарубил он чудовище острым мечом
И хлопочет заботливо над силачом.

Наложил он повязку на каждую рану,
И опомнился раненый, к жизни воспрянул.

А сочувственный взгляд сил придал силачу...
«За спасение чем я тебе отплачу?!»

Всё открыл ему нарт, дальней цели не пряча...
А табунщик в ответ отловил ему клячу.

Оседлаешь такую – народ засмеёт,
А табунщик спокойно узду подаёт.

– Слушай, что я скажу! – говорит конепас, –
Я и два мои брата – здесь троица нас.

Я – постарше, а двое – меня помоложе,
Все мы, как близнецы, прежде были похожи.

Нам друг к другу идти от зари до заката –
Расстоянье в пять криков от брата до брата.

А от младшего брата до девушки этой –
В десять криков дорога... Заранее ведай!

Ближе младшего брата никто не живёт,
И ему-то покоя она не даёт!

Не уедет, хотя бы и очень хотел он,
Зачарованный, раньше других поседел он.

Он бессилен от силы её колдовской,
А она изнывает без силы мужской.

Настигает колдунья и среднего брата...
Только я от гнезда её далековато.

Оттого-то из всех – без седин я один...
А колдунья, укравшая силу мужчин,

Обольщает предчувствием сладостных нег, –
А сама, укрепившись, уходит в набег.

Погуляет три дня и три ночи – вернётся,
И три дня и три ночи проспит – не проснётся.

Сон её будут рыбы в колоде беречь –
Тень приметив, иль чьи-то шаги, или речь,

Сразу станут метаться направо, налево,
Тут от плеска воды пробуждается дева.

Как же выйдет, чтоб смог ты добраться до рыб,
А от девы проснувшейся сам не погиб?!

– Обо мне понапрасну не мучайся в страхе! –
И поведал тут нарт о волшебной папахе.

Несказанно обрадован стал конепас,
И по-прежнему свой он продолжил рассказ:

«Знай, что путь заколдован... Доскачешь туда ты
Лишь на этакой кляче – до среднего брата.

Средний, лошадь признав, даст свою тебе клячу –
И домчишься до младшего рысью горячей.

Ты и там лошадей поменять не забудь...
Лошадь младшего знает к той девушке путь.

Коль доедешь, коня у ворот не стреножь,
А потом не теряйся, как в крепость зайдёшь!

Не любуйся красою хозяйки и рыбок,
Ни минуты не медли, ведь сон этот зыбок!

Рыбку ты из колоды скорее хватай
И скачи без оглядки, коня погоняй!»

Благодарный, на лошадь вскочил Сосурка,
И хотел было плёткой огреть ей бока.

Говорит ему лошадь: «Ты плётки не тронь!
Конь, что слушает плётку, поверь мне, – не конь!

И джигит, что стегает жену и коня,
Не бывает джигитом... Послушай меня!

Коль достойным окажешься всадником, стану
Я достойным конём для тебя без обману!»

– Так скачи же вперёд, как ты ведаешь сам!
Верь, что я ни себя, ни тебя не предам!

Поскакали они, выполняя наказ,
Сделал всё Сосурка, как велел конепас.

И до крепости белой домчался, не сгинул,
Слез с коня и волшебную шапку надвинул.

Тихо в крепость он входит, к ударам готовый,
Видит ложе резное из кости слоновой...

Спит на ложе красавица – страшно взглянуть,
Ей волна золотая упала на грудь.

Рядом с ложем колода стоит золотая,
В той колоде – вода, до краёв налитая.

Мирно плавают рыбы в воде не спеша...
Сосурка до кровати дошёл не дыша.

Пересилив соблазн, золотистые пряди
Привязал крепко-накрепко к спинке кровати.

После, рыбу словив золотую в колоде,
Убегает, хватая коня за поводья...

Этим шумом разбужена та, что спала,
Дикий крик её воздух пронзил, как стрела.

И взбешённая дева в бессильной досаде
Отрывала волос перепутанных пряди.

Сосурка пошатнулся, премного дивясь,
И едва не оглох – так земля сотряслась...

– Псиный выкормыш, знал бы, кого ты дурачишь!
Ты живым не уйдёшь от меня, не ускачешь!

Сосурка уносился на борзом коне,
И она побежала за ним, как во сне.

И кричала вдогонку, от злобы зверея:
«Всё равно догоню я тебя, чародея!»

Крепко потные конские стиснув бока,
В крепость младшего брата влетел Сосурка.

С ним конями он тут же меняется споро,
Смотрит: девушка – на расстоянии взора...

Вот у среднего брата уже Сосурка,
Вновь меняет коня, но погоня близка.

Вот и старший... Коня своего здесь берёт
Сосурка... Только дева – догонит вот-вот...

Скакуну Сосурка, за погоней следящий,
Говорит: «Докажи, что ты – конь настоящий,

И узнаешь: достойные есть седоки!..»
Взвился, в небо взлетая, скакун Сосурки...

Мчалась тень по земле и на скалы взмывала...
Дева, руки раскинувши, их догоняла.

Поднимался всё выше скакун Сосурки,
Но и девушка – на расстоянье руки.

Но без силы мужской с высоты её тело,
Словно камень сорвавшийся, вниз полетело.

И к отчизне своей нарт спешит всё упрямой,
Над горами проносится и над морями.

Конь на луг опустился, в полёте устав,
И целебные ищет из множества трав...

Шапку снял Сосурка и, счастливый без меры,
Стал постель из ветвей настилать у пещеры.

И под голову камень вокруг поискал он,
И в пещеру вошёл, и, споткнувшись, упал он.

А пещера сырую разинула пасть...
Нарт летел в её глотку, чтоб там и пропасть.

И не мог он ни встать, ни схватиться руками,
Словно бык, что бессильно толкается в яме.

Весь в крови он упал у скалы, а вокруг –
Зеленя, прекрасный раскинулся луг.

Здесь прозрачный родник пробивался несмело
И волшебное дерево рядом шумело.

Разноцветные листья в ветвях шелестят,
Будто это не листья, а очи глядят.

Словно светом Тейри эти блещут зеницы...
«Как же выбраться, как же наверх возвратиться?»

Дал бы крылья Тейри! – рассуждал Сосурка, –
И орлом бы я взмыл, воспарил в облака!»

Видит женщину вдруг, что бледна беспричинно
И, ругая, ведёт белокурого сына,

Что куда-то идти не хотел вместе с ней...
Подожли они ближе, и стало видней,

Как они небывало бледны, как похожи.
Загорелой его удивляются коже...

Поднял камень мальчишка, зажал в кулаке,
Вдруг метнул его – ногу подбил Сосурке.

«Ах, негодник, теперь получай по заслугам!» –
Мать ребёнка ругает и смотрит с испугом.

Бьёт его и сочувствует озорнику,
И дрожит, о пощаде моля Сосурку.

Но в ответ Сосурка, не рассержен нимало,
Вопрошает: «Как выбраться мне из провала?»

– Вслед за нами сюда подойдут два барана,
Чёрный с белым, что сходятся здесь беспрестанно.

Биться насмерть у этого станут ключа,
Утомятся – попьют, вновь вражда горяча...

Раны лечат, волшебные листья съедая.
Возвращает им силы вода ключевая.

Что ни день задираются яростно оба,
Гложет их ненасытно свирепая злоба.

И как только набросится враг на врага,
Тут уж белого ты ухвати за рога!

Тут тебя он в единый и выбросит мах,
Но гляди – перепутать нельзя впопыхах!

Коль за чёрного схватишься ты в ералаше,
В подземелье провалишься, ниже, чем наше!

...Поспешила уйти она, с нею ушёл
И сынок, в материнский вцепившись подол.

Нарт испил родниковой воды – ободрился,
Листья к ранам едва приложил – исцелился.

Нанесённой ребёнком мучительной раны –
Не успел он коснуться... Примчались бараны.

И, хромая, с ломóтой в суставе больном,
Побежал он и спрятался за валуном...

Тут уж злость обуяла баранов такая –
К валуну подскочили, друг друга толкая.

Из засады тут выскочил нарт Сосурка
И хотел уже действовать наверняка,

Да нога подвела, да и поле неровно –
За рога ухватился, но – чёрного овна.

Злобно бляя, швырнул его чёрный баран
Вниз, на дно подземелий, в зловещий туман.

Там не видно ни зги, мглою всё затянуло,
Наугад он пошёл и добрёл до аула.

Видит дом на отшибе... Уж он у дверей...
Здесь вдовица растила троих дочерей.

И у всех у них – белая, бледная кожа...
Под землёю весна их на осень похожа.

Рассказал тут им всё о себе Сосурка
И воды попросил – жажда впрямь велика!

Отвечала хозяйка ему со слезами:
«Нет воды, мы её не дождёмся и сами!

И вконец вымирает наш бедный аул,
Злобный рок придавил нас и спины согнул!

Эмеген появился здесь девятиглавый,
Реку загородил, у воды став заставой.

Тех из нас, кто ходил до верховий реки,
Всех сожрал он – исчезли у нас смельчаки.

Не поможет всесильная Суу Ана¹,
Перед таким зверем бессильна она.

Наш отец был проглочен злодеем мгновенно,
Наш народ погибает от рук эмегена!» –

Так воскликнула женщина, плача от горя,
И заплакали дочери, матери вторя.

Переполнился нарт болью этой земли,
Слёзы женские душу его обожгли.

Попросил он: «Подайте мне камень точильный,
Наточу я свой меч для отплаты обильной.

Гончары спяют восемь кувшинов раздутых –
Как моя голова – и сюда принесут их!»

Рады жители: справа – четыре кувшина
Прикрутили к плечу Сосурки-исполина,

А на левое – ставят четвёрку других.
Все в папах кувшины, вид грозный у них...

Взял свой меч Сосурка, лук с тяжёлым колчаном –
С эмегеном сражаться идёт окаянным...

«Ну и запах! Здесь нартом воняет вокруг!
Нартский дух, асский дух... Почему б это вдруг?

Даже здесь, в подземелье, от вас нет спасенья...» –
Так вопила любая башка эмегеня.

Лишь узрел Сосурку, разом сузил зеницы
И орёт: «Мы стреляться начнём иль рубиться?»

---

¹ Суу Ана – Мать Воды.

«И стреляться начнём, и рубиться пойдём –
Кто кого одолеет, увидим потом!»

И за сотню шагов попадавший в иглу,
Бивший прямо в ушко, – нарт пускает стрелу.

Отсекла она голову, крайнюю слева,
Эмегену – тот выстрелил, чёрный от гнева,

И попал – вот и нарт без одной головы –
Крайней левой, но эти «кувшины» – мертвы...

На земле – восемь сбитых голов эмегена,
Но и нартские скошены одновременно.

Голова эмегену осталась одна,
И у нарта одна напоследок видна.

Стали мощными тискать друг друга руками
И об землю бросать, упираясь ногами.

Тут хватил истекавшего кровью врага
Сосурка – прямо в темя – и вся недолга...

В землю вбит эмеген – Сосурке по колена,
Тут девятую снёс он башку эмегена...

Так он реку в привычное русло вернул –
От души веселится, пирует аул.

Просят нарта: «Теперь оставайся в селенье,
И да будет законом твоё повеленье!»

Сосурка им в ответ: «Вы простите меня
Но без родины нарт – как очаг без огня!

Помогите мне лучше вернуться домой,
Там отец меня, верно, заждался больной!»

Не спеша обсудили дела Сосурки,
И такой ему дали совет старики:

«Есть утёс над аулом – и там-то гнездится,
И выводит птенцов год за годом орлица.

И как только появится выводок птичий,
Беспокойная мать полетит за добычей.

И тогда объявляется Желмаууз,
Что орлят пожирает, нежнейших на вкус.

Если б смог ты до бедных птенцов доползти
И сумел бы от гибели верной спасти,

То тебе б за добро отплатила сторицей,
На вершину земли подняла бы орлица!»

Снарядился, не медля, в поход Сосурка...
Вот и острый утёс, что ушёл в облака.

Вот вскарабкался нарт вдоль обрывов и скатов,
Да орлята пугаются, головы спрятав.

Но увидев, что нарт им не сделает зла,
Встрепенулись, щебечут – тревога прошла.

И, доверившись нарту, привыкнув к покою,
Постепенно сдружились они с Сосуркою.

Вдруг откуда-то жаркий подул суховей,
И повысохли травы до самых корней.

Это Желмаууз – хуже худшей напасти...
Зарычит – вырывается пламя из пасти.

Режет камень когтями – так в сыр входит нож!
Ближе, ближе к птенцам – их уже не спасёшь.

Взял стрелу Сосурка и на лук положил,
Тетиву натянул и – стрелу отпустил!

Рухнул Желмаууз, окровавив провалы,
И дрожали от крика высокие скалы...

И врага Сосурка обезглавил булатом,
Разрубив на куски, кинул мясо орлятам.

И, впервые насытившись пищей такой,
Разыгрались птенцы с удальцом Сосуркой.

Вдруг как будто бы света задёрнулся лик,
Страшный ветер задул, оглушительно-дик.

«Что за ветер? – спросил Сосурка, – как понять?»
А птенцы: «То не ветер – летит наша мать!»

Тенью крыльев лицо она свету закрыла,
Взмахом крыльев клубящийся вихрь закутила!»

Тёплый дождь неожиданно брызнул слегка.
«Что за дождик?» – спросил у орлят Сосурка.

«То не дождь, – отвечали птенцы, – это значит,
Что о нашей гибели мать наша плачет!»

Тут сиянье вокруг разлилось, как река.
«Это что?» – удивлённо спросил Сосурка.

«Свет надежды в душе – это верная мать
К нам стремится, мечтая живыми застать!»

Тут ударило вихрем от мчащихся крыл,
Всё, что плохо держалось, он прочь уносил...

И от гибели нарта спасая, как брата,
Под окрепшими крыльями прячут орлята.

Вот орлица в гнездо устремила свой взгляд
И своих невредимыми видит орлят.

– Вас не чаяла видеть я больше живыми!
Или – чудо свершилось с птенцами моими?!

Кто же спас вас, птенцы мои? Всё, что смогу,
Для него совершу – не останусь в долгу!

– Вот – спаситель наш, Желмаууза убил он
И, в куски порубив его, нас накормил он!

Сосурку показали; сложивши крыла,
Мать-орлица с любовью его обняла.

Как родное дитя, приняла и ласкала,
И от счастья великого в голос рыдала...

«Что я сделать могу для тебя, смельчака?» –
Тут о бедах своих рассказал Сосурка.

Что в плену он, и, как ни борись, – всё впустую,
Нет дороги ему на поверхность земную...

«Возвращайся в аул и надёжным джигитам,
Чтоб зарезали десять быков, повели там!

Изготовят из шкур они два бурдюка –
Пусть в одном будет кровь для меня, Сосурка!

А другой будет полон порубленным мясом –
Две сумы перемётных с дорожным припасом...

Между них ты садись на меня, не зевай:
Крикну “Как” – попроворней куски мне бросай.

Если “Кук” я скажу, дашь мне крови напиться...»
Нарт спустился в аул, как велела орлица.

Вот в ауле зарезали десять быков,
Вьючат груз на орлицу из двух бурдюков.

И, меж них усадив Сосурку удалого,
На прощанье сказали напутное слово.

И, простившись со всеми, кто там собрались,
Сосурка и орлица уносятся ввысь.

Словно смерч, поднималась орлица кругами,
Уж два мира пропали внизу, под крылами.

«Как» воскликнет орлица – он мяса даёт,
«Кук» клекочет орлица – он крови плеснёт.

Тяжко крыльями машет, слабея, орлица,
Миг ещё – до предела она утомится...

Уж ни крови, ни мяса нет у Сосурки,
На беду опустели его бурдюки.

«Как» сказала орлица – нет мяса в помине,
«Кук» сказала орлица – нет крови отныне.

Еле дышит орлица, почти замерла...
«Как» кричит, обессилев, роняя крыла.

И отрезав от ног своих мясо орлице,
Нарт его подаёт – и движение длится.

«Кук» орлица кричит, ожидая глотка,
И поит её кровью своей Сосурка.

Наконец до вершины земли долетели,
Из пещеры выходят, из каменной щели...

«Мы достигли земли, что любима тобой,
Я ж вернусь на свою – дом у каждого свой.

Дай взглянуть, а походка у нарта какая?..»
Сосурка ковыляет, приметно хромая.

«Видно, я не ошиблась – то был не объедок,
Превосходное мясо ты дал напоследок!

И сладчайшую кровь – на голодный мой крик...
Это мясо припрятала я под язык».

И слюною к ноге Сосурки прилепила
Тот кровавый кусок и его исцелила.

«Будем счастливы оба!» – орлица простилась
С храбрым нартом и сразу же вниз устремилась.

И заржал застоявшийся нартский конёк,
От хозяина радости скрыть он не мог.

Сел в седло Сосурка – конь, не сбивши копыт,
Через горы и степи, и реки летит.

Вдруг на пастбище, с нартским селением рядом,
Сосурка заприметил подпаска со стадом.

Слышит – мальчик то плачет, то звонко поёт...
Нарт – ему: «Пусть дадут эти овцы приплод!»

– Счастья Вам! – отвечает подпасок учтиво.
– Я смотрю на тебя, объясни, что за диво –

То ты плачешь, как будто везёшь хоронить,
То поёшь – можешь всякого развеселить.

Объясни эту странную прихоть свою!
– Нарт великий жил некогда в нашем краю.

Про него у любого спроси старика –
Люди помнят... А звали его – Сосурка.

Мать ему – Сатанай, всех в селенье мудрее,
А отец – Ёрюзмек, нету нарта храбрее.

Ёрюзмек, сын Дебета, прославился он,
Ведь недаром от звёздного камня рождён.

Только тяжко он болен, могучий наш воин...
«Исцелится, коль рыбы вкусит золотой он!» –

Так сказала премудрая мать Сатанай.
Сосурка же отъехал в неведомый край.

Только чудо сыскать тяжело, говорят,
И немало воды утекло, говорят.

Сосурки дожидались до этого дня,
А сегодня – поминки справляет родня.

И в котлах будут мясо под вечер варить,
Будут старых и малых отменно кормить.

Я пою, потому что поем до отвала,
Плачу я, что великого нарта не стало. –

Только скажет – и сразу слезами зальётся...
«Не печалься, захочет Тейри – он вернётся!

И тебя наградить, коль его уважал...»
Тут ребёнку даёт Сосурка свой кинжал.

Поскакал, и костры вдалеке проблеснули
Перед крепостью отчей, в отцовском ауле.

Удручённые нарты стоят во дворе,
Скачут дети в своей беззаботной игре,

А в котлах поминальное варится мясо...
Тут вошёл Сосурка... Лучше не было часа!

Так внезапный приход его нартов потряс,
Что от радости все они бросились в пляс.

К Сатанай побежала толпа детворы,
Там за добрую весть получила дары.

Рыбу отдал, но мать оставляет пока
И к больному отцу заспешил Сосурка.

Ёрюзмек, чуть живой, ожидает конца...
Опечаленный сын обнимает отца.

Но едва Ёрюзмека жена накормила
Дивной рыбой, как тут же болезнь отступила.

И уже не поминки – а радостный пир
Шёл семь дней, семь ночей, удивляя весь мир.

АКБИЛЕК

Ойра-ойра! Чолпан ¹ в соседнем селенье жила,
Звезде рассветной подобна, радость всего села.

Экижюрек ² влюбился в красу её, в добрый нрав,
Отважный – к Чолпан решился приехать, сватов заслав.

Учтливой, трудолюбивой, доброй слыла Чолпан,
В браке была счастливой, стал полнеть её стан...

Горькую нартской невестке дали тейри судьбу:
Родив, навеки уснула, лишь прикусила губу...

Девочка на рассвете в мир пришла, говорят,
И сразу рука ее стала как солнце светла, говорят.

Экижюрек свою дочку назвал Акбилék ³ и ей
Жизнь посвятил отныне – свету своих очей.

Она что ни день расцветала близ отчего очага,
Была как цветочек алый, который живит луга.

Ликом своим сияла – всё ярче с теченьем лет,
Там, где протянет руку, – тьму рассекает свет.

Красивой была и сильной её рука, говорят,
Что за рога пригибала к земле быка, говорят.

Экижюрек однажды был стражем Ныхыт-Баши ⁴,
Вдруг дикое войско вражье пришло из степной глуши.

Тогда тревожную новость послал он в родные места,
Один за другим поставил он три высоких шеста.

Сам же – в схватке жестокой насмерть сражался он.
Сотню врагов обезглавив, рухнул, испепелён...

Так Акбилек осталась одна горевать на земле.
Как-то, сойдя на берег, пела в слезах кюйле ⁵.

---

¹ Чолпан – женское имя по названию планеты Венера.

² Экижюрек – «Имеющий два сердца»; некоторые нарты имели по два сердца.

³ Акбилек – «белая рука».

⁴ Ныхыт-Баши – название местности в Карачае.

⁵ Кюйле (ед. ч. «кюй») – песни-плачи.

Грустным своим журчаньем ей подпевала вода
И несла свои волны вдоль берегов туда,

Где над рекой склонялся юный нарт Сосурка
И заслушался звуков, пришедших издалека.

Замер на миг и очнулся – реку вброд перешёл.
Что это там за песня звучит, наполняя дол?

И перед ним предстала девичья красота
И распахнула настежь сердца его врата...

Он молвил слова участия, развеял печали тень
И попросил о встрече на предстоящий день.

СОСУРКА И АКБИЛЕК

Теперь, когда с Акбилек встречался нарт Сосурка,
Желанные для неё слетали слова с языка.

Надежду он заронил в мечтания Акбилек,
Сумел понравиться ей, любимой её нарек.

И нет никого вокруг счастливее Сосурки,
Переполняет любовь душу, как русло реки.

Без сладостной Акбилек не мыслит судьбы своей
И рассказал Сатанай о деве, что всех светлей.

Веща Сатанай, его премудрая мать,
Предчувствовала беду, но не могла сказать.

Рассказывала ему, что видела на веку,
Чтобы судьбу отвлечь, предостеречь Сосурку. –

Был, как дитя, Сосурка – свою приёмную мать
Горько стал упрекать и сгоряча обижать:

– Не видишь ты счастье моё! Что ж, обо мне грустя,
Душа твоя не болит, как за родное дитя?

– Друг друга разлюбите вы, близится этот час!
По крови вам не сойтись, не схожа она у вас! –

Взывала так Сатанай, перед судьбой робка.
Из слов её ничего не понимал Сосурка.

– От воли Тейри не уйти, Он настигнет, губя!
Придумать я не могу другую судьбу для тебя...

Значит, сын мой, тебе, как и другим, дано
Только то испытать, что на роду суждено. –

Молвила так Сатанай, сватать стала сама
За Сосурку Акбилек, почти что сходя с ума.

Так душу её терзал ужас грядущих дней,
Но сделала Акбилек она невесткой своей.

Сорок волов заколов, знатный устроили той.
Явью сделалось то, что любящих было мечтой.

Но, камнем рождённый, и та, что всех красавиц милей,
Крови слить не могли, были разных кровей.

Время – любви кипеть, такие пришли года,
Но струны сердца запеть в нём не смогли никогда.

В мыслях только любил эту красавицу он,
Но дыханьем её, о нет, не бывал опьянён.

И понял – не сможет ей он истинным мужем стать,
Отчаялся и привык негодным себя считать.

Так в ненависть перешла страсть его к Акбилек...
Охотиться шёл Сосурка или спешил в набег,

Иль, джигитуя в степи, выказывал удалство;
Когда же нарты, дивясь, расхваливали его,

Он вылетал стрелой: «Вот я какой удалой!»
Так выхвалялся он, возвращаясь домой.

Тишайшая Акбилек внимала речи его,
Грустнейшая Акбилек гляделась в очи его.

СМЕРТЬ СОСУРКИ

Как-то, покинув дом, в горы забрёл Сосурка
И увидал Кырк суу¹ – заклокотала река.

---

¹ *Кырк суу* (букв. «Сорок вод» или «Сороководье») – верховье Кубани.

Увидев эту красу, пленился ею он вмиг,
На берегу Кырк суу – крепость свою воздвиг.

Нартам он описал славную жизнь свою
И вдвоём с Акбилек зажил в речном краю.

Грохот камней Кырк суу издали слышен был,
Быстро неслась река, исполнена грозных сил.

Брод отыскал Сосурка, сам переправиться смог,
Хоть никто до него не одолел поток.

Он ущелье нашёл свежее от росы,
Видит: кони кругом пасутся дивной красы.

Тут эмегены идут, хозяйева табуна:
«Что ты делаешь тут иль смерть тебе не страшна?»

Но хитрую речью их очаровал Сосурка,
Сам узел он развязал заветного бурдюка.

Чудовищам он налил трав дурманных настоек,
Все опьянели они от этой бузы густой.

Все рухнули, одурев, прямо к его ногам,
И головы он отрубил семидесяти врагам.

А после, в одно собрав конские косяки,
Несметный погнал табун в сторону бурной реки.

При лунном затмении табун в степь перегнал Сосурка.
Вот – берега Кырк суу, а впереди – река.

Чёрною буркой своей землю накрыла ночь,
Брода не разглядеть, теченья не превозмочь.

Рокот реки перекрыт ржанием табуна...
Вот встаёт Акбилек, грохотом пробуждена.

На башню идёт Акбилек, глядит на речной обрыв.
Потянулась к реке, локоть свой обнажив.

И осветилась река под его белизной,
Песнею Акбилек – шум усмирён речной.

И воспрял Сосурка, нашёл он заветный брод,
От радости сам не свой, – двинул табун вперёд.

И, погоняя коней, в крепость примчался он...
И чередой пошли годы счастливых времён.

Долго же был в пути доблестный нарт Сосурка
И похвалялся он, вернувшись издалека:

«Прославленный Сосурка, это – ведь только я!
Кто ты рядом со мной? Только жена моя!»

Потрясена Акбилек, сердце её горит.
Унижена и в слезах, обидчику говорит:

«Вижу я, ты могуч перед женою своей!
Кто ты есть без неё – узнаешь в один из дней!»

Стал зачинщиком ссор, безумцем стал Сосурка,
И вот уж на Акбилек его поднялась рука.

Под горестный плач Акбилек ушёл он из дома прочь...
К реке он пригнал табун, когда наступила ночь.

Весь день хлестали дожди, мрачной погода была...
Вдруг молния сорвалась и раскололась скала.

Всё небо заволокли чёрные облака.
Брода не смог найти, затосковал Сосурка.

Думает: «Где Акбилек? Спит она или больна?»
Вот когда он смущен, что снова нужна она.

Потёр он своё лицо – что-то в душе болит.
Тут разозлился он, тут заплакал навзрыд:

«Судьба моя, ты темна, как эта скверная ночь!
Как тебя изменить, чем мне себе помочь?!

Сам себя потерял, где истина, не пойму!
Вот даже брода мне не одолеть самому...

Я врагов победил, всех одолел в бою,
Нартские старики удаль хвалили мою.

Но смысла жизни найти не смог я к своим годам!
Кому я теперь своё накопленное отдам?

Верного сына нет – тело моё обмыть,
Дочери нет – меня после смерти обвить!

Но от гордыни моей много я претерпел,
Хоть утешаться ей я до конца хотел.

Ложь и самообман – вот злая судьба моя!
Что без них – моя жизнь? Воля слаба моя!»

Горем разбит, упал на берегу Сосурка...
На башню взошла Акбилек – разом стихла река.

Потянулась к реке, локоть свой приоткрыв,
Всё, что было вокруг, сияньем его залив.

Светлая, как серебро, плещется быстрина...
Речь завела Акбилек – и онемела она.

– Понял ли, Сосурка, что ты без меня – слепец!
Ты без меня – найдёшь в тёмной воде конец.

Дева – я, мужем ты не был мне никогда.
Камень ты – на земле, я – в небесах звезда!

Больше не обижай, не унижай Акбилек,
Боли не причиняй, или уйди навек!

– Полно меня стыдить и поучать, жена!
Нарта, что всех славней, ты уважать должна!

И локоток закрой, воду не освещай,
Чтоб тебя сгоряча я не убил невзначай!.. –

Так закричал Сосурка, прежний увидел брод,
Погнал он коней в Кырк суу, в Сорок бурливых вод.

Заплакала тут Акбилек, жалуясь на судьбу,
Закрыла лицо рукой и прикусила губу.

Землю полная тьма объяла со всех сторон,
Вмиг закипела вода, кинулись волны вдогон.

И понесли Сосурку вместе с конями его
В широкую Смерти пасть, не пощадив ничего.

Опомнившись, Акбилек локоть открыла свой.
Сделанного не вернуть, слёзы льются рекой...

Так и захлопнулась дверь в дом Сосурки – на песке
Нашли на четвёртый день – мёртвого на острове.

Выпрямили Сосурку нарты, отняв у земли,
И на носилках его на кладбище понесли.

Камнем на Чууане ¹ стал его труп, скалой,
Стал он надгробьем себе, памятью жизни былой.

АКБИЛЕК И ЖАНИБЕК

Боль сиротства познавшая Акбилек,
С плачем песни слагавшая Акбилек,

Бесконечно страдавшая Акбилек,
Мужа в браке не знавшая Акбилек,

Одиноко томилась по воле судеб
И жила, поливая слезами свой хлеб.

Никому её слёзы вокруг не видны,
Скажет слово – молчат все четыре стены.

Нет матери, чтобы поплакала с ней,
Нет отца, что погладил бы голову ей.

Нет сестры, чтоб сердечную тайну открыть,
Брата нет, чтоб слабеющий дух укрепить.

Счастье мимо прошло, а она – в стороне
И обиды от мужа всё видит во сне.

Одинока она от зари до зари
И прощения просит весь день у Тейри.

Как цветок, что без влаги завял, – Акбилек,
Но при встрече её ободрял Жанибек.

Дни летят, вот и лето пришло в этот край,
И невестке своей говорит Сатанай:

«Я ведь знала, что будет с тобой на веку...
Не под силу тебе оживить Сосурку.

Не печалься и мрачные мысли гони,
Вижу я, как тебя изнуряют они.

---

¹ Чууанá – скала в Карачае.

Коль себя изведёшь, уваженья не жди!
За малиной с подружками нынче сходи...»

Хоть её и не радовал этот совет,
Акбилек собралась, не ответила: «Нет!»

В полдень небо померкло и ветер задул,
Хлынул дождь, как из чаши, под грохот и гул.

Всюду отблески молний и ливня струи.
Разбежались подруги, боясь Элии.

Но стоит Акбилек, с ними страх не деля.
Ждёт, чтоб участь её разрешил Элия.

Все смятеньем объята – спокойна одна!
Что ей грома раскаты – не вздрогнет она.

Но с дороги не может сойти Акбилек...
Тут её повстречал на пути Жанибек.

Мигом спешившись, бурку срывает он с плеч,
Хочет он Акбилек в эту бурку облечь.

В эту бурку, спасавшую в снег и дожди,
Он укутал её, прижимая к груди.

Как дитя, её на руки взял, и, нежна,
Обвила его шею рукою она.

С лёгкой ношей своею вперёд он бежит,
Под надёжной скалою укрыться спешит.

Гладит мокрые волосы милой своей –
Слёзы льёт Акбилек, но не горестно ей.

Ей от ласковых слов так легко и тепло,
В обаянье любви сердце вдруг расцвело.

АЛАУГАН

РОЖДЕНИЕ АЛАУГАНА

Не навеки великие нарты пришли –
Те явились, а эти уходят с Земли.

Те – родились, а прежних – не видно уже,
Те – на белой, а эти – на чёрной меже.

В песнях – память живёт о деяньях отцов.
Столько доблести, столько прямых образцов!

Не кончается песня у нартов седых,
Крылья мыслей уносят в ушедшее их.

Не уходит былое – вновь мальчики тут
О рождении Алаугана поют...

– Ойра-ойра, – поют они, – нартов отец –
Был земным и небесным – чудесный кузнец.

Ойра, в лунном дупле ¹ спит Дебета жена,
Но никто не расскажет, какая она.

Но в священной пещере безлунной порой
Ждал Дебет её, нартов могучий герой.

Восемнадцать родили они сыновей...
Старший – Алауган, славный силой своей.

С первых дней он тулпаром ² воистину был,
В десять лет он за зубром гоняться любил.

Он хватал его за ногу, бил наповал,
Глотку резал и тушу в реке обмывал.

---

¹ *Лунное дупло* – «айкуууш», так называется в эпосе полость под поверхностью Луны, где живут айсаны – лунные люди; жена нартского кузнеца Дебета (мать Алаугана) была родом с Луны.

² *Тулпар* – «силач, богатырь»; тулпар также имеет значение – «богатырский конь».

Целым зубром наестся он всё же не мог,
Но и лишнего мяса не брал себе впрок.

Не жестокий убийца, не злой самодур, –
Зря он душ не губил, зря не брал себе шкур.

Львов ловил он и связывал, словно овец,
Самых красочных тигров был славный ловец.

Солью, солнцем и соком налившихся слив,
Он выделывал шкуры, промыв, продубив.

Скалы рушил и реки отбрасывал вспять,
И вычерпывал воду, чтоб рыбу достать.

Как траву, вырывал он охапки стволов,
Чтоб костёр развести и зажарить улов.

Так чихал подрастающий Алауган –
Что срывались лавины, ревел ураган.

Эмегены пугались, на землю присев,
И боялись хоть чем-то навлечь его гнев.

Он вырослел, и молва разлетелась не зря,
Что не вынести женщинам богатыря.

Созревал, только женщин страшил его пыл,
И не ведал, не знал, чем же им он не мил.

Он отыскивал золото в лунном дупле,
Дом возвёл златоверхий себе на Земле.

Только в доме и в золоте радости нет,
Если в детях – и счастье, и солнечный свет!

И сидел он во мраке своей западни,
И считал уходящие юности дни,

Горевал, что на нём и закончится род,
Слёзы горькие лил он всю ночь напролёт.

Что и дом златоверхий, коль дом без детей –
Погребального плача бездетность мрачней.

КАК АЛАУГАН ПОИСКАЛ ВОТШЕБНОГО ЖЕРЕБЁНКА

– **А**й медет ¹! Нипочём не найду я жены,
Бесконечные поиски нартам смешны.

Чтобы разом унять, угасить этот смех,
Должен я что-то нужное сделать для всех. –

Так мечтал растревоженный Алауган,
Скоро повод ему был для подвига дан...

Было озеро рядом – пучина без дна,
Где по трём сторонам возвышалась стена.

А четвёртой была луговина в цвету...
Онемеешь, такую узрев красоту.

А с приходом весны, в предназначенный срок,
Там один расцветал небывалый цветок.

И едва он свои лепестки раскрывал,
Жеребёнок из синих глубин выплывал.

И к цветку подбегал он, цветок он глотал
И, сиять начиная, в пучину нырял...

Жеребёнка такого хотел бы любой,
Но, едва увидав его перед собой,

Разум нарты теряли – они не могли
С места тронуться, ног оторвать от земли.

Вот опять день цветенья, все вышли на луг,
Только нет жеребёнка среди синих излук.

Ждут-пождут, но спокойна озёрная гладь,
Остаётся им только идти и ворчать.

Но остался единственный – Алауган.
Месяц он ожиданием был обуян.

Чтоб невидимым стать, в поле яму нарыл,
В ней укрылся, из дёрна нарезав настил.

---

¹ Ай медёт! (карач.-балк.) – возглас сожаления, обиды, досады.

Уж теперь диво дивное он разглядит –
На воде и на суше иль – взмывшим в зенит.

Стал он в яме сидеть, чтоб на чудо взглянуть, –
Только трубка для зренья ¹ виднелась чуть-чуть...

Вдруг разверзлась кипящего озера пасть,
И круги разбежались, чтоб, схлынув, упасть.

Жеребёночек белый тут вышел к цветку
И заставил низину дрожать на скаку.

И серебряной гривой играл ветерок,
И уж Алауган наглядеться не мог.

Ветер гриву взметал, словно гребни волны,
А под гривую той рыбы жабры видны.

И дрожит, и сияет боков его скат,
А глаза, как прямые алмазы, горят.

Пар дыханья росой выпадает... Легки,
Длинной гривы, вращаясь, текут завитки.

И, вращаясь, потоком росинки летят,
И, сливаясь, цветной создают водоскат.

И спешат разлететься алмазной крупой,
И ломается солнце в крупинке любой...

Тут уж нарт восхищённый совсем изнемог,
В селезёнке – усталость, а в горле – комок.

Дивом дивным охвачен был разум его –
Красотой усыпило его волшебство.

Высоко-высоко он поднялся к Луне,
Там беседовать с матерью начал во сне.

И, мудрея, он матери начал внимать,
И дала ему наставление мать:

«О дитя, я – во сне твоём, в свете дневном,
Я к тебе приближаюсь спасительным сном!

---

¹ В оригинале – кёргюч (букв. «то, чем смотрят»), некий прибор, с помощью которого нарты могли видеть на расстоянии.

Но смотри, жеребёнку в глаза не гляди
И, к нему приближаясь, глаза отведи!

Но скорее хватайся за уши его,
И тогда уж не сделает он ничего.

А зовут жеребёнка того – Гемудá,
Но его укротит лишь тройная узда.

Лишь его позовёшь – сдастся воле твоей,
Будет верен тебе до скончания дней!»

Лишь услышал слова её Алауган,
Сон чудесный развеялся, словно туман.

И едва доскакал Гемуда до цветка
И зубами к нему прикоснулся слегка, –

Мигом Алауган опрокинул настил,
Крепко за уши он Гемуду ухватил.

Ощутил он поддержку Земли и Луны,
Обхватил он конька от копыт до спины.

Конь заржал, но тройная надёжна узда,
Обхватил его нарт и позвал: «Гемуда!»

Успокоился конь под могучей рукой,
Душу Алаугана наполнил покой.

Пали конские уши, сиянье ушло,
Гемуда укрощённый глядит тяжело.

Стал на жалкую клячу он сразу похож,
И узду закусил, словно жить невтерпёж.

Разорвать он не в силах железных удил
И на нартском наречии заговорил:

«И силён ты, и ловок, но знай, что сейчас
Ты не только осилил меня, но и спас.

Ведь меня, лишь родился я в мире своём,
Взяли харры, чтоб сделать послушным конём.

Кони нашей породы – то ведомо им –
Лучше всех – захотим, так до звёзд долетим!

На морском мы умеем запрятаться дне,
В безвоздушной межзвёздной дышать вышине.

Только я им не ровня, не вышел мой срок;
Жеребёнок, из плена бежать я не мог.

Вдруг узнали об озере в этом краю
Злые харры, решившие участь мою.

Под водой меня спрятали, страшный недуг
Мне привили, цветами засеявши луг.

Закормили меня семенами цветка,
Чтоб привычка к нему становилась крепка,

И сказали: «Как только цветок расцветёт,
Выбирайся на луг из мерцающих вод!

Три весны напролёт, все три года подряд
Ешь заветный цветок, будешь весел и рад!

Станешь молнией в бурю! Желанье насыть!
Возмужаешь, и будешь нам верно служить.

Станешь всюду прославлен и всеми хвалим...
А захочешь послушаться, мы не дадим!

Ну так будь же достоин высоких похвал,
Нет – так жизни лишишься, сорвёшься в провал!» –

И, швырнув меня в озеро, сами ушли
В глубочайшую глубь, в пуповину Земли.

И с тех пор, как отведал я жгучих семян,
Всё томит меня, гложет цветочный дурман.

Я два года впивал этот медленный яд
И на третий – к нему возвращаюсь назад...

Ах, в крови разливалась отравы струя,
И всё ширилась чёрная сила моя!

Если б в этом году трижды яд я испил,
Впредь противиться злу не хватило бы сил.

Стать у харров рабом оставалось бы мне
И Верховного Харра носить на спине.

Сколько бед причинил бы я, зол и жесток!
К счастью, вовремя ты удержать меня смог!

И как только ты имя моё произнёс,
Разошёлся туман наважденья и грёз.

Сила прежней осталась, но схлынуло зло...
Нас недаром сегодня судьбою свело!

Путь длиною в три года – покрою в три дня...
Как на верного друга гляди на меня!

Доверяй, и тогда до скончания дней
Самой верной опорой буду твоей!

Среди нартов – ты славу со мной обретёшь,
Не смотри, что на клячу теперь я похож!

Ходят зависть и злоба вокруг силача –
Обману их, такое обличье влача.

Не суди ты по виду, коль сила – внутри,
На полуденном солнце зазря не гори!

Так садись на меня – полетим, воспаря,
Чтобы новые земли узнать и моря!

Крепче гриву держи, чтобы ветер не смёл,
Да зажмурься – взлетим, как не смог бы орёл!

В бурном море лицом к этим жабрам прильни,
Там дыханье моё будет вместо брони!» –

Так сказал Гемуда и унёс в облака –
Выше туч он пронёс своего седока.

Грянул с той высоты прямо к морю, на дно...
Обмер нарт, и в глазах его стало темно.

Нарт сморгнул – не успел он в пучине пропасть,
Тут уж конь разорвал моря пенную пасть.

Глядь – они на лугу, возвратились назад...
Гулко в нартской груди оба сердца стучат.

...И в аул поспешили, но, как на беду,
Ухмыляются нарты, хулят Гемуду:

«Что за клячу сыскал себе Алауган!
Ну и уши! Как мал этот конь и поган!»

Но бессильны насмешки, коль всадник с конём,
Зная цену себе, усмехнулись вдвоём.

АЛАУГАН НАВЕЩАЕТ СВОЮ МАТЬ

Скрылся Алауган с Гемудою своим...
Видно, здесь, на Земле, тесно этим двоим.

Вот они на Луне, чьё просторно дупло, –
Как прекрасна там жизнь, и без света светло!

Алауганову мать они сразу нашли.
Здесь ей не навредит тяжкий воздух Земли,

Где войлочной укрывать маской лицо должна,
И млечную защищать тело смазкой должна.

Оттого не спешит Землю она посещать,
На ней не умеет жить Алаугана мать.

Дебета узрев с Луны, дева влюбилась вдруг,
Томит её горячо, жжёт сердечный недуг.

И для свиданья с ним на Землю тайком сошла.
В священной пещере их соприкоснулись тела...

Вскоре Алауган первым явился на свет,
И семнадцать за ним славных братьев вослед.

К жизни в лунном дупле Алауган привык,
Видит, как этот мир неизъяснимо велик...

Мать ласкает его, счастлива и горда:
Первый из сыновей – вот и добрался сюда!

Сыну дарит она сокровища без числа,
Рассказывает ему, как здесь, на Луне жила:

«Железных семь бурдюков наш облекли тайник,
Толщина бурдюка – как расстоянье в крик.

Нас от порчи хранят семь железных завес,
От камнепадов хранят, рушащихся с небес.

Те, кто живут в дупле здесь, средь лунных полян,
Не случайно они кличут себя – “айсан ¹”.

С первой нашей Земли, превратившейся в ад,
Перед взрывом ушли и не придём назад.

Много нас полегло там, в неравном бою,
Выжившие нашли в дупле обитель свою...»

– Мать, ну а как же с отцом вы друг друга нашли?
Ты – лунянка, а он – порожденье Земли...

Волнуясь, Алауган спрашивает, и она
Так отвечала ему, памятью смущена:

– Мало осталось нас, айсанов, к этому дню.
Повымирали все, превратившись в родню.

Мы же – совсем как вы, как нас ни назови...
Мы ведь – как вы, живём для добра и любви!

Рождает себе детей каждое существо,
Чтобы было кому смерть оплакать его.

Не оставить детей – впрямь большая беда,
И вину небеса не простят никогда.

Вот почему тогда – и друзья и родня –
К браку с твоим отцом все склонили меня.

И едва твоего встретила я отца,
Не смогла устоять – дрогнули наши сердца...

Вот как, дети мои, вы появились на свет,
И для меня, поверь, большей радости нет!

Только жить на Земле с вами я не могу.
Телом – здесь, а душой – там, где вы, не солгу!

На Землю я навожу мысленный свой кёргюч,
Свой неотступный взор и пронзающий луч.

На Землю я устремлю свой всевидящий глаз,
И – словно бы с вами я, там живу среди вас!

– Дай на Землю взгляну вещим кёргючем твоим,
Чтобы тайны Земли и я мог бы увидеть с ним! –

---

¹ *Айсаны* (букв. «лунные тела») – лунные жители.

Молвил Алауган, на Землю с Луны взглянул
И с удивленьем признал свой родимый аул.

Видит всё, что ни есть, в непомерной дали...
Вон соседу его невесту в дом привезли.

Вспомнил участь свою нарт средь бедствий и зол,
Вздохнул – и на край села он кёргюч перевёл.

Что же – тринадцать там харров лежат за бугром
И, не спуская глаз, жадно следят за селом.

Видит хищный огонь в каждом движеньи он,
Мысли их разгадав, Алауган потрясён.

Понял он: это час подвига настает!
Простился с матерью он – и через миг уйдёт.

Мать поняла – не зря нахмурился он, затих...
Видит сама в кёргюч – скопище харров злых.

И промолвила мать: «Харры для всех страшны,
Ведь из-за них ушли мы из родной стороны.

Знай, ты не сможешь их всех одолеть, мой сын,
Видишь: тринадцать их, ты же – совсем один.

И не сочти за труд – железные забери
Эти мехи мои с воздухом злым внутри!

То не воздух, то яд в тех заточён мехах,
И леденящий он харрам внушает страх.

Тихо к ним подойди с подветренной стороны,
Пуговку лишь нажми, и – враги сметены!..»

Сына спасала так, в путь провожала мать,
Но тревогу свою в сердце сдержала мать.

БЫТВА АЛАУГАНА С ЛАЗУТЧИКАМИ ХАРРОВ

Уынче харры-лазутчики вышли на свет –
Только нет жеребёнка в том озере, нет!

Забросали камнями озёрную гладь,
А потом принялись за селом наблюдать.

Но глядеть неотрывно устали глаза,
Мутно-красными карие стали глаза,

Но нигде отыскать Гемуды не смогли.
Как вернуться теперь в пуповину Земли?!

О пропаже конька коль начнут они речь,
Главный Харр им тогда снимет головы с плеч.

Он ведь в гневе своих сыновей не щадит,
Всем тринадцати харрам расправа грозит!

Ровно в полдень, как Солнце, зарделась Луна,
Перепуганным харрам вдруг стала видна.

Тут на Землю сошли и явились сюда
Нарт, готовый к сраженью, и с ним Гемуда.

То не свету конец – то чихнул богатырь,
Содрогнулись земля и небесная ширь.

Чтобы х́аррам за всё заплатить и сполна,
Мехи нарт не снимал со спины скакуна.

И, доспехи оставив, пошёл на врагов
Лишь с мечом, что длиной в семь десятков шагов.

И на харров идёт... Громовой его чих
До сраженья лишает сознания их.

Кто – на землю упал, кто – глядит в пустоту,
Видно, стало совсем харрам невмоготу.

Но опомнились всё же и дали отпор.
Завязался мечей нарастающий спор.

Здесь тринадцать мечей – все с одним скрещены,
И, горюя, глядит мать на битву – с Луны.

«Что ж ослушался ты?!» – причитает навзрыд.
«Сгубят сына они...» – вся в слезах говорит.

Бьётся Алауган, валит чудища с ног,
Проливается кровь, словно горный поток.

Столкновенья мечей – сотни молний зажгли,
Вся трясётся земля, в небе – гром, всё – в пыли.

Вот уж девятерых топчет Алауган,
Но и сам он в бою получил девять ран.

Весь он кровью истёк, до конца изнемог,
И вздохнул Гемуда, до обидного строг...

«Что ж ты мехи забыл?! Вот и вышла беда!
Доберись до меня!» – прокричал Гемуда.

Тут десятого врага нарт уложил,
Их осталось лишь трое, да только нет сил.

Он к коню отступает, но еле идёт...
«Ну, ещё продержись!» – конь рванулся вперёд.

В ноги Алаугану упал Гемуда,
Нарт на конский хребет повалился тогда.

Тут вскочил Гемуда, полетел во всю прыть,
Поскакал на врагов, стал копытами бить.

Против ветра помчался он и на скаку
Вот какие слова обратил к седоку:

«Друг мой, к жабрам моим поплотнее прижмись
И дыханьем моим укрепись, освежись!

И увидишь: останешься ты невредим!
Сделай так, и тебя сохраню я живым...

Но на пуговку мехов нажми ты сперва!» –
Словно гул отдалённый звучали слова.

Нарт глаза приоткрыть через силу сумел,
Мехи он развернул и направил прицел.

Ищет пуговку пальцем – нашёл и нажал,
И, теряя сознание, на землю упал –

Комом в горле застряла героя душа...
Страшно кашляли харры, отравой дыша,

Наконец повалился... И нарт изнемог,
Но лицо ему гладит живой ветерок,

И горячие раны целит Гемуда,
Лишь лизнёт – заживают они навсегда.

Жизнью смерть пересилена, оттеснена,
Нарта громкая песня повсюду слышна:

«Дорогой Гемуда, ты ведь – конь из коней!
Знай, тебя я люблю больше жизни своей!

Нет мне горя, пока ты со мною, я сам
Даже в голод жестокий тебя не продам!»

АЛАУГАН ЕДЕТ НА ПОИСКИ НЕВЕСТЫ

Сколько подвигов Алауган совершал
И каких удостоился высших похвал,

Только в них не найти утешенья тому,
Чья душа одиноко тоскует в дому!

Много в жизни изведаль он зла и добра,
Но его незаметно уходит пора.

Всё страшнее ему умереть без детей,
А бесценное время летит всё быстрее...

И сказал Гемуда: «Годы мчатся вперёд!
Коль короче мгновения будет полёт,

Время хлынет назад... Чем скорей, тем верней
Мы пределы изведем меры своей!»

Но не может понять его Алауган,
Для чего ему вымыслов самообман!

Ведь ему просто время жениться пришло,
Оттого-то безрадостно и тяжело.

И о сыне печалится старый Дебет,
Что придумать не знает, и выхода нет.

К Сатанай за советом пошёл он – она
Принимает решение тайно одна...

В день цветения вишни, бранясь меж собой,
Дети в альчики шумной играли гурьбой.

А идущий по улице Алауган
Услыхал, как один говорил мальчуган:

«Что ж ты, мальчик, забывчивым стал, как старик?
Альчик выиграл я – отдавай его вмиг!

А не хочешь, тогда всё назад забери,
Но ведь будешь ты проклят Верховным Тейри!

Пусть, как Алауган, проживёшь холостым,
Без жены, без детей будет дом твой пустым!»

Обмер Алауган и застыл на пути,
Потемнело в глазах – нету силы идти.

Дети рану его растравили, дразнясь,
И куда-то умчались, беспечно смеясь.

Сатанай от души одарила детей,
Ждёт от Алаугана отрадных вестей...

И вернулся домой нарт, чернее земли,
Оседлал Гемуду и растаял вдали.

По горам, по долам мчался Алауган,
Много рек пересёк, смотрит – в поле курган.

Подошёл и увидел, что вместо холма
Повстречалась ему эмегэнша сама.

Зашивала иглой она раны земли,
Где глубокие трещины вдоль пролегли.

Ниже шеи её отвисала губа,
Грудь – за спину брошены вроде горба.

И под ветром качаются космы, как лес...
Нарт подъехал неслышно и с лошади слез.

«Мама!» – он прокричал, эмегеншу схватил
За широкую спину, к себе привалил.

И губами к соскам прикоснулся едва...
«Ой, дитя!» – раздались эмегенши слова.

Оглянулась, и гневом объята она,
И разинула пасть в два обхвата она.

И сказала: «Коль ты не подкрался б, как тать,
И меня не надумал бы мамой назвать,

Если б ты не схитрил, молоко пригубя,
Я бы этой иглой заколола тебя

И огонь развела бы большой высоты,
И в шашлык у меня превратился бы ты!»

– А когда б не воскликнула ты «Ой, дитя!»
И меня не признала бы, то, не шутя,

Я б тебя раздавил, или, выхватив меч,
Я б, не думая, снёс твою голову с плеч!

– Ладно, ладно, коль стал моим сыном, открой,
Почему от земли отказался родной!

Тесно ль стало гулять тебе в землях твоих?
– Я не скрою, что ищет невесту жених –

Говорят, у тебя есть красавица-дочь –
Пусть идёт за меня, без неё мне невмочь!

Ничего мне не жаль для желанной моей...
Одарю я её, не печалься о ней!

– Кто же здесь предо мной похваляется тут?
– Знай, что нарт я, и – Алауганом зовут.

– Слушай, Алауган, что скажу я, пойми,
Всей душою – рассказ невесёлый прими!

Эмегенши, узнай, одноглавые мы
И сильны своей доброю славою мы.

Были счастливы мы много солнечных лет,
Наше племя трудилось, не ведая бед.

Жить без плясок и песен оно не могло,
Оттого наши души не рушило зло!

Золотая была у нас шуба одна,
И была всех сокровищ дороже она.

Ворот шубы как станет гармонию играть,
Рукава – бить в ладоши, а полы – плясать!..

И была у нас дочь и единственный сын,
И у них был отец, эмеген-исполин.

Был доверчивым, смелым, не ведавшим зла,
Лишь к добру его жизни дорога вела.

Вот собрались мы сына женить своего,
Гость сидел трёхголовый на свадьбе его.

Вдруг он шубу узрел золотую, и вот
За неё нам огромную цену даёт.

Умолял, чтобы продали шубу ему,
И, напившись, шальную завёл кутерьму.

И ушёл, разъярён, получивши отказ...
Видим: время дурное приходит для нас.

Через несколько дней и случилась беда...
С дочкой в лес мы по ягоды вышли тогда.

А невестка, скучая о доме родном,
Навестить захотела родительский дом...

А вернувшись, увидели, что и врагу
Пред собой увидеть – пожелать не могу.

Всё погублено завистью низменных душ:
Были мёртвыми брошены сын мой и муж.

Их оставив валяться в дорожной пыли,
Трёхголовые с шубой заветной ушли.

С этих пор мы живём, только мстью дыша,
И от праведной злобы томится душа.

Кто сюда ни приди, всех я с дочерью ем,
Всех на свете казним, мстим сторицею всем.

Ты впервые унял эту лютую злость,
Как назвал меня матерью, редкостный гость!

Коль ты нарт настоящий, то шубу вернёшь,
Отомстишь за убийства и наглый грабёж!

Коли нашему горю сумеешь помочь,
Обниму, словно сына, отдам тебе дочь!

Всё богатство в приданое мы отдадим,
Станет шуба навек достояньем твоим.

Если дочь ты захочешь увидеть сейчас
И её красоту оценить без прикрас,

В дом войди и найди ты её уголок,
Там, где спит она, – краше б найти ты не мог!

А такой работающей не сыщешь и ты...
Никому бы не сглазить её красоты!

– Прежде сделаю дело! Доверься мечу,
Этим делом – калым за неё заплачу!

Вашим зятем приду, коль в бою устою,
Не приду – значит, сгинул в кровавом бою!

Вся в слезах эмегенша, не может вздохнуть...
Нарт коня оседлал и отправился в путь.

**АЛАУГАН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ,
ЧТОБЫ ОТОМСТИТЬ ТРЁХ ОПОВЫМ
ЭМЕГЕНАМ И ВЕРНУТЬ ЗОПОТУЮ ШУБУ**

Сэмегеншою Алауган распрощался,
На своём Гемуде по дороге помчался...

Тут сказал седоку своему Гемуда:
– Знать, в пещере живёт эмегенов орда.

Хоть исполнен ты сил, оба мы не устали,
Только всех в поединке осилишь едва ли.

Говорил твой отец: «Кто уменьем не взял,
Тот находит лишь беды, бессилен и мал...»

Для спасения – хитрость придумать пора нам!
Нарт – ему: «Будь что будет, возьмём их обманом!

А не сможем – тогда полетим на Луну...»
– Верно, Алауган, я рванусь в вышину!

Прикрепись же к седлу, надо нам постараться
От всего, что нас тянет к себе, оторваться... –

Так сказал Гемуда и явил мастерство,
И Земля от себя оттолкнула его.

Лишь ударил хвостом – облака стали сини,
Словно смерч закрутился в воздушной пустыне.

Миг – и вот уж Луна! Всё от самых начал
Сразу матери Алауган рассказал.

Мать ему отвечала, печалью объята:
«Был мой дед обладателем шубы когда-то!

Знай, чудесных три пуговицы есть у неё,
И у каждой из них – назначенье своё.

Тронешь первую – ворот кобузом ¹ играет,
Хлоп да хлоп – от второй рукава начинают.

Лишь захлопают – искры взлетели тотчас,
Тронешь нижнюю – полы пускаются в пляс.

Пляшут все, пляшет гость и случайный прохожий...
Но ведь есть и четвёртая пуговица всё же!

А зачем, для чего она? Уж не понять,
И не может хозяин сегодняшней знать.

В потаённом кармане искать её нужно,
И она лишь заветному слову послушна:

Потаённая пуговица, эй!
Лиходеев вали, не жалеи!
Ты – волшебный кобу́з,
Чтоб входили во вкус,
В пляс врагов замани,
Пусть танцуют они,
Так заставь их плясать,
Чтоб вовек им не встать!

Только скажешь, как шуба пойдёт в перепляс,
Заиграет, захлопает, как на заказ,

И пойдут до упада плясать эмегены,
Друг за другом повалятся без перемены.

Вот тогда посрубашь им головы с плеч
И опять заведёшь с главной пуговкой речь:

Потаённая пуговица, стой,
Приглуши свой ход холостой!
Золотая моя, уймись,
Я доволен, остановись!

---

¹ Кобу́з – гармонь.

А как пуговка смолкнет, так ты побыстрей
Сверху шубу прикрой белой буркой своей.

Эмегэнше отдай, чтоб пред ней отличиться,
И тогда ты увидишь, что дальше случится...»

Тут её принимается нарт обнимать,
И, лаская его, так продолжила мать:

«Обращайся к Луне своим мысленным оком!
Прилетай, коль в беду попадёшь ненароком!»

Провожала на Землю, не выдав тревог,
Чтобы сын её слёзы увидеть не мог.

Вскоре нарт с Гемудой в напряженье суровом
На Земле к эмегенам пришли трёхголовам.

Эмегены, едва увидавши чужих,
Рассмеялись в ответ на приветствие их:

– То ли конь, то ли всадник – не знаем, кто краше!
Видно, гибели ищите в области нашей?

– Угадали – не мил мне теперь белый свет,
С той поры, как сказал мне отец мой Дебет:

«Если только не женишься ты за неделю,
Если не переменишься ты за неделю,

Прокляну, хоть и сын ты любимейший мой!
Без жены и не смей возвращаться домой!»

У меня будет свадьба весёлая скоро,
От меня вы не ждите ни зла, ни укора!

От души приглашаю на свадьбу мою,
И меня посещеньем прославить молю!

Стал своим я посланцем, мне простите причуду,
И внимания вашего не позабуду.

Я прошу вас во всей показаться красе,
И, чтоб стали на свадьбе завидовать все,

Прихватите-ка шубу свою золотую,
Вот тогда-то на радостях я запирую!

Молвил вождь трёхголовых: «Спасибо за честь,
Но не верю я нартам – коварство в них есть!

Меньше ль будет почёт, коль приедем без шубы?
Все вы, нарты, исполнены алчности грубой!»

– Славный вождь, вы простите меня, простака!
И без шубы для нас будет честь велика!

А теперь я пойду – мы поладили с миром,
Много дел у меня перед свадебным пиром...

Напоследок пусть шуба сыграет хоть раз,
Это будет на свадьбу подарок от вас!..

– Это – просьба простая, нетрудная вовсе...
Коль ты нарт настоящий, плясать приготовься! –

Так сказал трёхголовый и шубу берёт –
Словно звонкий кобуз, её ворот поёт.

Рукава её хлопают в пляске весёлой,
И, кружась, разлетаются длинные полы.

Сделав вид, что не может сдержать каблуков,
Нарт взлетает, касаясь рукой облаков.

Соревнуется с шубой и пляшет без смены...
Усмехаясь, глядят на него эмегены:

«Шубы не перепляшет он, как ни удал...»
Нарт прикинулся, будто он вправду устал.

Лбом земли он коснулся, сказав эмегенам:
– Проиграл, преклоняюсь пред чудом бесценным!

Если вождь разрешит мне, я встану, ей-ей...
– Ну, вставай же, ничтожество! Слышишь, скорей!

– Напоследок позволь мне обнять это диво!
– Будь по-твоему, милуем мы справедливо.

Впрочем, слабому нечего ждать на веку...
Дай-ка мы отъедим от тебя по куску!.. –

Вот как шутит вожак, он от смеха клокочет.
«Расстарался ты зря!» – эмегены хохочут.

Но не слышит их будто бы Алауган,
К шубе он обращается, тронув карман:

«Потаённая пуговка, эй!
Лиходеев вали, не жалей!

Ты – волшебный кобуз!
Чтоб входили во вкус,
В пляс врагов замани,
Пусть танцуют они!
Так заставь их плясать,
Чтоб вовек им не встать».

И от песенки этой захлопала шуба,
Заиграла и шумно затопала шуба.

Брызги огненных нитей раскинулись вдруг,
Завертелся безудержный пляшущий круг.

Все на шубу глядят, не скрывая опаски,
Но не могут прервать они бешеной пляски.

И, довольный, им хлопает Алауган
Мир окрестный от хлещущей музыки пьян.

И цветы на лужайке затеяли пляску,
Но устали, утратили свежесть и краску.

Продолжается пир день и ночь напролёт,
И от пляшущих пар непрерывно идёт.

Селезёнка у чудищ колотится в глотке,
А иные лежат, бездыханны и кротки.

А другие без чувств повалились во прах,
Еле дышат и те, что ещё на ногах.

Их сердца от натуги тяжёлой изныли,
Ничего не видать, кроме пота и пыли.

Кто во сне беспробудном свалился без сил...
В третий тягостный день дождь, как пот, зарядил.

Только вождь трёхголовых не рухнул покуда,
Но и нарт утомился от шума и гуда.

Обо всём позабыв, на вождя не взглянул,
Он подлез под навес и мгновенно заснул.

В дрёме дочь эмегенши он видит и спит...
Дождь из пота идёт, чудо-шубу кропит.

Гонит ветер струи дождевые в тумане,
Топит пуговку тайную в тайном кармане.

Потускнела тут пуговка, перекосилась,
Сразу силы волшебной как будто лишилась.

Вот и шуба уже отплясала – стоит.
Эмеген покачнулся и нарту кричит:

«Ты – собачье отродье с родней своей вместе!
И у вас, как везде, нет ни правды, ни чести!

Сделал ты, чтобы пот здесь без продыху лил,
Низкой хитростью – войско моё повалил.

Нет пощады тебе, приготовься к концу,
Разорву, словно волк, загрызу, как овцу!»

И к нему подошёл он, шатаясь, как спьяну,
И плечо прокусил нарту Алаугану.

Начал жадно лизать он кровавую пену –
Сила нарта, струясь, потекла к эмегену...

С криком нарт эмегена хватил кулаком –
Тот за сотню шагов отлетел кувырком.

Но воспрял эмеген от проглоченной крови,
Быстро на ноги встал – тут уж нарт наготове.

И пока у врага не прибавилось сил,
Нарт, себя распаяя, всюю голосил.

И пошла здесь кровавая битва без срока,
Где кулак о кулак ударялся жестоко.

И срываются молнии с машущих рук,
Полыханием всё озаряя вокруг.

И по силе равны, и равна у них злоба –
Два гиганта устали и рухнули оба...

Стрелы жаркого Солнца достигли Земли.
Лужи смрадного пота тут сохнуть пошли.

Бьются громко сердца двух бойцов-исполинов,
И земля задрожала, предгорья содвинув.

Скоро Солнце укрылось за гребнями гор,
И Луна выплывала на звёздный простор.

И в душе у могучего сына Дебета –
Свет надежды... Он мысленно жаждет совета...

Слышит матери голос: «Сынок, не тяни,
Быстро шубу возьми и за полы встряхни,

Чтобы не было влаги – вот в этом вся суть,
И сейчас же на пуговку надо подуть.

Пропоёшь ей припев – всё по капле и выйдет,
Грянет пляска, и утра твой враг не увидит».

Тут вскочил с прежней силою Алауган,
Мчится к шубе, схватил её Алауган.

Видя всё, эмеген весь горит в прежнем раже,
И не помня себя он рванулся туда же.

Нарт взял шубу за полы и сильно потряс,
Видно, тайную пуговку сыщет сейчас...

Эмеген, подбежав, обхватил его туго –
Принялись они шубу тянуть друг у друга.

Началась тут борьба между ними всерьёз,
Вот тогда-то слова свои нарт произнёс:

«Потаённая пуговка, эй!
Лиходеев вали, не жалеи!
Ты – волшебный кобуз!
Чтоб входили во вкус,
В пляс врагов замани,
Пусть танцуют они!
Так заставь их плясать,
Чтоб вовек им не встать».

И взлетела тут шуба над их головами
И бойцов оттолкнула она рукавами.

Стала хлопать тут шуба, играть и плясать,
Эмеген же и плачет, и пляшет опять.

А наутро уж он навсегда отплясался,
Навзничь с ходу упал и недвижим остался.

Сразу к Солнцу лицом повернулась Земля.
Встал тут Алауган, громко шубе веля:

«Потаённая пуговка, стой,
Приглуши свой ход холостой!
Золотая моя, уймись,
Я доволен, остановись!»

И послушалась шуба его золотая,
И сказал так ему Гемуда, подлетая:

«Только сядешь в седло, я, как вихрь, полечу!
Для невесты добудем твоей суююмчю ¹».

Нарт послушался, шубу берёт золотую,
Завернув её в белую бурку простую,

А потом в перемётную сунул суму
И поехал, и весело было ему.

А когда доскакали до горного края,
В небесах засияла луна молодая.

Руки к ней протянув и приветствуя мать,
Нарт хотел бы её на мгновение позвать:

«Сына благослови на счастливое дело!»
И с надеждою мать на него поглядела.

Ясный месяца рог разгорелся, да так,
Что он понял: то мать подаёт ему знак.

Нарт, ликуя, взлетел по гранитному сколу,
Полон радости, от Садырла ² к Эни-Кóлу ³.

И запел, чтоб узнать его сразу могли
Эмегенша и дочь её в дальней дали.

Смотрит – вышла из дома к нему эмегэнша...
«Светлой ночи тебе!» – пожелал он степенно.

Золотую он шубу ей тут же поднёс,
И ему она рада, и шубе – до слёз.

И сияет, счастливая, и непрестанно
Обнимает отважного Алаугана.

Говорит она: «Дочь моя будет твоей!
Приезжайте со сватами завтра за ней!»

– По обычаю завтра верхами мы будем.
Сладких снов! А едва рассветёт, мы прибудем. –

Молвив так, нарт поехал в родное село.
Поспешал, ведь вокруг становилось светло.

Он боярышник встретил и ветку ломает,
Опоясался ею – он свадьбу сыграет!

---

¹ *Суююмчю* – подарок за добрую весть.

² *Садырла* – общее название нескольких вершин вблизи Эльбруса.

³ Эни-Кол – название реки и местности в Карачае.

А в селе – восхищенье друзей и родни,
Все рассказам его изумлялись они.

И отправились сваты рассветной порою,
И бежали за ними мальчишки гурьбою...

Наконец – Эни-Кол, вот уж сваты на месте,
Эмегенше дары поднесли и невесте.

Дочь свою эмегенша тут вывела к сватам –
С драгоценною шубой, с приданым богатым.

И заплакала, с дочкой расставшись, она...
Вот как смелому нарту досталась жена.

ЖЕНА АЛАУГАНА

Здесь невесты такой не бывало доселе,
И её под платком разглядеть не сумели.

Но не тело – колода, а руки – что чурки,
Красноглазая, дерзкая, брови – что бурки.

Коли платье наденет, так лопнет оно,
Коли ступит – затопчет, вот – жуть, вот смешно...

И шарахались кони, хрипя одичало...
В дом входила, так двери плечом вышибала.

Есть садилась, съедала зараз по бычку
И зубищами кости молола в муку.

Сонный храп её долгим гремел камнепадом...
Тяжко Алаугану с такой-то вот рядом.

И не мог ничего он поделаться с собой,
Эмегенша косматая стала судьбой.

И она его терпит, и нежно, и странно
Называет по имени Алаугана.

И когда её время рожать наступило,
То, родивши, – в восторге дитя проглотила.

И рассказом своим нанесла она рану
Из набега пришедшему Алаугану...

И, несчастный, он к шубе пошёл, попросив,
Чтоб сыграл ему ворот печальный мотив.

До рассвета внимал он мелодии той,
Утешенья у шубы искал золотой.

Чтоб копьё с наконечником плотно совпало,
Совпадений подобных случается мало.

Так же точно счастливей семьи не сыскать,
Чем семья, где умеют друг другу прощать.

Нарт жену приучает к обычаям нартов,
И молчат они – спит злослычие нартов.

Вновь ребёнка во чреве жена понесла,
Счастлив нарт, и душа его снова светла.

Всё он ждёт не дождётся желанного дня,
И волнуется, вновь беспокоясь, родня.

Роды близятся – только гонец у ворот:
Нужен Алауган там, где битва идёт...

В тот же день наконец-то рождает жена,
Но, как прежде, дитя проглотила она.

Вот уж Алауган возвратился с победой,
И не скрыла несчастная новости этой:

«Без тебя родила я красивого сына,
Но в восторге его проглотила безвинно!»

И окутала Алаугана печаль,
Ничего не поделать, хоть сына и жаль.

Полный горя, он к шубе пошёл, попросив,
Чтоб сыграл её ворот тоскливый мотив.

Снова музыку слушал, встречая рассвет
И горюя о сыне, которого нет.

Дни бегут, эмегенша беременна снова...
Тут уж нарт исхитрился для дела такого

И заранее всё приготовил вполне,
И рожавшей так говорит он жене:

«Без обычая всё же рожать не годится!
Знают песню особую все роженицы,

И на крышу рожать поднимаются смело,
И платком прикрывают глаза... Вот в чём дело!

А ребёнка спускают они в дымоход...
Согласишься – и всё без мучений пройдёт!

Поднимайся, не жалуйся, вещь-то простая!»
И жена по двору побрела, причитая.

По железным ступеням поднявшись тишком,
Дымоход оседлала, прикрылась платком.

Волю мужа смогла она сердцем постичь,
Ворот шубы поёт для неё «Тапдыргыч»¹.

Нарту мира дороже младенческий крик,
Весь он в слух превратился, всё ждёт этот миг.

Прямо в пасть дымоходу поставил корыто –
И младенец скользнул в него, плача сердито.

Принял сына отец, тельце бережно вытер,
Спеленал, но щенка он оставил в корыте...

Не взглянув на жену, не промедлив нигде,
В горы нарт поскакал на лихом Гемуде.

И в пещере священной, где начало Кубани,
Где горят сталактиты, мерцая в тумане,

В колыбели из камня он сына устроил
И подушку из шерсти он в ней приготовил.

Это – шерсть Гемуды, а над люлькою – блёстки,
Ледяные сосульки – для мальчика соски.

Нарт вернулся в село – не боялся прорухи,
Ведь взлелеют ребёнка пещерные дүхи...

В это время жена его с крыши спустилась
И, в корыте щенка увидав, изумилась:

«О, ребёнок мой бедный, как странен и мал ты!
Без меня бы не выжил и вовсе пропал ты!»

И, понюхав, его она к сердцу прижала
И ласкала его, и в слезах обнимала.

А вернувшийся нарт был с ней ласков и мил,
Крепко обнял жену и её похвалил.

---

¹ Тапдыргыч – название народной песни.

КАРАШАУАЙ

КАРАШАУАЙ

Был Карашауай богатырь молодой,
Вечный лёд стал ему и едой, и водой.

Дух пещерный растил его, ласково грея.
Он не мёрзнет и оберег носит на шее.

Нартский сын, он имел небывалую мать,
Было тело её только брёвнам под стать.

Как другой за три года, в три дня выросстал он,
Снежно-белых маралов ловил, свеживал он.

Мать не знала его, а покуда входила,
Наполняя его, богатырская сила...

И когда в дом отца наконец-то вошел он,
Мать свою, эмегеншу, легко поборол он.

Он умнел, и однажды увидел отец,
Что опорой он стал для него наконец.

Как-то раз, поглядев на подростка, сказал:
«Вот я вижу – ты нартом воистину стал!» –

И назвавши Карашауаем тогда,
Захотел, чтоб увидел его Гемуда.

«Конь прочтёт твою душу, и если ты воин,
То тебя Гемуда будет верный достоин!

То стоит, то летит – что хозяин поручит,
А в тяжёлые дни, как спастись, научит!

Будьте вместе!..» – И в руку Карашауая
Он уздечку вложил... Конь играет, сияя.

Ржёт, встаёт на дыбы... Натянулась узда –
Так хозяина силу узнал Гемуда.

И друг другу они дали твёрдое слово
Умереть, так вдвоём, жить – один для другого.

Поднимались на кручи, спускались в глубины,
И довольны друг другом, как братья, едины.

Но когда уносился вперёд Гемуда,
Разрывались подпруги, срывалась узда.

В небо взвившись, он тучи сметал грозовые,
Стрелы Солнца легко обгонял огневые.

Знал небесных дорог он ходы и провалы,
Ледяные умел одолеть перевалы.

И уздечку держать научил Гемуда,
Чтоб в полёте над бездной спасала узда.

Всадник – вида простого, он в бурке косматой,
А скакун – неказистый и уши прижаты.

То хромает, то стонет, хоть повод бросай –
Знает всю эту хитрость Карашауай.

И не ведают нарты, что конь этот пылок,
На обоих глядят, не скрывая ухмылок.

«Всех на скачки сзывает семья Ючхуртука!
Кто богатство добудет? Отважные, ну-ка!» –

В тот же день облетела молва перевалы,
И на праздник съезжаются старый и малый.

Попросился на скачки Карашауай...
«Зря народ не смеши и другим не мешай!» –

Так ему говорят, а какой-то нахал –
«Отойди-ка в сторонку!» – с презреньем сказал.

Снёс Карашауай их слова – Гемуду
В общий строй повернул, придержав в поводе.

Кони фыркают, выйти вперёд норовят,
И судья осекает ломающих ряд.

Кони в дрожи, в поту, ставят чуткие уши...
Тут судья закричал: «Приготовиться! Слушай!»

Словно гром барабан прогремел, и вперёд
По степи загудевшей лавину несёт.

И вцепились в узду сгоряча седоки,
А Карашауай с Гемудой далеки...

На закат эта конница яростно мчится,
Чтоб вернуться оттуда, где солнце родится.

Ускакал перешедший на рысь Гемуда,
И последнему хлопают вслед, как всегда.

Вот с восхода вдруг топот послышался скорый,
Содрогнулись равнины и реки, и горы.

«Едут!» – крикнул дозорный с утёса, и в громе
Тут же всадники выросли на окоёме.

Вот видны уже лица, и только тогда
Из последних – рванулся стрелой Гемуда.

И других скакунов, словно вихрь, обгоняя,
Конь к победе выносит Карашауая.

Вот Карашауай с удалым Гемудой
Раньше всех над условленной взвились чертой.

Тут один из наездников, алчущий славы,
Произнёс, задыхаясь, завистник лукавый:

«Но Карашауай проскакал полпути,
И достоин позора, а будет – в чести!»

Злит Карашауая его болтовня –
Подошёл и обидчика сбросил с коня.

А коня он, в отместку тому наглецу,
Смял в руке и поднёс ему прямо к лицу.

И с усмешкой сказал: «Поделом и награда!»,
И унёсся стремглав, недоступный для взгляда.

КАРАШАУАЙ ПОКАЗЫВАЕТ НАРТАМ ЧЕГО ОН СТОИТ

Сын родителей мощных, рождённый для боя,
Нравом нарт, он – отца продолженье прямое.

Был со слабыми ласков, с улыбкой смотрел,
Гордеца же надменностью встретить умел.

Всё на свете он мог, не боялся труда,
И в опасности он не робел никогда.

Был всегда Гемуда его верный доволен,
А как вскинется конь и помчится на воле –

Он и Солнца обгонит горячие стрелы,
Как смолу, он и время растянет умело.

Разгоняясь, уносится к звёздным мирам,
И куда он ни взглянет, он сразу же там.

Нет для нарта преград, чтобы взять их не мог,
Но какой от невиданных доблестей прок?

Ведь не знает никто, как возрос и мужал он,
Что в священной пещере душой испытал он,

Что за мощь из сосулук испил ледяных,
Что за тайное знание он принял от них.

Не гордится – доволен он жизнью простою,
Тем же воздухом, той же привычной едою.

Быть он хочет, как все, рад малейшему сходству,
Не дивится ничуть своему превосходству.

Но коль ты согласился, что слаб ты и мал,
Если силе своей развернуться не дал,

Как такому в отчаянье после не впасть –
Над таким остальные потешатся властью.

Вот когда у бездушного зла ты во власти,
И высокое губишь, и сеешь напасти...

Чует каждую жилкой Карашауай,
Понимает, чем полон он весь через край.

Но без дела он мягким становится воском
И у нартов убогим слывёт недоноском.

Вот однажды он просит: «Возьми, Ёрюзбек,
И меня с остальными в далёкий набег!»

– Больно молод! Глядишь, и с дороги собьёшься,
Или вовсе живым ты домой не вернёшься.

Мы ведь – словно орлы, над степями летаем,
А случится скала – мы её разбиваем.

Мы подолгу живём без еды, без воды,
Молодым не по силам такие труды!

– Пусть я молод, но мне ли страшиться колдобин!
Сам узнаю на деле, на что я способен.

Коль не сдюжу, придётся мне с правдой смириться,
Я вернусь, если скажете мне возвратиться...

Но его не берут и не верят ему,
Говорят: «Оставайся-ка лучше в дому!»

– Хорошо, собирайся, ты, видно, в ударе!
А устанешь – приляжешь в ближайшей кошаре. –

Разрешил Ёрюзмек, и уже понемногу
Отправляются нарты в большую дорогу.

Стая вихрей за ними вдогонку летит,
И трясётся земля от ударов копыт.

На виду Гемуда малосилен и хром,
А не видят, и весь он – как мчащийся гром...

То галопом, то рысью, пока не устала,
Мчалась конница нартов до места привала.

На лугу отдохнули, и вот на привале,
Что им делать в походе, решать они стали...

На капканы взглянуть весь собрался отряд,
«Здесь, Карашауай, ты останься!» – велют.

А Карашауай, сроду сильный, как лев,
Из земли вырывать стал десятки дерев,

И кошару построил, и дров наколол,
И костёр из огромных поленьев развёл,

На охоте убил он огромных маралов,
И легко, как дрова, он с собою забрал их.

И когда был ободран последний марал,
Всю кошару он шкурами их покрывал...

Вскоре нарты вернулись с пустыми руками
И дивились: «А чьё тут жильё перед нами?»

– Да, у этой кошары хозяева были,
Увидали меня да о вас расспросили.

Но как только рассказывать начал о вас,
Враз они испугались и скрылись из глаз...

И поверили нарты рассказу его,
Принимая с довольством своё торжество.

Объяснениям доверились, не представляя
Ни умения, ни силы Карашауая.

Утром двинулись нарты дорогой другою
И поляну увидели перед собою.

И, как прежде, оставив Карашауая,
На охоту умчались они, поспешая.

Вновь Карашауая настала пора –
И легко повторил он, что делал вчера.

Село солнце и сумерки быстро сгустились,
Снова нарты с пустыми руками явились.

И, завидев кошару, смутились они
И подумали, что заблудились они.

Снова ждут от Карашауая ответа:
«Объясни, ну а кто же построил всё это?»

– Только я рассказал им немного о вас,
Как они собрались и ушли в тот же час!

Снова верят рассказу Карашауая...
Дни за днями уходят, легко улетаая.

Вновь Карашауай принялся за работу,
Всё, что нужно, в кошару он вносит без счёту.

Разложил он костёр, быстро пищу сварил,
Минги тау о холоде он попросил.

И ему Минги тау мгновенно ответил,
И невиданный холод пригнал ему ветер.

И глаза не откроешь – всё туже и туже
Прижимается к векам тяжёлая стужа.

Нарты гонят оленей, спускаются с гор,
Еле-еле внизу разглядели костёр...

На ходу они в жёсткие сёдла вмерзают,
Как же спешиться им, как же слезть им, не знают.

Тут Карашауай им ослабил подпруги,
Вместе с сёдлами внёс их в кошару из вьюги.

Лошадей за ограду загнал и в придачу
Накормил замерзающих пищей горячей.

– Дорогие, быть нартом я тоже сумею!
Что мне эта пороша – я справился с нею!..

В изумленье на Карашуая глядят,
Друг на друга, с волнением внимая, глядят.

Вот встаёт Ёрюзбек с самым искренним словом:
«Нам пристало дружить с поколением новым!

За таким удальцом мы охотно пойдём!
Возмужаешь, и станешь ты нартским вождём!»

КАК КАРАШАУАЙ БРАТ В ЖЁНЫ АГУНДАЙ ИЗ РОДА ЮЧХУРТУКОВЫХ

Стал совершеннолетний – Карашауай,
Всех погодков заметней Карашауай.

Рыбу он обгоняет в текучей воде,
В небе хвост отсекает летящей звезде.

Побежит – и земли не коснётся ступнями...
– Всем хорош молодец, я женю его днями! –

Молвил Алауган, о потомстве мечтая.
Но не часто он видит Карашауая.

Сын делами народа всегда увлечён,
То в набегах, то в войнах участвует он.

Славен в нартских селеньях был род Ючхуртуков,
Всюду ждёт похвала и почёт Ючхуртуков.

В этом славном семействе их было три брата,
Каждый взял свой удел в управленье когда-то.

И один с черноморской граничил волной,
Возле скал Минги тау – удел коренной.

А уж третий удел – у Хазарского моря...
Весть однажды пришла, молодёжь раззадоря:

Третий брат, чья у моря Хазарского башня,
Бывший в юности всех удальцов бесшабашней,

Дочь любимую замуж решил отдать,
Но пройдет испытания будущий зять.

Выйдет дочь за того, кто достойнее прочих...
О, как много нашлось на женитьбу охочих!

И туда при сочувствии односельчан
Ехать сыну советует Алауган.

Вот Карашауай оседлал Гемуду,
Скачет к морю Хазарскому, стиснув узду.

На околице встретился с ворожеёю,
И смиренно она обратилась к герою:

«Добрый путь! Но помедли... Прошу я помочь,
Надо камень с двора моего отволочь.

И хоть глыбу мы с дочкой не в силах поднять,
Для такого, как ты, это – малая кладь».

Вводит гостя во двор и кричит от дверей:
«Дочь моя, принеси суусаба скорей!»

Видит нарт исполинского камня громаду.
Мигом поднял и вынес его за ограду.

Ну а дочка приносит меж тем суусап.
«Что ж ты, дочь, принесла? Он и жидок и слаб!»

Кубок выхватив, в дом удалилась колдунья,
Дочь оставила с нартом коварная лгунья.

В дом зашла и помедлила в доме она,
Поглядела украдкой во двор из окна.

Нарт и девушка чинно сидят на помосте...
Возвратилась хозяйка и потчует гостя.

Взял он кубок, протянутый этой рукою,
Да и выпил, дуря, питьё колдовское.

Он, хлебнув окаянный такой суусап,
И дорогу забыл, и увял, и одряб.

Вот глаза непроглядным застлало туманом...
Так могучего нарта и взяли обманом.

Дочь хромую, косую оставив на страже,
Мать ликует – удался их замысел вражий.

И с довольной улыбкой уходит в сарай...
Ах, в себя не приходит Карашауай!

Вспомнил жизни обрывки – бои и потери...
Стынет память туманом в священной пещере.

И создание, похожее на сталактит,
В ореоле возникнув, ему говорит:

«О Карашауай, о дитя моё, встань же,
Дух и плоть укрепи, будь упорным, как раньше!

Ну же, оберег с шеи сними, оботри
И хрустальную воду глотни, что внутри!

Только каплю волшебного примешь раствора
И пройдет голова, и очнёшься ты скоро.

Поскорее покинь это логово волчье,
Слишком сильно тебя покалечила порча.

Возвращайся домой, отдохни хоть чуть-чуть,
Исцелишься, но впредь осторожнее будь!»

Молвив слово, растаяла Мать Ледяная,
В полудрёме оставив Карашауая.

Но хоть был он и слаб, чуть рукой шевеля,
Взял сосуд и живого испил хрусталя.

И воспрянул, стал в стремя, уселся в седло
И поехал домой – наважденье прошло.

Разум креп среди разрозненных бликов и звуков.
Нарту смутно почудилась дочь Ючхуртуков.

– Опоздали! – вскричал он, хлестнувши коня.
– Почему, почему он ударил меня? –

Закричал Гемуда и в свирепом напоре
Взвился ввысь и нырнул прямо в Чёрное море.

Лишь на дне – до сих пор пребывавший в бреду,
Гневный всадник очнулся, сдержал Гемуду.

«Сделал ты, что не делал ещё никогда!» –
Разобиженный нарту сказал Гемуда.

И поплыл, не желая других разговоров...
Терпит нарт этот гнев, этот бешеный норов.

И вину ощутив, устыдился гордец
И прощения он попросил, наконец.

Всё теперь им понятно... «Вот так обмануться,
Хитрой ведьме поддаться!..» – два друга смеются.

«Где же мы оказались?» – и вот понемногу
В тёмных безднах отыскивать стали дорогу.

Тут морской эмеген перед ними возник
И, пугая чужих, переходит на крик.

«Что орёшь?» – нарт его обрывает надменный...
Но на крики другие плывут эмегены.

– Кто такие? – вопят, – кем вам право дано,
Возмутив наш покой, опускаться на дно?

– Видно, мы заплутали, замучены хворью...
Где здесь путь к Ючхуртукам, к Хазарскому морю?

– Возвратитесь быстрее к началу пути,
А иначе вам, братцы, голов не снести!

– Мы – не пища для вас, эмегены морские!
Только суньтесь, вас всех разорву на куски я!

Нарт, грозя эмегенам, свой выхватил меч,
Эмегены застыли, смягчилась их речь:

– Зря вы к нам забрели! Прёте, без толку вздоря,
Ведь живём мы вдали от Хазарского моря.

Если нужен вам край только тот, не иной,
Пусть отсюда вас выведет путь водяной.

То – дорога в земном непроглядном заторе,
И она протянулась от моря до моря.

Да нельзя той дорогой пройти просто так,
Мы со всех проходящих взимаем ясак.

Да и то пропускаем мы по одному,
И нарушить законы нельзя никому.

– Принимаем условие! Послушай, вожак,
Если это – закон, мы заплатим ясак!

Молвил нарт незлобиво: «Скажи свою цену!»
Мнится, он испугался, вождю-эмегену.

Говорит он: «Когда мы на берег выходим,
Истребляют нас нарты и кличут отродьем,

Называют подводными свиньями нас...
Хоть бы кто пожалел эмегена и спас!

Потому так враждебны мы к вам, негодьям,
И того, кто к нам в руки попался, съедаем.

За подземный проход вы без лишнего гвалта
Как ясак одного отдадите нам нарта!

Вот когда вы и сможете дать стрекача.
Добрый путь!» – Разболтался главарь, хохоча.

– Но ведь я-то один, нет здесь нарта второго!
– Ты не стар, твоё мясо как будто здорово...

– Вас подводными свиньями кличут недаром –
Нет, как видно, конца вашим козням и сварам!

Меч Карашауай обнажил сгоряча,
Но шепнул Гемуда: «Стой, не надо меча!

Этих тварей не сможешь сразить никогда ты,
Не зарубишь мечом, хоть они трусоваты.

Ведь они не имеют ни мяса, ни жил,
Только кости, а чем бы ты их размозжил?

Да и кости потвёрже у них, чем алмаз...
Я придумал, что делать! Держись же сейчас!..

Поскачу я по дну и везде и повсюду
Взбаламучивать воду глубинную буду,

А меж тем угадаю “тропу водяную”...» –
И как смерч он проносится напропалую.

Тут вожак заорал: «Все за ним!» Но вода
Почернела, и в бурю вошёл Гемуда.

И ни зги не видать, и отстала погоня,
В круговерти валов Гемуду провороня.

А глаза Гемуды, просквозившие тьму,
Как огни озаряли дорогу ему.

Наконец обретает он внутренним оком
Тайный путь, уходящий под землю потоком.

Мчатся нарт с Гемудой по огню и металлу
И с водой добрались до корней Минги тау.

Сквозь кипящие воды прошли, и, жесток,
Их язвил, щекотал и колол кипятком.

Вот они и у входа в Хазарское море,
Но вода стала льдом, и проход на запоре.

И тогда-то сказал конь Карашауаю:
– Всё я сделал в воде, что умею и знаю,

А ведь знаю немало – сам вышел из вод...
Ты же выращен в льдинах и ведаешь лёд.

Так придумай теперь, как разбить эти льдины.
– Знаешь, нужно мне лечь на хребет лошадиный!

На спине у тебя растянусь я в длину,
Закреплюсь и вперёд ноги я протяну.

Как пойму, что надёжны ремни и не шатки,
Я тебе закричу, и скачи без оглядки!

Мы пронзим эту толщу, подобно копьё,
Я ступнями затор ледяной разобью...

И летит Гемуда, все пласты сокрушая
Твердокаменным телом Карашауая.

Напряглись и ударились, выбивши лёд,
Водяную дорогу прошли напролёт.

От удара взбурлило и в пенном уборе
Берега затопило Хазарское море.

Населенье проснулось и в горы ушло,
Устрашившись, что волны накроют село.

«Нет, друзей не рождалось надёжнее нас!» –
Нарт с конем говорили, их пыл не угас...

Ввысь дорога вилась от приморской излуки,
И по ней возвращались в село Ючхуртуки...

«Мир селению вашему!» – нарт произнёс.
Как всегда, он приветлив и громкоголос.

«Пусть глаза ваши видят добро!» – изрекли
Ючхуртуки, хозяева этой земли.

Слез приезжий с коня, эту выслушав речь,
И на круп Гемуды бурку скинул он с плеч.

Подошёл к аксакалам, чьё место высоко,
И воззвал: «О старейшины нартов Востока!

Добрый день! Перед вами – сын Алаугана,
Долго я добирался до вашего стана...

К вам я послан отцом, чтоб мне стали известней
Стародавние наши сказанья и песни.

Я приехал сюда, чтоб узреть наяву,
Как умеете вы натянуть тетиву,

Как бросаете камень, как держите меч...
Из всего я хотел бы уроки извлечь».

– Нартский сын, прибыл ты в подходящее время!
Поучись у джигитов, знакомься со всеми!

Состязанию море чуть-чуть помешало,
Но пора и начать... Объявляю начало!

Сядь, кунак, на почётное место со мною,
А конёк твой... Чтоб он не болтался на зное,

А ещё, чтоб его не коснулись поклажи,
Пусть в конюшню его отведут, и сейчас же!

Пусть покормят его и дадут отдохнуть,
А не то он обратный не выдержит путь... –

Молвил вождь Ючхуртуков, присесть приглашая.
Подбодрить захотел он Карашауая.

Тот, послушавшись, сел, где сказали ему,
И сказал «успокойся!» себе самому.

Барабанщики грянули по барабанам,
И глашатай откликнулся голосом рьяным.

...Встал глава Ючхуртуков, суров, горделив.
Нарты встали, все мысли к нему обратив.

– Вы, рабы тейриле ¹, вольных нартов потомство,
Состязайтесь по-честному, без вероломства!

Тот, кто лучше других, торжествуй, побеждай,
И отдам за тебя свою дочь Агунда́й!

Честно выиграй! Бедным ты будь иль богатым,
Станешь сыном моим, сыну кровному – братом.

Зятя буду любить я и дочку свою
С половиной владений ему отдаю!

---

¹ Тейриле – боги.

Начинаются нартские игры тем часом,
И кипят казаны, переполнены мясом.

Дети борются, носятся – гомон и драки,
И с кунацкими здешние сгрызлись собаки.

Той идёт, расплясались везде плясуны,
Вязкой пылью, как облаком, занесены.

Вот уж лучники стрелы берут из колчанов,
Тетиву натянули и замерли, глянув.

А потом отпустили пернатые стрелы,
И они улетели в чужие пределы –

И, столкнувшись с утёсами Кысыр-Кая¹,
Затупили о камень свои острия.

А иные врезались и метили скалы,
Но не может никто просквозить эти скалы...

Не кончается радость Карашауая,
Он сидит, усмехаясь и рот разевая.

И глядит то и дело туда невзначай,
Где на выступе башни стоит Агундай,

Как луна в полнолунье красою блистая...
И отец её понял Карашауая,

Уловил его взгляд и свой голос напруг:
«Может быть, тетиву ты натянешь, кунак?»

Ведь, как я погляжу, удалец ты горячий,
Испытай своё счастье, не брезгуй удачей!»

Тут Карашауай вынул скрытый чехлами
Дальнобойный свой лук, изрыгающий пламя.

Этот лук (подарил его внуку Дебет)
Натянул что есть силы, и промаха нет.

Вмиг скалу пронизала стрела огневая...
Весь народ посмотрел на Карашауая.

Честь Карашауая! Все видят: гранит
И огнём опалён, и навывлет пробит.

«Состязанья пошли! Но чем дальше, тем пуще...
Будем камни толкать!» – возвещает ведущий.

---

¹ Кысыр-Кая – «Голая скала».

Открывается новое поприще всем.
Победитель на место вернулся меж тем.

– Эй, кунак, погоди, этот день только начат,
И уж место твоё никуда не ускачет!

Каждый может попасть, если лук так хорош,
Но теперь поглядим, как ты камень метнёшь...

Гостя хочет задира поддеть наглолицый,
Ну а тот безучастен – пошёл и садится.

Вот сошлись удальцы – девяносто и девять,
Но метнуть этот камень способны не все ведь!

Он велик, словно зубр... Нужно страшную силу!
От земли приподнять его многим не в жилу.

Но уже появился сильнейший силач,
Он уверен в себе, он могуч и горяч.

Говорит: «Кто подобное может содеять?
Мой бросок... В нем шагов девяносто и девять!

Если кто-то добавит хоть девять шагов,
Я смирюсь перед этим любимцем богов.

Подивившись такому великому чуду,
Я, как брата, любить победителя буду».

Зорко вождь Ючхуртуков на гостя взглянул:
– Ты, как видно, недаром в наш прибыл аул!

Так давай же, решишь, поборись за невесту!
Да, он прав, не ускачет почётное место...

Пылкий взор устремив на заветную башню,
Встал Карашауай, полон мощи всегдашней.

Подошёл к валуну, словно камешек, взял
И на левой ладони слегка подержал.

И небрежно подкинув, не тужась нимало,
Не намного, на шаг превзошёл самохвала.

Ну а тот ухватился за камень постылый
И швырнул, напрягая последние силы...

Камень – рядом с метою Карашауая...
Вскрикнул дерзкий, победу свою возглашая,

Но Карашауай и сильней, и упрямей –
Взял он камень, двумя его поднял перстами

И в движенье всю силу вложил в этот раз...
Взвился камень со свистом и скрылся из глаз.

Грудь горы прорубил с гулким громом и дрожью
И на той стороне опустился к подножью.

И тогда закусили завистники губы,
Рты закрыли – молчат болтуны-себялюбы.

«А сейчас наконец-то мы двинемся вскачь!
Но неужто обгонит нас этот ловкач?

Неужели, скача на такой лошадежке,
Сможет всех обойти и осилит нас в гонке?

Да и разве славнейшей красавице пара –
Тот, кто клячу на скачки взял вместо тулпара!» –

Молвил всадник один... А уж, строясь ровней,
Стали в ряд девяносто и девять коней.

Всех глава Ючхуртуков приветствовал сжато:
«От восхода проскачете вы до заката!

Девяносто и девять кругов пролетите,
Как вернётесь, луна уже будет в зените...

Кто появится первым, тому отдаю
Дочь мою Агундай дорогую мою!»

Сел Карашауай на конька-развихляя,
Гемуда ведь плетётся, нарочно хромая.

Стар и млад потешает замызганным видом,
Сзади всех лошадей встал он, стойкий к обидам.

«Нарту – честь, а уж лошадь совсем никуда!
Только кожа да кости...» – всё снёс Гемуда.

Много сраму и всадник, и конь претерпели,
Но уже наступает конец канители.

Сам вожак Ючхуртуков воскликнул: «Вперёд!»
И, разорванный конницей, воздух орёт.

Вся земля сотряслась, спор отчаянный начат,
И кто знает, куда эти кони доскачат!

Не иссякнет в пути этот бешеный пыл...
Вот когда Гемуда жидкий воздух испил.

– Ты готов ли? – спросил у Карашауая,
Вырастая, как смерч, и свой бег учащая.

Всё вперед богатырские кони летят,
Уплывают, уходят на красный закат.

Пролетают над снежными высями гор,
Сквозь леса, по пустыням, над гладью озёр.

Могут кони то низом пойти, то подняться,
То по воздуху скачут, то по морю мчатся.

В синем море глотают их рыбы-собаки ¹...
Кто-то, выпав из сёдел, пропал в буераке.

Вот уже от восхода спешат скакуны,
Вот идут косяком те, чьи силы равны.

Развернулись и снова уходят к закату.
Кто-то сгинул, никто не заметил утрату...

Всех на круг обгоняет лихой Гемуда,
А его не догнать никому никогда.

Но в пустыне помедлил он у поворота:
Застонал, закричал на обочине кто-то.

«Помогите, спасите! Упал я с коня!
Дорогой мой кунак, не оставь ты меня!»

Слышен плач столь спесивого раньше бахвала...
Чтобы нарт не помог, да того не бывало!

Слез с коня и подходит, взглядевшись позорче,
А лежащего словно бы мучают корчи:

– Дай воды! Я страдаю, я гибну безвинно!
– Друг, чуть-чуть потерпи, я возьму из хуржина!..

Где Карашауай, там и помощь в беде,
Повернувшись спиной, он шагнул к Гемуде.

И тогда этот мерзкий завистливый пёс
Вынул нож и удар ему в спину нанёс.

Ах, с души своей грязной позора не смыл он,
Свою алчную зависть в тот миг утолил он!

---

¹ Акулы.

Наземь раненый рухнул, бледнея мертвó,
А убийца седлает коня своего.

И спешит, словно вихри его подхватили,
И уж скрылся из виду за тучею пыли.

Нарт без чувств повалился... Но вот холодок
От снегов Минги тау в пустыню притёк.

Ветер, щёки погладив, поёт, повевая:
«Просыпайся! В слезах твоя Мать Ледяная!

Ты открой же свой оберег и посмотри
И немедленно выпей того, что внутри.

И пускай Гемуда хоть зубами, а всё ж
Из спины твоей вынет отравленный нож...»

Повторялись слова, вновь и вновь прилетая,
И они разбудили Карашауая.

Видит он Ледяной своей Матери лик,
К талисману он жадно устами приник.

Ледяную глотает его сердцевину,
А потом к Гемуде повернул свою спину.

Тот зубами хватает ножа рукоять;
Резко выдернув нож, начал рану лизать.

Всё хлопочет он бережно и неустанно...
Кровь свернулась, и сжалась жестокая рана.

Вот уж рану стянула слюна, словно клей,
Снова выросла кожа, лишь стала белей.

Вдруг Карашауай встрепенулся и встал,
И спросил, оглядевшись: «Как долго я спал?»

– Ты не бойся, догоним, всех раньше прискачем!
...Снова мчатся они в озлобленье горячем.

Молвил всадник: «Разумнее будем отныне!
И разыщем предателя в этой пустыне.

Слов не надо, всё должное скажут мечи...
Верный мой Гемуда, что есть духу скачи!»

На морском берегу отыскали злодея,
Он их тоже увидел, в душе холодея.

У него языком оказалась змея...
Вот она содрогается, кольца вия!

Кольца вьёт, на погоню шипит, угрожая...
Устрашить невозможно Карашауая.

Нарт мечом отсекает змеиный язык...
Хлынул крови поток... Вот он моря достиг,

Стало синее море багряным, как маки,
И на запах являются рыбы-собаки.

И глядят они, зная уже наперёд,
Что дождутся и кто-нибудь к ним упадёт.

Вновь Карашауай поднимает свой меч,
Чтобы снять у предателя голову с плеч.

Приняла злое тело морская вода...
А уже распластался, летит Гемуда,

Чтоб соперников всех на скаку обойти,
Одного за другим обгоняя в пути.

Самым первым к мете заповедной пришёл он,
И народ восхищается, радости полон.

Счастлив вождь Ючхуртуков и верен он слову.
Обращается к дочери, внемлющей зову:

«Дочь, ко мне подойди и мне руку подай!»
И смущённо к отцу подошла Агундай.

– Этот нарт победил! На коня его сядь,
Чтобы нартам эльбрусским невесткою стать.

Будь там к старым почтительна и к молодым!
Стал Карашауай господином твоим...

Нежно, дети мои, вы друг друга любите,
Вы друг с другом одною душою живите,

Так изрек и простился он с дочерью, спрятав
Безутешные слёзы от пристальных взглядов.

БЁДЕНЕ, РАЧИКАУ, ГУЖДАР

БЁДЕНЕ

Сыном нарта Дебета был нарт Бёдене,
Вожаком рыбаков был в приморской стране...

Он бесстрашно ныряет в глухие пучины,
Зеркалами навстречу сияют глубины.

Там, в зыбях, где тонул и едва не погиб,
Ловит он самых ценных и редкостных рыб.

Дорогую икру он бадьями глотает,
Словно рыба-собака, в воде проплывает.

Может воду вдыхать – и совсем не дышать,
И вода для него – что родимая мать.

Крепче крепкого любит он брата Созука,
Летом ездит к нему – не по силам разлука.

За степями, где только камыш и ковыль,
Брат живёт на реке полноводной Адиль.

На речном берегу Бёдене ставит снасти,
И ему не изменит рыбацкое счастье.

Столько пойманной рыбы за лето он вялит!
Возле брата – Созука ничто не печалит.

И не давит его в одиночестве скука...
Вот приехали гости в кошару Созука.

Веселились они на пиру и шутили,
Вспоминали сказанья и давние были,

И смолкали, внимая речам ясновидца,
Что провидел былое и всё, что случится.

Издалёка он начал и, словно в науку,
Небывалую повесть поведал Созуку:

«Есть в верховьях реки берега-крутосклоны,
А за ними лужок расстелился зелёный.

Говорят, если встанешь на этом лугу,
Чудо-башню увидишь на том берегу.

Говорят, в этой башне живёт Кыр-Бийчэ,
Кровожадная ведьма в мехах и парче.

А душа её силой полна колдовскою
И насыщена кровью горячей мужскою.

У старухи служанка красивая есть,
Так мила – от красы её глаз не отвести!

Так она хороша, так она светлолица...
Если долго глядеть, можно зренья лишиться!

Ну а ведьма, за окнами путника видя,
В тот же миг повелит: «О душа моя, выйди!»

И душа её тут же выходит из тела...
Огляделась... и в тело служанки влетела!

Ведьма дряхлая в образе девушки милой
Простаков завлекает с чарующей силой.

Взгляд мужской как привяжет она к своему,
Гостя в башню приводит и жмётся к нему.

А когда остаётся с мужчиной одна,
Все светильники гасит, и шепчет она:

«Возвращайся, душа моя, в тело родное!»
И душа поспешает, от алчности ноя,

Тут во тьме возникает незримая днём
Эта ведьма в обычном обличье своём,

Всю-то ночь лиходейка уняться не может
И заблудшего путника бешено гложет.

И когда селезёнка доходит до глотки,
Гибнет гость от удущья – чернеют обглодки...

Утром тело остывшее жертвы вчерашней
Злая гадина в реку бросает из башни.

А потом, на речную взглянув быстрину,
Наслаждаясь покоем, отходит ко сну.

Жизнь служанки лишь теплится смутно и вяло,
Кыр-Бийче эту девушку околдовала.

Постепенно душа чародейки лукавой
Губит юное тело смертельной отравой.

Всё нутро полыхает... Бледна и грустна,
На погибель красавица обречена.

Но ведь если угаснет, подобно свече,
То недолго протянет сама Кыр-Бийче.

Кто тогда на такую уродину взглянет,
Никого она в башню свою не затаит.

Здесь целебное зелье не может помочь –
Нужно нового мужа ей каждую ночь...»

Прерывает хозяин рассказ ясновидца:
– Ты чего захотел этой притчей добиться?

Ты скажи, как служанку спасти от мученья,
Отогнать от мужчин этих все наважденья?

– Да и я говорю ведь о том же, Созук!
Тот, кто девушку эту избавит от мук,

Тот, кто многим мужчинам подарит спасенье,
Тот сейчас обитает под эту сенью!.. –

Ясновидец изрек, оглядев Бёдене...
– Ты неужто сейчас говоришь обо мне?

Как же я их спасу? Ты не спросишь, готов ли?
А ведь дело такое – не рыбная ловля.

– Это – воля Тейри! Верь, что это не ложь:
Только ты, Бёдене, невиновных спасёшь!

Ведьмы – чистой воды опасались от веку ...
Если б только ты смог затащить её в реку!

Замани её, в воду войти приневоля,
Чтобы злая душа растворилась, как соль.

Но карга не решается даже умыться,
Выйти на́ берег в собственном теле боится.

Лишь в обличье служанки выходит к потоку,
Чтобы встретить кого-нибудь неподалёку.

Но столкнувшийся с ней не минует беды...
Не забудь же: колдунья боится воды!

Хочешь ведьму убить, верь, поможет Тейри.
Эту былль рассказал я, а дальше – смотри...

Гость, закончив рассказ, удалился со свитой,
И тогда разозлился Созук знаменитый:

– Что искал этот знахарь, в окрестностях рыща?
Внёс он смуту в спокойное наше жилище!

Сам я слышал о кознях карги Кыр-Бийче,
Но при чём здесь мой брат с острогой на плече?

Неужели разделаться некому с нею,
И тебе эта ведьма свалилась на шею?

Хоть кого она сманит красою девичьей,
Появляется в тысяче разных обличий...

Сам Тейри, коль захочет унять Кыр-Бийче,
Уничтожит её, не нуждаясь в мече.

Брат, опомнись! Иль мне, близнецу твоему,
Ты не нужен, тебе твоя жизнь ни к чему?

– Ладно, ладно! – твердит Бёдене, но душа
Загорается, жаждой свершений дыша.

На рассвете уходит Созук из кошары
И бредёт по степи, собирая отары.

Бёдене, взяв удилица, вышел к реке,
Чтобы вверх по теченью пойти налегке.

Так в душевном смятенье, томясь и мечтая,
Постепенно достиг заповедного края.

И с лужайки глядит на речную дугу,
На высокую башню на том берегу.

Вот присел на траву, чтоб чуть-чуть подкрепиться,
А из башни пригожая вышла девица.

Сходит к берегу, бродит песчаной косой,
Бёдене небывалой пленяя красой.

Так заметна она (очертания чётки),
Как яичный желток посреди сковородки.

Улыбаясь, красуясь, склоняясь к волне,
Водит дева руками, манит Бёдене.

Ну а он безучастен к прельстительной деве,
Только зорко глядит, а красотка во гневе.

Никогда не видала такого нахала!..
Но смирила себя и рукой помахала.

Это – знак, чтоб он реку скорей переплыл,
Но сидит Бёдене, недвижим и уныл.

«Равнодушие мужчины для женщины – горе!» –
Так сказала красавица с жаждой во взоре.

Начала раздеваться... И лица свои
Повернули к ней птицы, жуки, муравьи.

Все, волнуясь, глядят на прекрасное тело,
В жилах юноши кровь, забурлив, закипела.

Прыгнуть в реку хотел, но сумел не забыть
И промолвил, припомнив рассказ ясновидца:

«Бёдене, успокойся, спешить не годится!»
Лишь когда обнажилась совсем чаровница

И спиной повернулась к реке, Бёдене,
В воду прянув, как рыба, поплыл по волне.

Оглянулась «служанка» и смотрит на луг,
Где сидел этот путник, и нет его вдруг!

Разъярилась, потом рассмеялась устало...
«Видно, был ни к чему он не годен!» – сказала.

И, собравшись уйти, надевать начала
Через голову платье, угрюма и зла.

В этот миг из воды, налетев оголтело,
Ухватил Бёдене обнажённое тело.

Намотал он на голову девушки платье,
Чтоб не встретиться взглядом, спастись от заклятья.

Да и прыгнул с ней в реку; вот так и случилось
То, чего Кыр-Бийче дни и ночи страшилась.

Хоть и силится вырваться девушка, но
Бёдене её тянет всё глубже на дно.

Лишь когда опустилась в темнеющий омут,
Понимая, что так погибают и тонут,

С головы её платье сорвал Бёдене...
Захлебнулась служанка в глухой глубине.

Тут из тела служанки душа Кыр-Бийче
Ввысь взметнулась... Но есть ещё мощь в силаче!

Он пригнул эту душу – слышались стоны,
Словно в воду опущен булат раскалённый.

И душа Кыр-Бийче, прошипев кое-где,
Словно соль, растворилась в текучей воде.

Обнял девушку нарт, уставая и сам,
Его губы к её прикоснулись губам.

Воздух стал он вдыхать в нежный девичий рот,
И дыханье его жадно пленница пьёт.

И на берег её он выносит нагую,
И уже не колдунью – иную, другую!

И, очнувшись, увидела нарта она,
И теперь благодарна ему, влюблена.

Он своими руками её одевает,
Неземное блаженство его овеваает.

И почтил избавитель свою чаровницу,
Он отнёс её в башню – уже не в темницу.

И на трон усадил той колдуньи проклятой,
И сказал: «Это всё я поведаю брату!»

С доброй вестью в кошару Созука вступил он
И вернуться к любимой своей поспешил он.

Тут и понял Созук: Бёдене – удалец!
И зарезал на свадьбу пять сотен овец.

Никогда не бывало любви горячей,
Длилась славная свадьба пять дней, пять ночей.

РАЧУКАУ

Бёдене с молодой женой на Адили
Жизнь в объятых счастливейших дней проводили.

Беззаботно текли эти дни, как во сне,
Но припомнил отчизну свою Бёдене:

«Где бы нартов тела по степям не скитались,
Наши души на родине старой остались!»

Пусть беспмятством Главный Тейри не казнит нас,
С Приэльбрусьем, столь памятным, не разлучит нас!

Собирайся, поедem в отчизну мою!
Наш ребёнок родится в родимом краю.

Кто родился в горах – истый нарт без обмана,
На равнине рождённый – состарится рано.

Нашим детям дыханье священных пещер
Дарит силу, и мужество, и глазомер.

Потому-то и делают нарты такое,
Чем не сможет похвастаться племя людское...

На чужбине ни в чём не найду я опоры,
Сердце тянут к себе островерхие горы!»

Стал с женой он готовиться к дальней дороге...
Вот уже – Минги тау холмы и отроги.

Нарт снегам Минги тау объятая простёр,
Ниц упал, стал молиться Властителю гор.

Через месяц Тейри одарил его сыном...
Был младенец омыт в Катдыргане ¹ стремнинном.

Чтобы мальчик стал бодрым, здоровым вполне,
Закалил его в свежей воде Бёдене.

Окунал его в каждый источник нарзанный,
И, парами дыша, крепнул сын долгожданный.

Ведь с душой Кыр-Бийче в тело матери – тонкий
Яд вливался и мог отозваться в ребёнке.

А живящий нарзан и ребенка, и мать
Будет вечно от порчи любой исцелять.

И здоров Рачикау, любимое чадо,
И ни дебри, ни горы ему не преграда.

Нипочём не удержишь его взаперти.
Он упорен и может сквозь тучи пройти.

Сквозь моря и сквозь землю пройдёт напрямик...
Порывается взрослых догнать озорник.

И на поле сраженья является смело,
Хоть клянут его нарты, браня то и дело.

Любит рыбу, так жалуется лакомство это,
Что однажды крючки заказал у Дебета.

И крючки хороши – бросишь в реку, и рыбы
Так и прут на железные эти изгибы.

Та уже на крючке, той крючка не хватает,
Опоздавшая хвост проглотившей глотает,

А уж кто-то сглотнул её собственный хвост...
Вот и ловит рыбака – миг, и яростный всхлёт!

Рыбу ел Рачикау – видать, оттого
Стали крепче железа все кости его.

Вырос он, озорство ему стало не любо,
Брус железный берёт больше крепкого дуба.

---

¹ Катдырган (букв. «закаляющий») – холодный источник в Балкарии, недалеко от термальных вод Жылы суу у подножья Эльбруса.

Мощно мехи раздул и, удар за ударом,
Грозный серп отковал он в пылании яром.

И назвал тут изделие собственных рук
Он – «оркаром»¹, что значит – «погибельный крюк».

Подойти к Рачикау, когда он с оркаром,
Жутковато врагам – эмегенам и харрам.

Он с таким снаряженьем страшится заране,
Что теперь переловит всю рыбу в Кубани.

И с оркаром по степи и через нагорья
От Хазарского ездит до Чёрного моря.

Рыбу ловит и вялит, всё новым и новым
Кормит нартов своим изобильным уловом.

Ну а если он выйдет с оркаром на бой,
То враги его скошенной лягут травой.

Сверх того обладает он даром провидца:
Всё, что видит во сне, то обязано сбыться...

«Сын – опора моя! – Бёдене говорит. –
Постарев, обопрись я на этот гранит!»

РАЧИКАУ И АДИЛИ

Разбивая утёсы, ломая гранит,
Рачикау ограду из глыб громоздит.

Вот какая была ему сила дана:
Он два пальца протянет – поднимет слона.

Эмегена он может убить кулаком...
Но как тесно в горах, всё постыло кругом!

«На равнины, на их изобилье взгляну я,
На Адиль, для отца в дни былые родную!» –

Так сказал Рачикау и тронулся в путь,
Час настал на просторы Адили взглянуть.

---

¹ *Орка́р* (карач.-балк. «серп-крюк») – боевой серп с крюком, служивший Рачикау оружием в бою и инструментом для ловли рыбы.

Он, отцовский привет передавши Созуку,
Баловством, шутовством разогнал его скуку.

Но мрачнеет Созук – смех весёлый угас...
Поучая племянника, начал рассказ:

«Хоть и младше меня твой отец, но в тебе
Жизни смысл он обрёл, благодарен судьбе!

Душу он утолил, бодр и счастлив, но что ж
Так мой жребий тосклив, и на что он похож?!

Ведь подруги себе не нашёл я под стать,
Стала сила мужская меня покидать,

И сейчас поселилась здесь та, от которой
Не дождусь утешения в старости хворой.

Что мне в жизни осталось – возиться с отарой?!
Стала ваша невестка, жена моя, старой.

Нет веселья в душе, в жизни я – как сторонний,
Мяса нет на костях, чтобы клюнуть вороне.

Неудачливый нарт, я совсем никудышен,
Ибо в доме моём детский голос не слышен.

Нет ребёнка – вся жизнь и пуста, и суха,
Всё иное, поверь, – суета и труха.

Ох, племянник, женись, чтоб не видеть, как я,
Этот камень бездушный пустого жилья!»

Опечаленный после такого присловья,
Рачикау отъехал в речные верховья.

Реку он переплыл и в закатном луче
Видит башню, где прежде жила Кыр-Бийче.

Ночью на берегу снился сон Рачикау...
В пышной зелени трав весь в цвету Сары тау¹.

А чуть ниже по берегу – ровное поле.
Видно: крепость стоит у горы на подоле.

---

¹ *Сары тау* (букв. «Жёлтая гора») – холм в районе г. Саратова; название города также произошло от тюрк. «Сары тау».

А из башни, мила, как весенний цветок,
Смотрит девушка, взгляд её – душу увлѣк...

А сквозняк волосами играет, как шёлком...
Было спящему сладко глядеть тихомолком.

Рачикау, влюбившийся с первого взгляда,
Благодарен судьбе – пробужденье не надо!

Но очнулся от чудного сна лежебок,
Попытался подняться и снова прилѣг...

Вновь старался заснуть, но уже рассветало.
Встал, рыбацкие снасти собрал, как бывало,

И побрѣл по дороге к холмам Сары тау.
Как до луга дошѣл, стал глядеть Рачикау...

Положив на траву свою сеть, острогú,
Жадно смотрит на крепость на том берегу.

А из башни, как вешний цветок, хороша,
Смотрит девушка – ею пленилась душа.

Ну и прелесть! Но, словно не видя её,
Взялся нарт за рыбацкое дело своё.

Равнодушие – камень, что сердце ушиб.
Ропщет дева, сердясь на любителя рыб.

И служанке велит: «Всѣ о нём разузнай-ка!»
Та на берег сошла, как велела хозяйка.

– Слушай! Кто ты? – кричит. – Ты откуда? Скажи!
Что задумал ты против моей госпожи?

Ты молчишь? Ну, так сгинь, убирайся отсюда!
– Что ты попусту бесишься, злая зануда?

Я – рыбак Рачикау! А ты кто такая?
Кто хозяйка твоя, что там бродит, мелькая? –

Молвив так, он бросается в реку и вмиг,
Переплывши Адиль, пред служанкой возник.

Испугалась служанка: «Кто я? Да никто!
Это вовсе не важно... И важно не то!

А хозяйка... Хозяйку зовут Айсано́й,
Это имя все птицы лепечут весной.

Их влюблённый напев так горяч, он таков,
Что от пенья замедлится ход облаков.

Если взглянет на землю моя Айсана,
В то мгновение станет земля зелена.

А зимой поглядит – тает снег по холмам...
Ты не слышал о ней? Кто же, кто же ты сам?

То ли слишком умён, то ль глупее бревна?..»
– Знаешь, сколько таких, как твоя Айсана?

Пред живой красотой – они не видны,
Как травинки пред тополем – все Айсаны!

– Ладно, я уйду рассказать госпоже
Всё, что ты наобум наболтал в кураже! –

Убежала служанка и, ветра быстрей,
Возвратилась с ответом хозяйки своей:

– Это – наша река! Почему здесь рыбачишь?
Хоть сейчас ты смеёшься, а скоро заплачешь!

Знай: незваные гости, такие, как ты,
Весь улов отдают нам – законы просты.

Тот, кто дани не даст, не избудет вины,
Должники головой расплатиться должны!

И запомни: враги твои будут сильны –
Девять братьев имеются у Айсаны.

И друзей у родных её не маловато –
Девяносто и девять у каждого брата.

И приятелей, в битве не знавших испуга, –
Девяносто и девять у каждого друга.

На врага это войско находит грозой,
И у всех по надёжной собаке борзой.

Взявши в руки мечи, станут воины эти
Грозной ратью и выйдут в поход на рассвете.

Все дрожат и бегут, не сражаются с ними...
Лишь эльбрусские нарты сравняются с ними.

Девять братьев ведут эту славную рать,
И не сможет никто на пути устоять.

Гневно глянут – любого надежды лишат...
Но желанья сестры все исполнить спешат!

За неё сквозь огонь и сквозь воду пройдут,
Но не жди, что кому-нибудь в жёны дадут!

Не нашли никого, кто достоин её,
Ни мудрец не добудет, ни воин её!

– Так неужто сестра, что им так дорога,
Тосковать и останется у очага?

– И сама говорит она, чувствуя силу:
«Чем к ничтожному в жёны, так лучше в могилу!»

Вот какая у нас, на Адили, княжна!
Наивысший закон – всё, что скажет она!..

Так не медли, отдай Айсане свой улов!
Помни, все, кто не отдал, лишились голов!

– Чтоб сломить меня, силы такой не найти,
Я сильнее этих братьев, и всех девяти!

Словно кукол возьму их и суну в суму,
Отвезу их в селенье к отцу своему!

– Ой, ты сгубишь себя! Что скажу я княжне?
– То, что слышала, и не горюй обо мне!

...Убежала, назвав Рачикау невежей,
Госпоже рассказала, как дерзок приезжий,

Принесла, возвратившись, ответ госпожи:
«Не могу различить твоей правды и лжи.

Слышать брани такой не пришлось до сих пор...
То ли ты – дуралей, то ли слишком хитёр.

Ты травинкой назвал меня, куклами – братьев...
Верно, всё это вымолвил, разум утратив.

Разорвут мои братья тебя на клочки,
Жаль, что едут в набег и сейчас далеки...

Слушай, если ты – нарт, завтра в полдень будь здесь,
Покажи, чего стоишь иль в нарты не лезь!

Постреляем из луков, клинки извлечём
И за всё, что сказали, ответим мечом.

Победишь – покорюсь тебе, хоть изувечь,
Одолою – снесу тебе голову с плеч!

А сейчас уходи, чтоб тебя не застали.
Если братья придут, уцелеешь едва ли...»

– Вот услышал ты слово хозяйки моей,
Так оставь свою спесь, уходи поскорей!

Рачикау, довольный ответом суровым,
Прочь ушёл, разговор не продолжил ни словом.

Он весь день и всю ночь вспоминал Айсану,
Лишь под утро устал и склонился ко сну.

Вот, раскинувши руки на белой кошме,
Видит сон Рачикау и свет в полутьме.

В буйной зелени, в ярких цветах Сары тау,
Айсана – на холме, на другом – Рачикау.

Двое их, словно в мире остались вдвоём,
Только оба с оружием, в доспехе своём.

Вот стреляют друг в друга с решимостью злою,
Но вонзаются в землю стрела за стрелою.

Вот столкнулись друг с другом быстрее зарниц,
Гневно сшиблись, отпрянули, падают ниц.

Снова встали, свои обнажили кинжалы,
Но клинки обломились в резне одичалой.

Да и бой рукопашный бойцов утомил,
Оступились они и свалились без сил.

И удары мечей, и кинжал, и стрела –
Всё напрасно... Теперь перебранка пошла.

– Ты зачем к нам приехал? А ну, говори!
Можешь правду сказать и поклясться Тейри.

Что ж ты куклами братьев моих величаешь
И травинкой простою меня называешь?

Так ответь же, что значит твоя болтовня!
Отчего не осилил ты даже меня?

Ты лежишь, и не стыдно такому спесивцу!..
– Да нетрудно мужчине осилить девицу!

Сделать женщине больно нет сил и причины,
Это могут подобные жёнам мужчины.

Если делаю вид, что тебя ударяю,
Это душу свою я казню и терзаю.

Ну да ладно, сейчас, позабывши обиду,
Ты пойми, почему я сражался для виду...

Я слегка посмеялся над тем, как шалишь...
Но и всё же запомни: я – кошка, ты – мышь!

– Ты – хвастун, от собаки рождённый! Бахвал!
Ты – злодей!.. А теперь берегись, ты пропал! –

Поднялась Айсана, словно смерч буревой
И ударила нарта своей булавой.

Нарт привстал, улыбнулся и глянул в упор.
«Ну, теперь ты довольна?» Горяч его взор.

Как дитя, Айсану поднял нарт, чуть развязен,
Покачал на руках, положил её наземь.

Обласкал её взглядом и сердцем увяз...
«Я люблю тебя!» – молвил и скрылся из глаз.

В день второй всё сбылось, совершилось, что снилось.
Что мечталось, теперь наяву приключилось...

Уходил Рачикау с печалью в груди...
Но окликнула девушка: «Не уходи!»

Прозвучал этот голос, и, страстью объят,
Рачикау, счастливец, вернулся назад.

– Вы – эльбрусские нарты, мы – нарты с Адили,
И за вас наши девушки не выходили.

И меня мои братья, чья власть велика,
Что ни делай, не выдадут за чужака.

А ведь с первого взгляда влюбилась и я,
И, сгорая, душа полыхает моя.

– Так бежим и укроемся в области гор!
– Но тогда двух народов начнётся раздор!

Мои братья горды своей силой военной
И считают: они – это семя вселенной.

Говорят мои братья, что жёстче железа:
«Мы – владыки всех нартов, мы – род Ачемеза!»

И считают они полукровками вас,
Только челядью, что исполняет приказ.

– Если правду сказать, это мы – ваши предки...
По-иному цветы распустились на ветке!

Пусть вас много на почве Адильской страны,
Но эльбрусские нарты, как прежде, вольны.

Мы крепки, непокорны, нам нет одоленья,
Лишь Верховный Тейри нам даёт повеленья.

Ты права, и народов нам ссорить не надо,
Но ведь эти свидания – наша услада,

И пока твои братья ещё далеки,
Приходи вечерами на берег реки!

Всё, что дальше случится, решится судьбой...
Если хочешь, отныне я буду с тобой.

Стану рыбу ловить, приходить к вам с уловом,
Свой ясак отдавать вашим слугам суровым.

А взамен что ни день буду видеть тебя...
О душа моя, всё мы осилим, любя!

– Да, любимый, сейчас попросаемся мы,
Но увидимся вновь с наступлением тьмы.

И, спустившись к реке, что отрадой была мне,
Повстречаемся возле громадного камня. –

Семь ночей длятся встречи, и трепет, и пыл,
Смотрят с неба и месяц, и сонмы светил.

Постирают созвездия к любящим длани,
Дарят чувством свободы, она всё желанней.

Знали только вода и окрестная глушь
Чистых тел сочетанье, слияние душ.

Так в прохладной Адили купаются двое...
О Тейри, защити это чувство живое!

Братья едут домой, а уж дом в ералаше...
«На родимые горы напали бешбаши ¹!» –

Эта весть издалёка примчалась с гонцом.
Рачикау уехал, и дело с концом.

Ждёт и ждёт Айсана, смотрит взглядом туманным
На дорогу, к далёким ведущую странам.

Ветер, волосы глядя, их нежно обвив,
Шепчет: «Жив твой любимый, надейся, он жив!»

Но всё нет Рачикау, и дни полетели,
И уже за неделями мчатся недели.

Говорят, Рачикау – герой, а она...
Ах, во чреве своём понесла Айсана!

Грусть и ужас душой овладели всецело,
Тесный пояс красавица в горе надела.

Ну а братья не знают ещё ничего.
Грусть её и унынье для них – баловство.

Сможет время сдержать и бывшее вернёт
Только скорость, что весь сокрушит небосвод!

Не нагнать, не постичь её зренью и слуху,
Лишь она может девочкой сделать старуху.

Где же силы такие возьмёт Айсана?
Сохранить свою тайну не в силах она.

---

¹ *Бешбаши* – пятиглавые эмегены.

Чувство матери в свой подобралось черёд,
Любит женщина то, что во чреве несёт.

Нет и мысли от ноши избавиться той,
Ведь лишиться её – что расстаться с душой.

Девять братьев замыслили дальний поход,
Он продлится три месяца... Время идёт.

Вот и день девяностый уже на исходе,
И настала пора покориться природе.

Айсана и в тоске, и в тревоге туманной,
Час пришёл для неё роковой и желанный.

Нелегко ей служанке довериться было...
Это благо, что братья вдали от аула.

Вот и мальчик на свет появился... Но мать
Не могла себя матерью громко назвать.

Чувств лишилась она, изнурившись вконец...
В этот горестный миг подал голос гонец:

«Ойра-ойра, сюда девять братьев спешат!
Зачесалась рука – жду великих наград!»

Встрепенулась, забила служанка-юница:
«Если братья увидят, что в доме творится,

Не простят укрывательства, вынесут суд
И живьём меня сгложут, и кровью запьют!»

Оглядела младенца: «Как слаб грудничок!»
Спеленала его и кладёт в сундучок.

Мчится с этим ларцом, чуть дыша на бегу...
Вот она на адильском стоит берегу.

Снявши оберег, мучима грустью своею,
Талисман повязала ребёнку на шею.

И, устами к его прикоснувшись челу,
Ларчик с ним по волнам отпустила во мглу.

Это судно качали валы, шелестя.
Плеск воды убаюкивал, тешил дитя.

Путь немалый проплыл утлый этот ларец,
Вот он к берегу ветром прибит наконец...

От удара заплакал малыш светлоокий,
Дуновенье погладило нежные щёки.

В это время Созук шёл знакомой тропой,
Гнал отару свою по пескам к водопою.

Детский голос услышал... Взирая на диво,
Руки к небу воздел и воззвал боязливо:

– О Верховный Тейри! Неужели мне снится
Лучший день моей жизни? Не дай пробудиться!

Всех злосчастней был я из числа твоих слуг,
Но мольбу Ты услышал, и счастлив Созук!

Ты меня осчастливил на старости лет,
Даровал беспредельный и радостный свет!

Не лишай меня счастья, его не горчи
И с ребёнком дарованным не разлучи! –

Так промолвил Созук и в блаженном угаре,
Взяв младенца, к своей устремился кошаре.

В дом ворвался счастливец и крикнул: «Жена!» –
И поведал, какая им радость дана...

Чтоб его небылицам поверил народ,
Повязал он подушку жене на живот.

На жену надевает он плотный наряд,
С ней повсюду гуляет – пусть нарты глядят!

И ликует Созук, извещая весь свет:
Это чрево рождает на старости лет!

Нарты вскоре узнали: супруга Созука
Родила ему сына, Дебетова внука.

Всех на пир зазывает счастливый отец,
Говорят, что шестьсот он зарезал овец.

Вдруг на пире гонец из краёв Минги тау
Объявил, что в отчизне погиб Рачикау.

ГЫБЕТЬ РАЧИКАУ

Много подвигов нарт Рачикау свершил,
Был во многих сраженьях, врагов устрашил.

День сраженья – год славы! Разносит молва
Эту славу, что будет в народе жива.

Рачикау – всех бедных и слабых опора
И готов осадить хвастуна-горлодёра.

Никогда в нём к бессовестным жалости нет,
Только собственной мощью достиг он побед.

Он не внемлет глупцу и не жалует труса,
Только доблестных чтит среди нартов Эльбруса.

Знаменит он весёлым и вспыльчивым нравом,
И злословья не стерпит, и предан забавам.

В честь победы над воинством пятиголовых
Собираются нарты для пиршеств всё новых.

У Аlickовых нынче застолья щедры...
С этой вестью посланцы обходят дворы.

К Рачикау приходит особый гонец,
Ведь премного прославлен герой и храбрец.

Молвит мать: «Рачикау, мне снилось худое!
Кто б тебя ни задел среди шумного тоя,

Умоляю, будь сдержан, горячность забудь!
Слишком труден воителей доблестных путь.

Ведь иные тебя невзлюбили, и рьяно...
Рядом с деревом выросло много бурьяна.

Разве с деревом может сравниться осот,
Разве низкий высокое сердце поймёт!

Не забудься, уж если решился пойти,
Пусть тебя сам Тейри сохраняет в пути!»

– Что ж ты, мать, как дитя, охраняешь меня?
Ведь на пир, не в поход, провожаешь меня!

– Ах, пока я жива, ты – дитя всё равно...
Чувства матери сыну постичь не дано!..

Помни: как ни злословят, тебе – всё едино,
Лишь бы мне не оплакивать мёртвого сына!

– Раньше времени, мать, не горюй и не плачь!
Что случится со мною, хоть я и горяч?! –

Молвил матери нарт, и – уже за порогом,
Со двора на коне выезжает трёхногом.

И как только трёхногому крикнул: «Лети!» –
Лёгкий конь полетел и не сбился с пути.

Две ноги его сзади, одна впереди,
А уж мчится, как смерч, – только знай усиди!

Блещет свет из очей его прямо и косо...
Вот к земле прикоснулись копыта-колёса.

Тут воздушную стену разрушили вихри,
А потом, обессилев, иссякли и стихли.

Путь окончен. Сошёл Рачикау с коня.
Всех дивит долгожданного гостя броня.

Эти латы, как жаркое солнце, блестят –
Тот ослепнет, кто бросит на пóлымя взгляд.

Расступилась толпа, дав дорогу герою,
К Ёрюзмеку идёт он широкой тропею.

И приветливо глядя в глаза, Ёрюзмек
Рачикау похвальное слово изрек:

«Заслужить очень трудно прозвание “джигит”,
Но труднее тому, кто его сохранит.

Тот – джигит, кто на грубость ответит негрубо,
Стерпит слово завистника и себялюба.

Тяжело, но джигит к испытанью готов,
Никогда он не станет скотом среди скотов!

Так и будет, покуда сияют созвездья...
Всё на свете стерпи, не терпи лишь бесчестья!»

Старики ему вторят, героя любя:
«Пусть никто, Рачикау, не сглазит тебя!»

Удивляясь деяньям его знаменитым,
Нарекли старики Рачикау – Джигитом.

Что за пир изобилья! Заклал не скупец
Десять сотен тельцов и пять тысяч овец.

Скачки, камнеметанье, борьба и айтыш ¹,
Песнопенья и пляски нарушили тишь.

Тешит нартов теке ², загрустить им не даст,
Нынче каждый покажет, во что он горазд.

Гилястан Злоязычный торчит здесь, как пень.
Ведь якшаться с обычными нартами лень.

Встретит слабых – мрачнеет и нагло их щиплет,
Перед сильным, смеясь, красноречием сыплет.

Хочет быть на виду, всем на свете назло...
Кто постигнет, что в голову злую вошло!

Одного из гостей он унизил, грубя.
Попытался бедняк постоять за себя.

Завопил Гилястан: «Прочь, бродяга, покуда
Голова на плечах! Убирайся отсюда!»

Стал обиженный пятиться – кончена ссора...
Не стерпел Рачикау чужого позора:

«Обижаешь ты слабых, но помни, однако,
Что негоже быть нарту похожим на хряка!

Истый нарт благороден на сходке любой,
Будешь грубым и мерзким, я справлюсь с тобой!» –

Так сказал и в упор посмотрел Рачикау.
Цепким взглядом ответил противник лукавый.

Видит он, что стоит перед гордым джигитом,
И завёл свою речь голоском ядовитым:

---

¹ *Айтыш* – состязание певцов, сказителей.

² *Теке* – шут на празднествах, скоморох.

«Ты зачем, Рачикау, в дела наши влез,
Что мы делим, что нужно тебе позарез?»

Так надменно спросил он, красуясь при всех.
Прозвучал Рачикау презрительный смех...

Рачикау сурово сказал Гилястану:
«Только слабого тронь, на защиту я встану!

Не остынешь, так тресну тебя по башке!» –
Отвернулся и прочь зашагал налегке.

Но вдогон ядовитая глотка орёт:
«Оскорбивший меня так легко не уйдёт!

Видят все: ты попортил мне кровь, лиходея!
Сам гнушаешься низкой породы своей!

Знают все: ты рождён от коня и ослицы...
Сын рабыни, ну как же тебе не озлиться!

Пусть Джигитом сегодня тебя нарекли,
Нет в тебе благородства, отребье земли!»

Гилястан голосил, словно баба-кликуша,
Рачикау бурлил, всё ломая и руша.

Но обидчик метнулся и прынул в седло,
От погони умчался, куда понесло.

Оседлавши трёхногую лошадь свою,
Закричал Рачикау: «Поймаю – убью!»

Оба скачущих мчались ведь день беспрестанно,
Вот уж мощная крепость, гнездо Гилястана...

Рачикау настиг – рядом враг, только тронь!
Но поган у поганого всадника конь.

Он обдал Рачикау струёй с поворота,
В этот миг крепостные открылись ворота.

В них скользнул Гилястан, ускользнув без утери,
И за ним затворились железные двери.

Неприступна твердыня на грозной скале.
Эти стены не взять ни мечу, ни стреле.

– Тьфу! – сказал Рачикау и брызги утёр...
В этот день запылал негасимый костёр.

«Гилястан, ты когда-нибудь выйдешь сюда?
Я не нарт, если стану достоин стыда.

Не уйду, если жизнь не возьму у врага...
Свято нартское имя и честь дорога!»

Страшен гнев Рачикау, бессильный и ярый,
Нарт воротам и стенам наносит удары.

Уязвимое место все дни напролёт
Тщетно ищет и взгляда не сводит с ворот.

Девяносто девятая встала заря,
Явь и сны Рачикау сомкнулись, горя.

И сознание он потерял под конец,
В чистом поле на спину упал, как мертвец.

А на башне, над крепостью, столь непокорной,
В эту пору стоял Гилястанов дозорный.

Видит в зеркале: пал Рачикау на месте...
Гилястан еле верит столь радостной вести:

«Выходи за ворота, и если ты смелый,
Всё как есть разузнай и ошибки не сделай!

Если враг мой упал и сломал себе шею,
Как родное дитя, я тебя возлелею!»

Вот дозорный, хоть было спешить неохота,
И доспехи надел, и пошел за ворота.

Незаметно подкрался к лежащему он,
Оглядел его зорко с любой из сторон.

Лишь поверив, что смерть приключилась врагу,
Оглянулся и мчится, крича на бегу.

Как мальчишка, вприпрыжку, с ликующим криком,
Возвратился он в крепость в восторге великом.

Гилястан обнимает слугу своего...
«Дай и я погляжу на моё торжество!»

Так подумал и молвил, и счастлив, и зол,
Тоже вышел за стену, до трупа дошёл.

Пнуть хотел и примерился, но не решился,
Только вытянул руку и вдруг устранился...

А душа Рачикау, что в небо взлетела,
Созерцала своё бездыханное тело.

Но душевною нитью незримо друг к другу
Были тело с душою привязаны туго.

И душа не покинула той полосы,
Где два мира близки, и меж ними – весы.

Вот, робея, роняя катящийся пот,
Трус десницу на шею героя кладёт.

Встрепенулась в тот миг Рачикау душа
И вернулась, вошла она в тело, спеша.

Тело ожило, встал Рачикау громадой...
Задрожал Гилястан – хоть сдавайся, хоть падай!

Побежал Гилястан в свою крепость ретиво,
Рачикау – за ним, по пятам, без отрыва.

Гилястан – у ворот... Чтоб злодея рассечь,
Рачикау заносит отточенный меч.

Но клинок лишь скользнул по броне Гилястана,
И на шее – совсем неглубокая рана...

«Это – молния! Молнией я поражён!» –
Заорал Гилястан и скрывается он.

Мигом сгинул, за ним затворились врата,
И вокруг Рачикау опять пустота.

И вскричал Рачикау, и злой, и унылый:
«Если нет во мне грозной, как молния, силы,

Пусть я мёртвым здесь лягу, погибну вот тут,
Но каков я, что стою, все нынче поймут!»

Начал бить по воротам – они не открылись,
Стены крепости ломит – они не сломились.

Он воспрял и не мог уже остановиться,
И кипящая злость не могла не излиться.

Всё крушил и на всех восставал богатырь,
Бушевал он, и вверх вырастая, и вширь.

Он мечом своим, каждым ударом клинка,
Перемешивал тучи, рубил облака.

Переполнен ещё небывалой гордыней,
Небосвод разъярил он спокойный и синий.

Вот когда и разгневался сам Элия,
Над землёй огневая прошла колея.

Элия, озаряя нагорий отроги,
В Рачикау прицелился, оленерогий,

И пронзил ему голову рогом своим...
От героя остались лишь пепел и дым.

Покаравши гордыню так зло и сердито,
Элия надсмеялся над силой джигита –

И душа улетела, и скрылась во мгле,
Но остался у мёртвого сын на земле.

ГУЖДАР

Рачикау тягался с самим Элиёй,
Оттого-то и сгинул, накрывшись землёй...

Айсана ни жива ни мертва, ведь безвинно
И без мужа осталась она, и без сына.

– Оступившись, и дальше мы с кривдою дружим...
Чужака незаконно я сделала мужем!

Я, должно быть, пошла против воли Тейри
И сама виновата, кого ни кори!

Если б только меня Рачикау не встретил,
Был бы жив и сегодня, и весел, и светел.

Но любовь стала ядом, и сгинул джигит,
По дороге ко мне он, должно быть, убит.

Я – виною всему, говорит мне наитье.
Что же делать? Себя не сумею убить я...

А несчастный ребенок, уплывший в ларце,
Истерзал моё сердце... В каком он конце?

Жив он, жив мой сынок, это сердцем я чую!
Но куда мне бежать, как отыщешь вслепую?

О Тейри, помоги мне его отыскать,
Не казни за ошибку, всё миром уладь!

Жив ли сын мой? Внемли материнскому стону!
...Но, как видно, тебя я мольбами не трону.

Всё молчишь оттого, что прощать не привык...
Если ты не простишь, я скажу напрямик:

«Если б только могла я вернуться в былое,
Вновь нашла бы того храбреца и героя

И опять от него родила бы, греша...
С дальних гор на меня его смотрит душа.

Он живее живых и, над смертью взмывая,
Выжил в сердце моём, оттого и жива я!

Ненавижу судьбу свою... Как ни верти,
Надо мне победить её – сына найти!

О Тейри, пощади, я в смятенье, в угаре!
Помоги твой бедной и немощной твари!

Вечно буду рабыней твоею немой,
На коленях с мольбою стою пред тобой!»

Что ни ночь, надрывается мать молодая,
Плачет, молится, дни и недели считая.

Обращенный к Всевышнему голос горяч...
Но служанку сморил, утомил этот плач.

И сказала служанка: «Ужасна утрата,
Но себя не вини – я во всём виновата!

Что ж, на поиски, видя такую беду,
Я в отрепье по белому свету пойду.

Коль Тейри пособит, я верну твоё чадо,
Но какая меня ждёт за это награда?»

– Я рабой твоей сделаюсь! – вдохновлена,
Тут на камешках стала гадать Айсана...

А служанка пошла через степи и горы,
Просит хлеба у встречных, ведёт разговоры.

Вот, немало изведав лишений и мук,
Добралась до становья, где княжил Созук.

Рассудила: «Какой изнурительный путь!..
Я смертельно устала, пора отдохнуть!

Я вот здесь, если пустят, и переночую...» –
И вступает в кошару Созука большую,

И у входа промолвила: «Слава Тейри!»
– Пусть тебя он хранит, всех врагов побори! –

Так Созукова ей отвечает жена.
– Ах, спасибо, бийче, я ведь, право, больна...

Так в пути изнурилась я, изголодалась...
Ну, подайте какой-нибудь пищи хоть малость!

О как холодно в поле – и ветер и снег ...
Умоляю, пустите меня на ночлег!

Утром – снова в дорогу, хоть пусто в суме...
– Я не против, коль хочешь, ночуй в тыш бёлме ¹!

Утром я снаряжу тебя в путь, а как встанешь,
Неприменно на мальчика нашего глянешь.

Пожелать ему счастья, прошу, не забудь!
И пойдёшь, куда надо тебе, – добрый путь!

А сейчас мой хозяин пригонит отару...
Ах, мой мальчик заныл... Побегу я в кошару! –

Устремилась к ребёнку, и вот впопыхах
Укачала, выносит его на руках.

Тут, конечно, служанка младенца узнала
И сказала, в лице не меняясь нимало:

---

¹ Тыш бёлме – подсобное помещение в доме, чулан.

– Будь участлив к ребёнку, Верховный Тейри,
Ты объятая раскрой ему, руки простри!

Не скупясь, дай удачи ему небывалой
И в пути сохрани, обласкай и пожалуй!

И родной возврати его матери вскоре,
Пожалей и уйми материнское горе!..

– Незнакомка, тебе я не в силах внимать!
Отчего ты «родную» припомнила мать?

Ведь от слов твоих, сказанных жёстко и круто,
Замирает душа, в ней – тревога и смута.

– Слушай! Пусть и твой муж подойдёт к нам сейчас...
За три месяца, ставшие счастьем для вас,

Вырос мальчик... Три месяца, это – немало!
Всё же я не ошиблась, его я узнала...

– Замолчи! Не отнимешь ребёнка, не ной!
Только я – его мать, он не знает иной! –

Закричала хозяйка, заплакал ребёнок...
Стала гладить она его, взяв из пелёнок.

Тут Созук подошёл: «Что за шум? Кто такая?»
– Не кляните, за правду меня попрекая!

Пощадите! Проклятий не вынесу я...
Ведь посла не казнят. Что вам гибель моя!.. –

И, поведав несчастным всю правду вполне,
С доброй вестью служанка ушла к Айсане.

Что с женою Созука! Стенает, рыдая...
Сам Созук сокрушается, так же страдая.

Вся-то радость уходит, ужасен удар...
– Несчастливое ты наше счастье, Гуждár! –

Так вздыхают они, обнимая младенца.
Но решили вернуть его – некуда деться.

– Не могла я быть матерью! – плача навзрыд
О загубленной жизни, бийче говорит, –

Без детей человек, что засохшее древо,
И пустыня безмолвная – справа и слева.

О зачем в этот мир я однажды пришла!.. –
Говорит, а душа выгорает дотла.

Безотрадно звучат утешенья Созука.
Речь спокойна, а в сердце – такая же мука.

Говорит он: «Ведь сами себе не простим,
Коль Гуждарчика с матерью мы разлучим!»

И ведь, если потом он узнает об этом,
Не простит нам и взыщет, поддавшись наветам.

Пусть же нас не клянёт он! Пойми и прости!
Наши души... Им ноши такой не снести!

Чтобы правды не знали суровые братья
И сестре не достались позор и проклятья,

Чтоб не предали казни её вместе с сыном,
Вместе с нашим Гуждаром, ни в чём не повинным,

Я Гуждарчика – чтобы не выдать на травлю –
В эту ночь отнесу к ним во двор и оставлю.

Что ещё мне осталось? О горечь разлук! –
Как сказал, так и сделал несчастный Созук.

Он дошёл по реке до жилья Албермезов
И, как будто бы память о счастье отрезав,

Стал прощаться с ребёнком. Но в горестный миг
Поделился с ним мощью, которой достиг.

Он напряг свою душу, все силы свои,
Ощутил в себе молнию – мощь Элии,

На ребёнка направил поток этой силы,
Чтоб она, растекаясь, вошла ему в жилы.

Чтоб стремительно, всё пронизав существо,
Стала молния стержнем всей жизни его...

Вот и вспыхнула молния. В громе и вое,
В дивном блеске мельканье пошло вихревое.

Так неистово-быстро движенье пошло,
Что внутри круговерти возникло дупло...

В пустоте происходит времён перемена,
Стали целым, сцепились два мира мгновенно.

Что за скорость! То делает взрослым дитя,
То в младенчество вновь возвращает, крутя...

Вот Созук, попрощавшись решительным жестом,
Сам в стремнину вступил и мгновенно исчез там.

Вмиг добрался Созук до кошары своей,
Взяв жену, в небеса воспарил вместе с ней.

Полежал, да и всхлипнул малыш, занывая.
Разбудила хозяев тревога ночная.

Албермезовы вышли, младенца узрели,
Удивились, внесли его в дом, оглядели.

Ясно только одно, что, смотри не смотри,
А ребёнка прислал всемогущий Тейри...

Тут служанка, к найдёнышу кинувшись с жаром,
Просит: «Мальчика вы назовите Гуждаром!

Мальчик, посланный небом, он будет джигит,
Станет доблестен и на Земле знаменит.

Ах, простите! Как видно, я сдуру посмела
Вам советы давать, не моё это дело».

Девять братьев смеются: «Себя не кляни!..
Что ж, красивое имя...» – сказали они.

Торжествует, от счастья смеясь, Айсана,
Чуть не при смерти от ликования она.

Если нет посторонних, бросается к сыну,
Чтоб любви и заботы обрушить лавину.

И, как прежде, нуждаясь в надёжном плече,
Называет служанку своею «бийче»...

А Гуждар всё мужает, и, ловок, силён,
Средь ровесников первым становится он.

ШИРДАН И НЁГЕР

ПЕСНЬ О ШИРДАНЕ И НЁГЕРЕ

Как светлеет от песни хорошей душа!
О, как ладная после дурной хороша.

Будут нартские песни слагаться и впредь,
Но ведь песням нескладным нет силы подпеть.

О, нарядный и столь неприглядный Ширдán,
Ты, казалось бы, должен был кануть в туман!

Почему ж из окна песни нартской, жива,
Хочет выглянуть злая твоя голова?

Грязный, гнусный Нёгёр, ты презрен поделом...
Кто омоет тебя сердца чистым теплом?!

Ваша подлость – погибель для вашей души,
Эти песни лишь после пиров хороши!

Но и песни такие пусть льются подчас,
Чтобы юность была непохожей на вас.

ОБЪЯК НЁГЕРА

Днём на гноище спит оборванец Нёгер,
А проснувшись, скулит, безобразен и сер,

Свету солнца не рад и, покоя не зная,
Трёт суставы свои – зла болезнь ветряная.

Ну а ночью он вовсе уже не таков,
На коне своём топчет края Маштаков ¹.

Словно смерч, пролетает он, землю колыша,
По пути низкорослых крадёт бешкарышей ².

---

¹ *Маштáк* – кляча, мерин.

² *Бешкары́ши* (карач.-балк. «бешкарышлá») – «пятипядевые», так в нартском эпосе называются племена людей-карликов, возможно ведущих свой род от смешения харров и алмасты.

Повествует, придя к потаённому стану,
О своих похождениях лишь Гилястану.

А потом прячет пленников бедных своих
В подземелье, чтоб нарты не видели их.

Кто-то купит их позже, и всё до гроша
От любимого брата получит Гоша.

Да, всю выручку разом отдаст он сестрице,
Одарит... и расширит блаженства границы!

Все дела завершает к утру и скорей
Возвращается в логово, к свалке своей.

Безмятежный, как будто бы не был нигде,
Он с земли поднимается лишь по нужде.

Ходит с палкой, хромя, на жизнь негодуя
И плохую погоду суставами чуя.

И плетётся, скрипя, мерзко охая, жалкий,
Вновь ползёт, чтоб залечь на день, на два на свалке.

ОБЪЕК ШИРДАН

Он пригож и воспитан, ведёт себя так,
Что и в собственном доме он словно кунак.

На себя он пылинке упасть не позволит,
Как невеста, себя и лелеет, и холит.

Он всегда при кинжале своём золотом,
На тулпаре с остриженным пышным хвостом.

Рассуждает с невеждами о непонятном,
Спорит с мудрым в толпе – с жаром невероятным.

То, что ведомо всем, возбуждённо талдычит,
И, когда уж всё ясно, свидетелей кличет.

Или взятки даёт им, находит их тьму,
Чтобы все подтвердили, что нужно ему.

Так вот он и живёт, криводушный, лукавый,
И любую ценой домогается славы.

В хвастовстве несравненен – из гордых речей
Извлечёшь, что богаче он всех богачей.

Лицемеря, обличие щедрости носит,
Словно золото, он свою медь преподносит.

В дом сказитель придёт, сразу режут быка...
Но пришельца Ширдан угощает слегка.

Тушу тайно продать он домашним прикажет,
Что расчётлив и скуп, никому не покажет.

Но загадка для многих – как этот мог стать
Столь богатым и важным и выбился в знать?

И хоть многих и многих смутил он, зато
Есть и те, что не ставят его ни во что.

Но не знает никто, где богатства он прячет,
Где он время проводит, что подлинно значит.

Но когда на помойке он видит Нёгера,
На ныгыше ¹ заводит он речь лицемера:

«Не пойму, человек ли он, или скотина,
Или труп, что сгнивает, лишённый притина.

Так не может разумное жить существо,
Он – как червь земляной... Что презренней его?!»

Эту брань донесла до Нёгера молва,
Но не тронули падшего злые слова.

Так, но всё же не смог раскусить он Ширдана.
«Даст отгадку лишь время!» – твердил постоянно.

Ничего не менял он в укладе своём:
Лов невольников – ночью, и гноище – днём.

ШИРДАН ИЩЕТ СЕБЕ ЖЕНУ

В этот год умерла у Ширдана жена,
Сиротою оставила сына она.

Счастлив сын послушаньем отцу-господину,
Говорят, и Ширдан предан малому сыну.

---

¹ *Ныгыши* – место для народных собраний и проведения досуга.

Если сын и богатство на чаше весов,
Что ценней для него, что он выбрать готов?

Только время ответит на этот вопрос,
Чтобы нартский народ верный суд произнёс.

А сегодня нашлось у Ширдана занятие,
И уж хватит носить ему чёрное платье.

Полно траур носить, нужно снова жениться!
Снова молод Ширдан и свободен, как птица.

Он на куцем коне, с куцым псом-шельмецом
Улыбается всем – ответшавшим лицом.

Разъезжая повсюду, он ищет невесту,
Погостил, и отправился к новому месту...

Побывавши во многих селеньях не раз,
На Айгун задержал он свой опытный глаз.

А приёмная дочь Ёрюзмека толкова,
Но глаза ещё прячет от взгляда мужского.

Благородна, застенчива, чем ни прельщай,
Уж такой воспитала её Сатанай.

Всё пышней норовит нарядиться жених,
Что ни день к Ёрюзмеку шлёт сватов своих.

И твердят эти сваты, вертясь и потея:
«О Ширдан, это – бий! Круче нет богатея!

Изобилие в доме и масла, и мёда,
Больше золота, яхонтов в нём год от года.

У Ширдана – единственный только изъян:
Был женат... Но сегодня вдовеет Ширдан.

Разве мог он поспорить с веленьем Тейри,
Коль жене его Небо сказало: «Умри!»

Умерла – никакой не помог элексир,
Стал Ширдан одиноким, и сын его сир.

Но, живущий с отцом, столь ещё и нестарым,
Наделён этот сын удивительным даром.

Вот на днях начертал он свой образ на коже,
Чтобы чучело сделать, что дивно с ним схоже.

И лицо, и улыбка, и плечи, и стать,
Даже руки и ноги – всё можно узнать!

Сын отцу не помеха, он так ещё юн...
Все богатства и крепость получит Айгун,

Будет в доме Ширдана, как в сотах среди мёда,
Станет матерью биев, правителей рода!»

Так витийствовал сват, сладко пел, и не раз,
И подумать не мог, что получит отказ.

Всё селенье судачит... Отвергнутый нем...
Знать, чем дело закончится, хочется всем.

Разлетелась повсюду молва о Ширдане...
Оскорбленье – обида, подобная ране.

Словно стельку, гордыню его растоптали,
И задумал он хитрость от лютой печали.

ХИТРОСТЬ ШИРДАНА

Как-то нарты на сходку сошлись, и Ширдан,
Не промедлив, явился на шумный майдан.

Старики совещались, и скоро всё строже
Разговоры о нартской пошли молодёжи.

«Молодые изнежились... Вижу иных,
И сжимается сердце – неладно у них!

И нарядны, и сыты – на что им наука!
Разленились, и плохо стреляют из лука.

Нет, в ученье нельзя им давать передышки,
Под присмотром отцов пусть мужают мальчишки!

Тот, кто в мирное время умоется потом,
Победит, на войне свою кровь не прольёт он!»

Это молвил Дебет и прочёл по глазам:
Для других стариков его речь – что бальзам.

Тут и вышел Ширдан, молвил, мрачен и жёсток:
– Чтоб к войне приготовился каждый подросток,

Ничего мне не жаль, и единственным сыном
Рад пожертвовать я, даже сыном невинным!

– Брось, Ширдан, не шути, ты уж слишком загнул!
Как иначе понять невозможный посул? –

Молвил кто-то из нартов, Ширдану перечая...
– Ты не веришь, не веришь ты искренней речи?!

Я со всеми поспорю, не только с тобой,
Я клянусь небесами, водой и землёй!

Я на шею взвалю небывалую ношу,
Но того, что задумал, теперь уж не брошу.

Ставлю на кон ценнейшее – сына даю,
Чтобы выросли лучники в нашем краю!

Если так поступлю в доброхотстве усердном,
Пусть меня не считают отцом милосердным!

Я решил, хоть условия и тяжелы:
Встанет сын на пределе полёта стрелы.

Пусть он будет мишенью! Хоть голос сорву,
Сам отдам я приказ отпустить тетиву.

Пусть же целятся лучше и с точностью высшей...
Каждый лучник получит по пять бешкарышей.

Если кто-нибудь сына убьёт моего,
Мстить не буду, ведь это – моё торжество!

Словно сына его полюблю и уважу,
Уступивши герою печать свою княжью.

– Ой, Ширдан, ты не прав! Разве, хитрый и лживый,
Ты пойдёшь на такое, не чуя наживы?

Так чего же ты хочешь? Открыто скажи! –
Некий нарт отзывается, чуткий ко лжи.

– Сами хитрые! Вам не понять, что я стою,
Как душевной привык дорожить чистотою!

– Так, по-твоему, все мы – бесстыжие плуты! –
Отзывается нарт разъярённый, надутый.

А другой вопрошает: «При чём молодежь?
Если все промахнёмся, что с нас ты сдерёшь?»

– Никаких не искал ни корыстей, ни выгод,
Но уж если вы так, есть и выгодный выход...

Тот, кто хочет стрелять, кто до прибыли лаком,
Одного бешкарыша пусть выставит на кон.

А тому, кто попал, должен буду отдать,
Всех своих бешкарышей, в придачу – печать...

Навязали мне эти условия вы сами.
Если все промахнётесь, разделаюсь с вами!

К Ёрюзмеку толпою, не медля ни дня,
Все пойдёте вы сватать Айгун за меня.

Коль попросит об этом весь нартский народ,
Ёрюзмок не откажет и не оттолкнёт.

И ещё одна просьба, что мне тяжела :
Если цели достигнет хоть чья-то стрела,

Пусть никто не подходит к пронзённому телу,
Не увидит, как в муках душа отлетела.

С угасающим сыном я буду один...
Пусть как истинный нарт умирает мой сын!

Я ему объясню, чтоб не дрогнул родимый,
Почему его смерть стала необходимой...

Что же, нарты, час поздний, до завтра! А там
Сына утром на стрельбище выведу сам.

Так, с народом поспорив, Ширдан удалился
И, собою довольный, домой возвратился.

Всё поведал он сыну... В ночи воровски
Двое двинулись к месту, где встанут стрелки.

Вместе вырыли яму у края поляны.
Верил в сына Ширдан, волей злой обуянный.

Было чучело, сшитое сыном из кожи,
На живой образец, как на брата, похоже.

Взявши бережно в руки, его, как живое,
Приласкали и в яму кладут эти двое.

Тут Ширдан наставленья последние дал,
И пошли восвояси – час отдыха мал...

На рассвете Ширдан появляется с сыном...
Все толпой по зелёным пошли луговинам

«Здесь останьтесь!» – сказал на поляне отец,
Сам же сына повёл в самый дальний конец.

Удаляясь, они уменьшались и скоро
Стали мелки, едва достижимы для взора...

Тут Ширдан, ободривши наследника словом,
Возвратился к стрелкам напряжённо-суровым.

Спрыгнул в яму подросток и быстро над ней
Вскинул чучело – куклу с личиной своей.

В это время Ширдан, выйдя к нартам, орёт:
«Всё готово! Стреляйте, но все в свой черёд!»

Свищут стрелы, одна за другой улета.
Попадают, и падает кукла пустая.

Ну а мальчик, мгновенно её подхватив,
Поднимает над ямою с криком: «Я жив!»

Много раз он, казалось, убит наповал,
Но, гляди-ка, опять извернулся и встал!

И растёт удивленье, идут пересуды:
«Это – отрок иль оборотень каменногрудый?»

Если мальчик – душа у него из гранита!
...И стреляют, стреляют, ругаясь сердито.

Скоро солнце опустится за окоём,
Убеждаются нарты в бессильи своём.

«Проиграли, уходим!» – изрек малOVER.
Все согласны, но вдруг появился Нёгер.

КРОВАВОЕ ДЕТО НЁГЕРА

Он, весь день, как всегда, пролежавший на свалке,
Всё глядел на толпу и внимал перепалке.

Всё глядел он и глаз не смежил ни на миг,
И надумал – коварство Ширдана постиг.

Устрашился он, выкрики лучников слыша,
Что Ширдану достанутся все бешкарыши.

Ковыляя, как разом лишившийся сил,
Прихромал он к Ширдану, его попросил:

– Если можно, я тоже, пожалуй, стрельну?
– Ты стреляй, сколько хочешь! Здесь всё на кону!

Подходи! Даже можешь не ставить ты на кон... –
Веселится Ширдан, от удачи размяк он.

Все хохочут и смотрят, как, взявшись за лук,
Встал Нёгер на меже, как прицелился вдруг.

И стреляет – мишень повалилась во мглу,
Но берётся Нёгер за вторую стрелу...

Снова, чучело наскоро установив,
Мальчик высунул голову, крикнул: «Я жив!»

В этот миг засвистела вторая стрела,
Полетела и голову эту нашла...

Тут уж как ни держись, хоть, крепясь, пустословь,
Горе хлынуло в душу, как чёрная кровь.

«Стойте!» – крикнул Ширдан. Через все луговины
Побежал, обезумевши, к мёртвому сыну.

Взявши на руки, к нартам отнёс на межу...
Говорит: «Проиграл я, но слово сдержу!»

Всех своих бешкарышей и княжью печать
Суждено ему было Нёгеру отдать.

И с единственным сыном простясь через силу,
Опустить его с плачем в сырую могилу.

КАКУЮ МЕСТЬ ЗАПЫСЫП ШИРДАН

Себялюбью нет удержу, и по присловью,
Зло рождается злом, кровь смывается кровью.

Раздавила Ширдана несчастий лавина,
Он утратил и честь, и богатство, и сына.

Кривной мести он жаждет и – злобой томим,
И не в силах простить ни себе, ни другим.

Жажда мести терзает его несказанно,
Растравляется злостью душевная рана.

Взгляд на свалку Ширдан в исступлении кинул –
Нынче пусто на ней, и Нёгер будто сгинул...

Стал несчастный до тайн поневоле охоч,
Вышел из дому в светлую лунную ночь.

На пригорке залёг, за дорогой следя,
И узрел небывалое чуть погодя...

Вереницею пленные шли бешкарыши
И ступать по ухабам старались потише.

Ехал сзади Нёгер. Средь безмолвия вдруг
Конь споткнулся о камень – предательский звук...

Всадник спешился, двинул коня кулаком
И убил наповал, дикой злобой влеком.

Как ягнёнка, взвалил его тушу на плечи,
Напугал своих пленников, ждущих увечий,

И погнал их ко входу в одну из пещер...
Там, в подземном жилище, держал их Нёгер.

Вдруг отпрянул от входа один бешкарыш,
Но Нёгер его сцапал: «Куда ж ты, малыш?»

Всех я вас истреблю, и забудете шутки,
Алмасты недоноски и харров ублюдки!»

И на всех бешкарышей обрушив свой гнев,
Гонит их в подземелье, бушует, вскипев.

Было всё, что творилось, так дико и странно,
И тревогой наполнилось сердце Ширдана.

«Да, Нёгер не таков, как я думал досель,
Он – великий ловкач, тот, кто влез в эту щель!

Я в открытом бою его не одолею,
Пересилю лишь хитростью тонкой своею...» –

Напрягая в ночи свой извилистый ум,
Встретил утро Ширдан в смуте сумрачных дум.

Вот из мрака Нёгер, опираясь на палку,
Вышел в рубище и потащился на свалку.

ПОСЛЕДНЯЯ ХИТРОСТЬ ШИРДАНА

Неред свалкою спешившись, вкрадчив и зол,
Встал Ширдан и с Нёгером беседу завёл:

– Если княжеской ты обладаешь печатью,
Если смог ты сравняться с почтеннейшей знатью,

Отчего ж ты живёшь в этой яме вонючей?
Или лучше, чем крепость, навозная куча?

– Ах, Ширдан, обойдёмся без важных словес!
Не глумись над убогим! Куда ты полез?

– Ты, когда тебе надо, всех прытких покруче,
Не ленись же, давай, выбирайся из кучи!

Вот лежишь на объедках и лжёшь мне в глаза,
Притворился калекой, а сам – егоза.

Что ни ночь бешкарышей хватаешь, как тать,
Чтоб загнать в подземелье, а после продать.

Это ведают все, но ведь всем на потеху
То, как ты здесь ютишься... Прислушайся к смеху!

Вот какой никому не желаю судьбы я,
А ведь взял ты печать благородного бия!

Потому, сам вручив тебе эту печать,
Не могу, как чужие, твой стыд созерцать.

Посторонний смолчит, я – смелей и свободней...
Потому-то к тебе и пришёл я сегодня.

Если всё я скажу тебе твёрдо и прямо,
Не сердись на меня, опасайся лишь срама!

– Говори всё открыто, со мною будь строг!
Я сумею услышать любой твой упрёк...

– Твой наряд непристойен и пища скудна,
И хорошего ты не завёл скакуна.

Всё, что в силах от жизни ты взять, ухвати,
Все блаженства, что можешь узнать, ощути!

Глянь: все те, что вчера ещё с голоду мёрли,
Пресмыкались, дивясь твоей зоркости орлей,

Стали знатю, привычное сбросив рваньё...
Больно мне, разрывается сердце моё!

Обнови и наряды, и яства, и ложе...
Конь важнее всего, с вихрем яростным схожий!

– Я согласен, Ширдан, убедил ты меня!
Только где же такого найти мне коня?

– Нет на свете того, что тебе не найти!
Есть скакун богатырский семейства Жети¹...

Если он на земле и ещё не вдали,
То питается чёрною кровью земли.

Взмывши соколом в небо, став легче пера,
Он муку из белейшего ест серебра.

И, легко покидая земные пределы,
Обгоняет он солнца лучистого стрелы.

От звезды до звезды пролагая свой путь,
Может время он сжать, а потом растянуть.

Да, такого коня на земле не обскачат,
В небесах не обгонят... О нём лишь судачат.

Не в обычной конюшне, скакун сокровенный,
Он содержится в крепости девятистенной.

И на самой высокой из башен стоят
Девять лучников метких, поставленных в ряд.

Пусть они иногда покоряются дрёме,
Если тихо вокруг и спокойствие в доме...

---

¹ *Жеті или Жетіевы* – знатный нартский род; Жетиевых было семь братьев, отсюда и название рода, поскольку «жети» означает «семь».

Есть на каждой ограде там девять замков,
И на первой – нашест девяти петухов.

Приходящий туда – беспокойства виновник,
Петухами встречается он, словно кровник.

От беды не уйдёт и вины не избудет...
Как петух запоёт, так и мёртвых разбудит!

– Что же делать, Ширдан, как же их я уйму?
– Не тревожься и знанью поверь моему!

Надо просо промыть и просеять проворно,
Отобрать и прожарить лишь чистые зёрна.

Ты водою оркыт сбрызни это зерно,
Но не так, чтоб размокло и скисло оно.

А потом решето им заполни до края,
Чтобы запах растёкся, дыханье спирая.

Дунет ветер на птиц пестрокрылых, разлапых,
Петухи будут жадно вдыхать этот запах.

Ты, приблизившись, корм петухам протяни.
Благодушными, смиренными станут они.

Вот когда, решето отдвинув, сполна
Петухам одуревшим отсыплешь зерна.

Возликуют они и с ограды соскочут...
Подожди, чтобы каждый насытился ко́чет.

Нежно ты их похвалишь, к себе подзовёшь,
Обласкаешь... и каждому шею свернёшь.

Оторвёшь ты им головы, сунешь в суму
И всё далее к счастью пойдёшь своему.

До собак доберёшься, не склонных к радушью,
Каждой наскоро голову кинешь петушью.

И, виляя хвостами, визжа и урча,
Будут пищу хватать, что ещё горяча.

Ты погладишь им головы и, не облаян,
В этот мир заповедный войдёшь, как хозяин.

– С петухами управлюсь и псов усмирю,
Но скажи, как запоры потом отворю?

– Мне доверься, и тайну ключей я открою...
Ты в каких отношениях с замужней сестрою?

– Из единой утробы мы вышли с Гошою,
Отношенья у нас – как у тела с душою!

– Что ж, отлично, тогда не промедлим ни дня...
Ну, теперь повнимательней слушай меня!

Был я гостем Жетіевых. Рад был узнать их...
Как теперь не сказать о семи этих братьях!

Много дел по хозяйству, но, что ни возьми,
Для себя что-то выбрал любой из семи.

Но, конечно, отец всем владеет и правит,
Не устал ещё старый и дел не оставит.

Там у каждой невестки немало забот,
А ключи от конюшни Гошá бережёт...

И уж дальше учить нет охоты и сил,
Лишь сестре не скажи, кто тебя подучил!

Пусть беседа в душе затаится глубоко,
Чтобы нам не увидеть могилы до срока.

БЕСЕДА НЁГЕРА С ГОШОЙ

У Ширдана поганого визнавав о многом,
В неизменном обличье своём колченогом

Шёл Нёгер по селу и предстал пред Гошой,
И вручил ей сполна свой барыш пребольшой,

Всё, что смог получить от продажи полóна...
А лицо у Нёгера тоскливо, бессонно.

– Горе мне! Отчего ты так грустен и сер?
Или ты заболел, брат любимый Нёгер?

Что стоишь на пороге? Войди же в мой дом!
– Ничего... Не умрём, так ещё поживём!

Да чего же мы в жизни с тобой не видали,
Ведь под гнётом сиротства мы жили в печали!

Все невзгоды осилила наша природа,
Вот невесткою стала ты знатного рода.

Ты – в жилище, где смешана с мёдом еда!
Видя счастье своё, я ликую всегда.

Но не чувствую я твоего отношения...
– Вот злосчастье! Какие же в этом сомненья?

Кто же есть у меня кроме милого брата?
В чём я, в чём я, Нёгер, пред тобой виновата?

Без тебя как жила бы я здесь на земле,
Одинокая ель на пустынной скале!

– Да, сестрица, живём мы, друг друга любя,
В мире этом я счастлив, лишь видя тебя!

Жизнь на мусорной куче проходит моя,
Словно нищий, питаюсь объедками я!

Это ты из одежды мне даришь хоть что-то,
Но слабею – здоровье съедает забота.

Всё труднее сейчас мне ловить бешкарышей,
И цена их, упав, не поднимется выше.

И такого нигде не сыщу я коня,
Чтоб разыскивать их, по ущельям гоня.

Если б славный конёк мне достался теперь,
Я тогда бы, как в юности, только поверь,

В дебрях сотнями этих ловил коротышек,
В самых дальних краях продавал бы излишек

И всю прибыль тебе приносил бы, спеша!
Век на радость твою я глядел бы, Гоша!

Как же я торжествую при виде её,
Нет мне радости большей, чем счастье своё!

– Что ж нам делать, Нёгер, как помочь тебе, брат?
– Всё ты можешь, сестра, хоть тебе невдогад...

– Говори же, я слушаю, будь прямодушной!
– ...Этот конь ведь находится в вашей конюшне,

А ключи – у тебя, я ведь знаю, сестрица...
Мне без лошади этой не жить, а убиться!

– Ах, я бедная! Чья это злая затея,
Кто тебя надоумил, от злости лютея?

Как ты смел ко мне с умыслом этим прийти?!
Сам ты ведаешь нравы семейства Жети:

Если конь пропадёт, как уж слёзы ни лей,
Будут кровь мою пить, не насытятся ей!

Да коня и украсть невозможно никак!
Девять злых петухов, девять злобных собак...

Девять лучников двор стерегут, и ни шагу
Не успеешь ты сделать – прикончат беднягу.

– Всё я знаю, сестра, но твоих я умнее,
И на всякую пагубу средство имею.

Умоляю, душа моя, дай мне ключи,
Очень скоро получишь их вновь, и молчи!

Кто меня заподозрит, на хворь мою глядя?
Ты в удачу поверь, и не будем внакладе!

На коне богатырском я много земель
Огляжу и изъезжу, где не был досель.

В самых дальних краях я пройду по следам,
Наловлю бешкарышей, удачно продам.

И всю прибыль тебе принесу я навалом
И увижу в богатстве тебя небывалом.

Ты – опора души моей в горькой судьбе,
Смысл всей моей жизни – лишь только в тебе!

«Что ж, душа моя, брат, знаю я наперёд,
Что отныне меня гибель страшная ждёт.

Но люблю я тебя и свой жребий приемлю,
И готова уйти в эту чёрную землю.

Значит, выхода нет, вот ключи, мой родной!
Только помни, что может случиться со мной!

И себя береги...» Брат, довольный беседой,
Молвил: «Всё хорошо! И на горе не сетуй!»

Взяв ключи у сестры, сжал их твёрдой рукой
И в карман положил... Вот он, цепкий какой!

Вдохновлён и встревожен, страшась злополучий,
Захромал и направился к мусорной куче,

Всех приветствуя встречающих, ведь молвить не лень:
«Пусть счастливым и солнечным будет твой день!»

НЁГЕР КРАДЁТ БОГАТЫРСКОГО КОНЯ ЖЕТИЕВЫХ

В усыпительной тьме, что склонилась к ущелью,
Встал Нёгер и пошёл к своему подземелью.

Приготовив, что нужно, продолжил свой путь
В дом Жетиевых... Нет, в эту ночь не уснуть!

И когда повернулся он к ветру спиной,
К дому двинулся запах оркыта хмельной.

Петухи присмирели и сделались кротки,
Голод злой их прожёт от желудка до глотки.

Тут посыпалось просо, и вкусную сыть
Стали птицы клевать, а Нёгер – их душить.

Срезав головы и положив их в суму,
Он к собакам приблизился, страшным ему.

Но они, обморочены духом оркыта,
На Нёгера взирают не так уж сердито.

Он швыряет подачку, и, чувствуя зуд,
Псы виляют хвостами и мясо грызут.

Как они благодарны, свирепые звери,
И юлят, и хозяина видят в Нёгере!

Дремлют лучники, их сновиденья легки,
А Нёгер отпирает бесшумно замки.

И в конюшню врывается нетерпеливо,
Наконец-то увидел он дивное диво...

Вот стоит белый конь, что ни миг хорошея...
Заострённые ноздри и длинная шея,

Грудь крута, широка, ну а круп ещё шире –
Столько стати и мощи не видано в мире.

Серебристая грива тверда и пышна,
Зубьям частого гребня подобна она.

Громоздятся копыта, большие, как блюда,
Как паучьи, изогнуты ноги – о чудо!

Плотно сомкнуты веки – ни блеска, ни взора,
Будто дремлет скакун и не видит он вора...

Похититель смутился и дерзость утратил,
Но себя пересилил и гриву погладил.

Белый конь будто ожил, огнём полыхает.
Вот уздечку Нёгер на него надевает,

И пошёл из конюшни с конём в поводу,
Плеть, подобную молнии, взяв на ходу.

Вновь навесив замки, пот утёрши с лица,
Он к заветной пещере повёл жеребца.

А оттуда к сестре устремился, спеша,
Чтоб, ключи получивши, вздохнула Гоша.

Успокоил, своё сообщил ей веселье
И, не медля, назад побежал в подземелье.

Сел в седло, расхрабрился и, словно дразня,
Плетью-молнией грозного тронул коня.

Конь рассёк темноту, взмыл над сонной долиной,
Облака разгоняя, как пух соколиный.

С каждым новым касанием огненной плети
Он летел всё быстрее от планеты к планете.

Не сбиваясь с пути, от звезды до звезды
Мчался конь напролом сквозь огни и сквозь льды.

Окоёма не ведая за окоёмом,
Уносился всё дальше к мирам незнакомым.

И не знает никто, где он был, с чем столкнулся,
Но миры облетел и на Землю вернулся.

А пока в небесах пролетал он стремглав,
Много дней на Земле протекло, промелькав.

Жить с таким скакуном невозможно поврозь...
Так мечтанье Нёгера чудесно сбылось.

ШЕСТЬ ШИРДАН

«Эти братья Жетиевы – страшная сила,
Всех она обессилила и придавила!» –

Так народ говорил, но молва солгала:
Есть сильней силачи... Вот какие дела!

Зря Жетиевы ищут коня золотого!
Клятву мести дают они снова и снова,

Только проку не видно от клятвы напрасной,
Нет коня, хоть убейся... О стыд ежечасный!

Ходят братья с расспросами, жаждут расправы,
Землю роют ногтями, корчуют дубравы...

Конь унёсся по ветру, как хлопья золы,
Семь голов от мучительных дум тяжелы.

И не знают, куда им направиться, братья
И кого заподозрить – всё громче проклятья!

Утешают друзья – хоть из дома беги,
И вздыхают, но втайне ликууют враги.

Ну а зять Гилястан суетится и рыщет,
Но, как видно, опять ничего он не сыщет.

О догадках своих извещает народ,
Только пищу давая для новых острот.

И уж сердце его изнывает от злобы,
Он хотел бы проклясть, но не знает, кого бы!

У клубка нет начала, у нити – концов,
Вот уже к Сатанай посылают гонцов:

– Помоги! Только ты ведь – гадать мастерица!..
– Сила мыслей моих за конём не умчится!

В непостижном смятении чувств Сатанай.
Что за речи срываются с уст Сатанай!

– Тяготенье Земли в дивный ларь поместили,
Тяготенье коня, что близнец этой силе!

Бродит сила Земли в том ларе, и, горя,
С нетерпеньем по трубке бежит из ларя.

Прянув молнией, силу коня подтолкнуло...
Конь из виду исчез среди грома и гула.

Стрелы Солнца обгонит он, скрывшись вдали,
Где уже истощается сила Земли.

Где иные миры его мощь подкрепили,
Конь во чреве растит близнецов своей силе.

И от мира до мира быстрее, всё быстрее,
Словно мысль, долетает по воле своей.

...Что за скорость! И где он – поди разужнай!.. –
Так гонцам отвечает сама Сатанай.

Помрачнели семь братьев, но пыл Гилястана
Не угаснет, и розыск идёт неустанно.

Но достался несчастному крепкий орешек
И мириться приходится с градом насмешек.

Видят нарты, в какой угодил он капкан...
Но однажды пришёл к Гилястану Ширдан.

И ему говорит, отведя в уголок:
– Слушай, нарт Гилястан, ты совсем изнемог!

Ибо тягостно умному жить среди глупцов,
Быть возвышенно-чистым в толпе подлецов.

Вижу я, Гилястан: мы с тобою похожи,
Средь ублюдков живу и терплю от них то же.

Но скажу тебе, друг мой: зови, как зовёшь,
Правду правдой и ложью бесстыжую ложь!

И меня ты прости за правдивое слово,
Не брани, не суди меня слишком сурово!

За тебя я душою болею, пойми!
Всё снесу и за истину лягу костью.

...Как обычно, домой отправлялся я поздно.
Шёл я вечером, было так ясно и звёздно.

И когда я добрался до Нартского моста,
Содрогнулся от клёкота, гула и хлёста.

Показалось, что мчится громадный орёл...
Тяжкий грохот сразил меня, в ужас привёл.

Убежал я, засел под мостом и оттуда
Видел, глянув украдкой, великое чудо...

Был скакун столь красив, что сходил я с ума,
А наездника скрыла, окутала тьма.

Понял только, что всадник хоть бодр, но тщедушен,
Ну а конь – из жетиевских, видно, конюшен.

Всадник жуток, скакун его неодолим...
Видел я, невозможно приблизиться к ним.

Если нарт лунной ночью устроит засаду,
Там, где мост и река открываются взгляду,

И дождётся здесь позднего всадника, с ним
Метким выстрелом сможет покончить одним.

Но уж если нечаянно он промахнётся,
То поверь, что вторично стрелять не придётся.

И свидетель Тейри, что расплата тяжка:
Гневный всадник в живых не оставит стрелка...

Никому не обмолвись о сказанном мною,
Но сходи-ка в то место порою ночью

И судьбу испытай, но бахвальство забудь,
Умоляю тебя, осторожнее будь!

Если груз не по силам, не будет укора,
Если вдруг повезёт, покараешь ты вора!

Сразу пасти заткнёшь всем насмешникам злым,
А в гнезде родовом станешь славен и чтим.

Знаменосцем ты будешь жетиевской рати...
Всё, что знал, рассказал я, прости, коль некстати.

Пусть твой путь осеняет Верховный Тейри!
Мне пора, ухожу, ну а ты, брат, смотри!

«Что ж, счастливо! – сказал Гилястан, – в добрый путь!»
И, оставшись один, хочет что-то смекнуть.

Неизвестности страх жалит душу и гложет,
И вечерней зари нарт дожидаться не может.

Наконец-то пришла долгожданная ночь,
Чтоб глаза отходящим ко сну заволочь.

И пошёл Гилястан, полон лютой тревоги,
Прямо к Нартскому мосту по горной дороге.

Там в засаде залёг, видя всё, что вокруг,
Затаился, стрелу наложивши на лук.

Местность полной луною была осиянна,
Ожидание длилось, томя Гилястана.

Бремя ночи уменьшилось в утренний час...
Гул полёта раздался и воздух сотряс.

Полыхнувшая сине-зелёным огнём,
Стала буря крылатая дивным конём.

Вот, спустившись, покинувши звёздную высь
И коснувшись земли, перешёл он на рысь.

Нарт коня узнаёт, что так мощен и статен...
Кто же всадник? Его не сумел опознать он.

– Если точно его не возьму на прицел
И останется он после выстрела цел,

Если сделать сумеет он выстрел ответный,
Тут-то мне и конец – все мучения тщетны.

Он увешан оружием, нещаден и рьян...
Содрогнулся, в отчаянье впал Гилястан.

Тетиву оттянул, не жалеючи сил,
И, прицелившись метко, стрелу отпустил.

И вонзилась она прямо в грудь конокраду,
Выпал вмиг из седла вор, попавший в засаду.

Конь чуть-чуть отбежал, встал, опасливо глянув,
Но ещё не прошёл смертный страх Гилястанов.

Вдруг упавший поднимется, гневен и зол?...
Гилястан к неизвестному не подошёл.

К скакуну он приблизился, взял за узду
И повёл его, крепко держа в поводу.

Так в жетиевский дом, кончив горести разом,
Гилястан возвратился с конём и рассказом...

– Так, но кто он? Кто столько нам горя принёс?
– Кто же знает! Лежит на мосту этот пёс...

Не сумел я в той тьме разглядеть святотатца,
Да и честь велика, чтоб ещё ковыряться.

Растянулся – лежит, словнодохлый ишак...
Рассветёт – всё узнаем, сейчас я иссяк.

Но пока отдохнём, ведь заря уже скоро,
Не спешите – ещё наглядимся на вора!.. –

Он теперь без конца может присказки плесть,
В дом с конём возвративший семейную честь.

На рассвете, пройдя от селенья версту,
Нарты в страхе увидели труп на мосту.

Это был богатырь в драгоценном наряде...
Все не верят глазам, все печалются, глядя.

«Но ведь это – Нёгер!» – кто-то крикнул из братьев.
Все смутились, от ужаса словно бы спятив.

Жажда мести угасла, а речь Гилястана
Комом в горле застыла... Толпа бездыханна.

Вышло так, что дорожке молочного брата
Этот конь оказался... Глядят виновато.

Гилястану – позор! Потрудившись немало,
Сделал то он, что делать ему не пристало.

И виной – ядовитый Ширданов язык.
Всё поняв, Гилястан головою поник.

«Подлый пёс, поглядишь, чем отвечу тебе я!» –
Говорил про себя Гилястан, свирепея.

Ну а как отомстит он, покажет лишь время,
А сегодня красуется враг перед всеми.

Нарядился Ширдан и встречает жену,
Привезли издалёка красотку одну.

Вот играет кобуз, слышен гром барабана...
Даже празднество это – отмщенье Ширдана.

Некий гость сообщает, что умер Нёгер...
«Я не знал! О, как больно! – кричит лицемер. –

Гости милые, свадьбу сейчас остановим!
Умер друг наш и родич по всем родословьям!

В цвете лет и во всей богатырской красе...
Собирайтесь, идём соболезнавать все!» –

Так вещает Ширдан, свой возглавивший род,
А от рожи довольством и счастьем несёт.

Вот пошли сострадатели к дому Нёгера...
Горьких мук Гилястана исчерпана мера.

В доме крик... Словно суд на собою верша,
С воем ножницы в сердце вонзила Гоша.

В этом доме две смерти... Томясь и тоскуя,
Песнь об этом струится, как жалоба кюя.

Так вот злом порождается новое зло...
Неужели всё это в обычай вошло?

Кровь смывается кровью – убил, и умри!
Сохрани нас от этого, Грозный Тейри!

ПЕСЬ ГИЛЯСТАНА ШИРДАНА

Словно не было раньше детей у Ширдана!
Долгожданная дочь так мила и желанна,

Что рожденье её он отметить готов
С неужёмною пышностью давних годов.

Длится той семидневный, неистовый той,
Все насыщены мясом и крепкой бузой.

Сон мешается с явью, в сознание туман,
Не утратил рассудка лишь бодрый Ширдан.

И врагу отомстил он, и свадьбу он справил,
А теперь вот себя и с потомством поздравил.

Много выслал гонцов за гостями Ширдан,
Пир для тысячи нартов невиданный дан.

Гилястан получил приглашение дважды...
Мести жаждущий, движимый муками жажды,

Всё же он появился на пире Ширдана.
– Дорогой, поздравляю, я рад несказанно!

Дочь твоя – точно след от летящей звезды,
Ослепительно-ярки такие следы.

Пусть всё сбудется с дочкой по воле твоей,
Пусть летит, как стрела, твоя дума о ней!

Гордо высится крепость твоя золотая,
И тебе же досталась жена молодая,

А теперь ещё дочь у тебя родилась...
Все завидуют, счастьем такому дивясь.

Но тому, кто твердыню воздвиг золотую,
Нужен лук золотой, я ведь знаю и чую...

Потому-то дарю тебе, брат мой и друг,
В день рождения дочки твоей этот лук.

Та стрела, что из этого послана лука,
Не пронзает безвинных – Тейри в том порука!

Но того, кто виновен, пока не найдёт,
Будет всюду искать, не прервавши полёт.

И того, кто бежит, тайной силой ведома,
Будет цепко до самого гнать окоёма.

И, сама направляя себя до конца,
Непрерывно найдёт и пронзит беглеца.

Мой подарок бери и возрадуйся, брат,
Я тому, что свершится, не менее рад...

Он Ширдану вручил своё дивное диво,
И Ширдан благодарный ответил учтиво.

Год прошёл без событий... Ширдана кляня,
Долго ждал Гилястан подходящего дня.

Но однажды посланцы явились нежданно:
«У Аликовых – той, и зовут Гилястана!»

Гилястан, не промедлив, явился на той...
Вот и ворог в одежде своей золотой!

Что за пышный наряд в этот день на Ширдане,
Что всегда разодет в драгоценные ткани!

За кушак его заткнута, дивно-светла,
Золотым опереньем сверкает стрела.

Поглядел Гилястан на стрелу золотую
И сказал, подобравшись к Ширдану вплотную:
– Бий Ширдан, дорогой, рад тебя повидать я! –
Руку крепко пожал, заключает в объятья.
– Как, и ты здесь? – Ширдан отвечает вопросом,
Радость выразив, сделался сладкоголосым...
Сам себе на уме: «Я превыше всего –
Песен, плясок, наук... Выше нет никого!
В мире – двое, лишь я и Верховный Тейри!»
Вот как важен Ширдан – гнись и снизу смотри!
Ну а сам ни на ком не задержит он взгляда...
Гилястану сейчас ублажить его надо.
Что бы тот ни сказал, этот вторит, как эхо,
И доволен Ширдан: Гилястан – не помеха!
– Ах, Ширдан дорогой, хвор я, клонит ко сну,
Нет, вернусь я домой и чуть-чуть отдохну!
Как взбодрюсь я, как выпью целебный настой,
То сюда возвращусь, ведь не кончится той.
А потом сможем вместе домой возвратиться...
– Что ж, иди и лечись, если нужно лечиться!
Только знаешь, о дочери вспомнил я вдруг...
На обратном пути сделай маленький крюк
И в мой дом заезжай. Если всё хорошо там,
Успокоишь меня... Я сейчас как под гнётом...
– Обещаю! – сказал Гилястан. – Не забуду! –
И домой поспешил, позабывши простуду.
Одеяние харра сыскал он в дому,
Завернул и в седельную спрятал суму.
Взял стрелу и себя наконечником ткнул,
Всё изранил плечо по дороге в аул.
Сделав так, чтобы кровь проступила багряно,
С буйным криком подъехал он к дому Ширдана:
– Кéлин ¹, кéлин! Тревога! В ауле – враги!
Ранен храбрый Ширдан... О Тейри, помоги!

---

¹ *Келин* – невестка, сноха.

Был в сознание твой муж, но, подняться не в силах,
Он велел мне, заботясь о близких и милых:

«Верный друг, поспеши, и княгине моей
Передай, чтоб из дома ушла поскорей.

Пусть, одевшись, как харры, в таком ералаше
Нашу дочку спасает и золото наше...»

Что ж ты стынешь на месте? Ведь рядом враги!
Забирай всё, что надо, и в чашу беги!

А уж я возвращусь к тем, кто в битве сейчас... –
Гилястан попрощался и скрылся из глаз.

А плечо всё кровит, и струя беспрестанна...
Видно издали всадника, бия Ширдана.

Угадал Гилястан, что тревожно ему,
Кровью быстро провёл по лицу своему.

А потом, задыхаясь, хватаясь за рану,
До Ширдана добрался и молвил Ширдану:

«О Ширдан, твоя дочка похищена харром,
Я помчался в погоню за хищником ярим.

Я нагнал, но меня он поранил стрелою.
Поспеши, чтобы дочка осталась живою,

Но прошу я: чуть дальше держись от врага,
Помни участь мою, если жизнь дорога!

Этот харр – в красном платье... Раз-два, и готово!
Без раздумий из лука стреляй золотого!

Путь отыщет стрела, дочь твою не задев...
Так смелее, Ширдан, разом выплесни гнев!

Прямо к лесу скачи! Знаю – нет терпежу...
А пока я плечо своё перевяжу.

И потом догоню тебя и помогу,
Если вместе возьмёмся, не скрывать врагу!» –

Молвив так, выпал он из седла на поляну...
А Ширдан скачет к лесу, и страшно Ширдану.

Вот он издали красное видит пятно,
Сердце сжалось, стучит учащённей оно.

«Мне, пока этот харр, этот изверг смердящий,
Не увидел меня и не спрятался в чаше,

Стоит выстрелить – жизнь его разом прерву...» –
Так подумал Ширдан, натянул тетиву,

И, вздохнув глубоко, вздохом смяв селезёнку
И прицелившись, выстрелил харру вдогонку.

Похитителя он положил наповал...
«Где же дочь? – спохватился и к ней побежал. –

Почему же не слышно её голоска?» –
Гложет душу тревога, и правда близка...

Наконец, он увидел, дрожа, холодея,
То, что тронуть могло бы сейчас и злодея.

Как же быть потонувшему в этой крови?
И никто не поможет, кого ни зови!

Ведь единой стрелой пронзены, как шампуром,
Стынут дочь и жена перед нартом понурим.

Рты раскрыты... Он видит, что души из тел
Не успели уйти, но уж мир опустел.

И княгиня, и дочь – обе, обе мертвы!
Красной кровью забрызгана зелень травы.

И глаза отвести у Ширдана нет сил...
К небу взор обратил он и вдруг возопил.

Стал от крика чернеть он, схватясь за виски;
Дрогнув, сердце его порвалось на куски.

На опушке – три трупа... Чего уже плоше!
Для души это зрелище – страшная ноша.

Гилястан подошёл, поглядел тяжело,
Жизни нет в его взгляде, глаза – как стекло.

А потом отвернулся, помчался в аул,
Огорошил всех встречных, народ всколыхнул.

Всех созвал и знакомому нарту Кубу
Сокрушённо про злую поведал судьбу:

– Занедужив, на время покинул я той...
Возвращаюсь. И слышу раскат громовой.

Вся земля содрогалась от крика Ширдана,
Он жене угрожал и надменно, и бранно:

«Стой, тебе говорю я! Куда ты бежишь?
Ты меня разъярила... Ну, кто так бесстыж?!

Я из грязи извлёк тебя, вывел в княгини,
Ты, как видно, заелась! Где разум твой ныне?

Нет, меня не обманешь ты в харрском наряде!
Возвратись, я прощу тебя дочери ради!

Ты взяла драгоценности... Ведайте, боги,
Что тебе изломаю я руки и ноги!

А за то, что похитила дочку мою,
Отниму твою душу и плоть раскрою!

Дочь мою возврати! Драгоценности выдай!»
Был унижен Ширдан, насмерть ранен обидой.

Всё гонялся за бедной женой и вопил он,
А потом всё, что видел я, и сотворил он.

Но одумался, болью пронзённый насквозь...
Богатырское сердце его порвалось! –

Так сказал Гилястан и повёл он Кубу
К месту жуткой стрельбы, проклиная стрельбу.

Ложь быстрее, чем правда, она – как зараза...
По аулу пошёл пересказ пересказа.

И когда с похорон все пошли по домам,
Всё расписывал каждый по-своему сам.

В Тыхтен тау ¹, в аул, что на горном горбу,
Возвратился с печальной вестью Кубу.

Этой вестью взволнована, потрясена,
Словно громом средь ясного неба, страна.

И неведома правда – всё сплетни да брех...
Гилястан лишь ликует, шепча: «Ох-ох-ох!»

Как умело свершил он кровавое дело,
Эта пёсья душа всё взяла, что хотела.

---

¹ *Тыхтён тау* – гора и местность недалеко от Эльбруса.

КУБУ И ГУБУ

КУБУ

Сын Дебета Кубу́ выбрал долю свою:
Первый он коневод в нартском вольном краю.

И его табуны у горы Тыхтен тау
Щиплют в пышных лугах мураву и отаву.

А его Сарасán, молодая жена,
Всем соседям на зависть, светла и стройна.

Огляди всю округу, селенья окрест,
Скажешь ты, что она всех прелестней невест!

Всем красавицам – горе, а мужу – отрада...
Сам Кубу неказист, не пленяет он взгляда.

Но велик его дар, его память крепка,
Схватит взглядом одним всех коней косяка,

Настоящую цену за лучших даёт,
А потом получает отменный приплод.

Коневоду жена помогает умело,
И всегда они рядом, и спорится дело.

Дни проходят в труде, и приносят кобылы
Жеребят, богатырской исполненных силы.

И растут эти кони для рати геройской,
Чистокровные лошади нартского войска.

И за лошадь надёжную с этим тавром
Чужеземцы готовы платить серебром.

«Кто душою богат, тот и горя избег,
Не сочтёт он себя жалким нищим вовек!» –

Так Дебет говорит и гордится, что сын –
Коневод несравненный всех нартских долин.

Долго дом без детей был угрюм и уныл.
Вдруг Тейри этой паре дитя подарил.

Сарасан и Кубу как-то шли вдоль Кубани,
Птицы пели, и волны – в живом колебаньи...

Время родов настало внезапно, и с плеч
Бурку скинул Кубу, чтоб возлюбленной лечь.

И на бурке, пока рокотала стремнина,
Родила Сарасан несравненного сына.

Как мелодия лился младенческий плач,
А уж стоило мальчику голос напярчь,

Все цветы распускались, став пёстрою тканью...
А напевы, рождённые пенной Кубанью,

Вместе с песнями птиц, гомоня, шелестя,
Набегали, касались, ласкали дитя.

Эти песни текли, разливались по жилам,
Ставши даром природы, что редким по силам.

Песне веянья летнего вторил ребёнок,
Заливался, и отзвук утёсов был звонок.

«Что за мальчик, да он неземной, не отсюда!»
Для родителей сын – невозможное чудо.

Не поняв, что земная природа щедра,
Дали сыну желанному имя Борá¹.

Сыну радуясь дивному и золотому,
С ним пошли от кубанского берега к дому.

Разливалась их радость по нартским селеньям,
В дом друзья и сородичи шли с поздравленьем.

Средь друзей был Губу́ на пиру в честь Бора...
Вот об этом Губу́ нам поведать пора.

---

¹ Борá – эхо.

ГУБУ

Этот щёголь Губу, он – Аликóв по крови,
А уж им щеголять, красоваться не внове.

Богатеи, возвысившись над беднотой,
В месяц раз, не скупясь, всех сзывают на той.

Говорят, что Аликовы делают это,
Домогаясь почёта, признанья, привета.

Не затеют раздоров, хранят свой уют
И своих сыновей на войну не пошлют.

И предлоги находят они год от года,
А когда возвращается рать из похода,

Для вернувшихся рады устроить пиры...
Все Аликовых славят за то, что щедры.

Ни врагов, ни друзей нет у них после пира.
И обрюзгшие души заплыли от жира.

Лишь Губу на сородичей не был похож.
Простодушным подростком такого сочтёшь,

Но когда разозлится, то, словно палач,
Лошадь хлещет он плетью, жесток и горяч.

То летит без оглядки, то мчится по кругу,
А вернувшись, в сердцах обращается к другу:

– Мой Кубу, не могу я поправить беду,
В мире этом я места себе не найду!

А сородичи могут одно – угождать,
Для меня их умение – тяжкая кладь.

Как хотел бы я, не отступаясь, по праву,
Взять на трудном пути настоящую славу.

Но, увы, прилетают, раскинув крыла,
Лишь в гнездо моих снов и почёт, и хвала!

Как мне цели достичь? Отчего я не рад?
А как будто пригож и могуч, и богат...

Отчего ж мне мерещится всюду могила?
Та, кого полюбил я, меня не любила.

Я душой к ней тянулся с мальчишеских лет,
К ней тянулся, но дерзости слышал в ответ.

А потом за ничтожного вышла назло мне.
Разве этот слизняк – мне соперник и ровня!

Я ль коней не люблю!.. Отчего же горит
От обиды душа? Нет больнее обид!

Ведь, как видно, пропали труды мои даром,
И не стать моему жеребёнку тулпаром!

Ах, Кубу, и жена у тебя хороша,
И богатства всё больше – не счесть барыша.

Я всё больше беднею, живёшь ты богато,
И тулпарами стали твои жеребята.

Превращаешь любую травинку в стога,
Жизнь к тебе милосердна, со мною строга.

Превосходишь меня дарованьем всего лишь,
Но сравнится со мною себе не позволишь.

Я ведь лучше тебя, что ж мне жизнь не мила,
А тебе достаются почёт и хвала?!

Говорит простодушный и щедрый Кубу,
Хочет падшего друга поднять на борьбу:

«Не печалься, мой друг, твоё счастье найдём,
Поколения нашего станешь вождём!

Не грусти, приведёт тебя к славе дорога,
Ты, конечно, всех нас превосходишь намного...»

Были чистосердечными речи Кубу,
Но Губу чуял тайную в них похвальбу.

И почудилось, будто с высокого дуба
Собеседник вещает надменно и грубо.

Отчего-то решив, что унижен жестоко,
Удалился Губу во мгновение ока.

Но пришлось с поздравленьем идти на поклон,
И увидел поющего мальчика он.

Зависть сердце пронзила... Губу, чуть не плача,
Говорит: «Лишь тебе достаётся удача!..

Есть опора под старость... Каков молодчина!
Я тебя поздравляю с рождением сына!»

Убежал и вернулся... Почти на бегу
Он вручает младенцу свирель-сыбызгу.

Говорит: «Я спешу». И, оставив подарок,
Исчезает, не видя ни лакомств, ни чарок.

И томится в дороге угрюмый Губу,
Проклиная нелепую, злую судьбу.

Вот вся жизнь проплыла перед мысленным взором...
Видит всадник с улыбкою детство, в котором

Всё-то чудится: мальчик он, десятилетка,
Ставит друга Кубу на лопатки нередко.

Камень кинул всех дальше и цель им расшиб,
Всех длиннее сумел растянуть чайыр жип ¹.

Стал быстрее всех мальчиков, скор на обгон,
Столько выиграть альчиков мог только он...

В детстве первенства он не отдал никому,
Не видал среди сверстников – равных ему.

– Был и в детстве я самый смышлёный и ловкий,
И никто не сравнился со мной в джигитовке.

Кто любил Сарасан так, как я? Почему
Мне она отказала? Вовек не пойму!

Отчего же она отдалась полудурку,
Моё сердце зачем расколола, как чурку?

---

¹ *Чайыр жип* – «смоляная верёвка»; её растягивали во время игры.

Ах, не в силах ничто угасить этот пыл!
Был я чист, от Кубу раны сердца таил...

Им как будто достигнута счастья вершина,
И любимая мной родила ему сына!

Слеп народ, и слепцы славословят Кубу.
Не завидую: он вынес всё на горбу...

Только пусть не злорадствует этот убогий,
Никогда не встаёт у меня на дороге!

Я скуплю кобылиц и взращу жеребят,
И тавра моего кони всех победят.

Будет сила тулпаров моих величава,
Громче славы Кубу прозвучит моя слава.

Он увидит, что я вознесён к небесам,
И оплачет ошибку свою Сарасан!

СОСТЯЗАНЬЕ КОНЕВОДОВ

Дни и годы летят, набегают лавиной,
Тот рождается, этот становится глиной.

Это делает время, стирая следы,
Время мчится, земные законы тверды.

Тот на место почёта привычно идёт,
Взашей гонят кого-то – не стой у ворот!

Все мы в чём-то похожи, и ты посмотри:
Всем особую участь назначил Тейри.

Вот и слышится зависти голос зловещий...
Нартство и человечность – различные вещи!

И всё чаще идут они прямо вразрез,
Отличаются, словно Земля от Небес.

Людям нартство пожалуй, Верховный Тейри,
Ты хоть малость его и Губу подари!

Отчего там собрался народ в Тыхтен эле?
Будем знать, почему и толклись, и шумели...

Вёл Губу лошадей своих, годных к показу.
Мнилось, нарты на них посмотрели все сразу...

То робеет он, то выступает смелей,
Сам, волнуясь, глядит на чужих лошадей.

Сколько знатных коней мчалось в облаке пыли
От хазарских степей, с Черноморья, Адили!

Мингитауских также немало кругом,
Не примнут ни травинки в пареньи крутом.

И восторженный рокот прошёл в многолюдьи...
На почётных местах размещаются судьи.

Зорким оком Губу всё ухвачено вмиг,
Но не видно Кубу, он в толпе не возник...

Говорит себе: «Хоть бы он сгинул, проклятый,
Чтоб меня, победителя, славил глашатай!» –

Так бормочет, волнуется, чует беду...
А соперник ведёт двух коней в поводу.

– Ты откуда, проклятый? – Губу разъярён.
А Кубу улыбнулся и отдал поклон.

Вот оценщики к лаве приблизились конной,
Слышно: спор начинается неугомонный.

Рассуждают о статях, кровях и копытах
И находят в строю скакунов именитых.

Рысаков, иноходцев, летучих коньков...
Всё-то знают о каждом до самых подков.

Нынче все скакуны хороши, но гляди:
Снова кони Кубу, как всегда, впереди!

А ведь кони Губу – украшение строя,
Но и всё ж таки заняли место второе.

Руку старому другу Кубу протянул...
Отвернулся Губу, стал угрюм, остроскул.

Удалился с лицом, перекошенным в злобе,
И домой возвратился как будто в ознобе.

– Вновь Кубу обошёл меня... Горе кругом!..
Но отныне он стал моим кровным врагом!

Крепок враг мой, но, если чего-нибудь стою,
Одержу я победу любой ценою!

Клялся, плакал всю ночь, мести жаждал в пылу,
И сгорала душа, превращаясь в золу.

КРОВАВОЕ ДЕЛО ГУБУ

Пролетели три года, и, занятый делом,
Ни о чёрном не скажет Губу, ни о белом.

Подлость чует Кубу, всё надеясь, что вдруг
Вновь лицом просветлеет замкнувшийся друг...

А Губу, пропадая на выпасах где-то,
Жеребят своих пестовал каждое лето.

Он все осени, зимы и вёсны – в труде,
Крупный пот проливает неведомо где...

Всё так трудно давалось, ведь не было дара,
Но за дело он брался упорно и яро.

А меж тем всё легко удаётся Кубу,
Ведь похоже искусство его на волшбу.

Всё он знает: как с порослью быть молодой,
Чем насытить – какую едой и водою,

И случать кобылицу с каким жеребцом...
Всё он чует и в грязь не ударит лицом.

Этим нёукам – то, тем – должно быть, другое...
Знает дударь, что занят своей сыбызгою,

Что за звук затаился в любом желобу...
Коневодство, как музыку, знает Кубу!

Выше славы он ценит своих жеребят,
А Губу ради славы всем жертвовать рад.

И хоть собственной сути не ведают оба,
Этот подлинно добр, в том – лишь зависть и злоба.

Зависть мучает, злоба бессильная гложет...
«Прямодушному, друг мой, Всевышний поможет!» –

Улыбался, здороваясь с другом, Кубу.
Безучастен был к этим улыбкам Губу.

Ночь настала – сомкнуть он не может ресницы.
«Если враг будет жить, мне уже не пробиться!»

Будет через неделю ристалище вновь,
Проиграю – из сердца вся вытечет кровь.

Сколько сил отдавал я, работая бодро,
Я ведь целых три года ждал этого смотра!

Если вновь поражение, мне – горе и срам!
Я, должно быть, не выживу, душу отдам!

Кто же даст мне совет? Я пойду к Гилястану,
Исцелить он поможет душевную рану...»

Как надумал, так сделал... Печален и зол,
Утром в дом Гилястана с гостинцем пришёл.

Двух коней подарил и, раскрывши объятья,
Поприветствовал. Встретились нарты, как братья.

Всё как есть рассказал Гилястану Губу,
Получив назиданье в ответ на мольбу...

Зная то, что доверчив Кубу и отходчив,
Заявился к нему, словно дружбу упрочив.

И дворовым собакам швырнув калачи,
По головке погладил их – только молчи!

Он Кубу обнимает и дарит тулпара,
И нельзя отказаться от этого дара.

Говорит: «Вспомни дружбу, прости меня, друг,
За пороки и слабость, ведь это – недуг!

Я сегодня спешу... Но даю обещанье –
Завтра вас навещу!» – так сказал на прощанье...

Утром слышали нарты его похвальбу:
«Наилучшего друга обрёл я в Кубу!

Мы, как уши коня, нераздельно-едины,
Мы вдвоём, что Эльбруса две снежных вершины!

Побратимства такого не знала земля!» –
Так вещал он, Кубу вознося и хваля.

Все о дружбе великой судачили с жаром...
Был урок Гилястана преподан не даром.

И пока восхищается нартский народ,
Сам Губу подходящего вечера ждёт...

Ночь на землю накинула чёрную бурку,
В полночь вышел Губу и пошёл по заулку.

Вот ворота Кубу. Не залаяли псы,
Ведь Губу им знаком – чуют запах носы.

А Губу перелез по камням ограды,
И собаки его приношению рады.

Разбросав калачи, он в конюшню проник,
Свет зажёл и узрел чудеса в этот миг.

Тьма кобыл, жеребцов, богатырских коней...
Здесь – двухлетки, трёхлетки, а там – повзрослей.

Различаются лошади возрастом, кровью,
Всем – особые стойла, всему поголовью,

Сытным кормом наполнены ясли до края,
И лоснились довольные кони, сияя..

И топтались они и, поджавши губу,
Изумлённо косились во мгле на Губу.

К одному скакуну подошёл он и кличет –
Называет «Кубу», тормозит его, тычет,

Гладит правой рукой, нежно голову ластя,
И подносит раскрытую левую к пасти...

Сладкий вылизав яд, конь свалился ничком,
Подкатилась душа к его глотке комком.

Конь заржал напоследок и с воплем издох...
Всполошил ли он спящих?.. «Ох, горе мне, ох!» –

Встал Губу, озираясь... «Не скрипнула ль дверца?..»
И бранить себя начал: «Ах, заячье сердце!

Ну, уймись!» – И, упорен в злодействе своём,
Он пошёл, убивая коня за конём.

Тут в конюшне Кубу появился и тупо
Созерцает злодея у конского трупа...

– Хей, Губу, кто сюда тебя ночью занёс,
Что за подлое дело затеял ты, пёс?!

И зачем ты безвинную губишь скотину?
Или мнишь ты, убийца, что так же я сгину?!

– Не хотел тебя мучить, но время открыться!
Пусть же станут видны настоящие лица...

Зря сюда ты явился, ничтожный простак!
Что я должен был сделать, то сделал... Вот так!

Отступления нет! Не хотел тебе боли,
Но ведь место одно – на высоком престоле.

Невозможно, чтоб нынче мы выжили оба,
И тебе нет везенья – дождался ты гроба!

Достигать научился ты цели любой,
В коневодстве никто не сравнился с тобой.

Всех коней превзошли твои славные кони,
Всех догонят они и уйдут от погони.

Стрелы солнечных жарких лучей обгоняя,
Пролетают от края вселенной до края.

Не успеешь ты плюнуть, как с гулом и громом
Пронеслись и растаяли за окоёмом.

Растянуть могут время и сжать, как смолу,
Даже мысль обгоняют, не то что стрелу.

И в огне не сгорят и в воде не потонут...
Лишь сердца коневодов от зависти стонут!

Обогнать своё время ты смог, бедокур,
Да и годы свои растянул чересчур.

В жизни солнце друг другу мы издавна застим,
Ты умрёшь, и душа моя полнится счастьем!

Тут умолкший Губу обнажил свой кинжал,
А Кубу безоружный, как скованный, встал.

«Спорить глупо, когда ты не внемлешь, а давишь,
Что ни молви, в живых ты меня не оставишь!

Ты решился убить – убивай поскорей,
Но тебе отомстят мои братья, злодей!» –

Так воскликнул Кубу и с убийцей сцепился,
Но кинжал прямо в грудь беззащитному впился...

Тут вошла Сарасан, смутных страхов полна,
И, увидевши кровь, закричала она.

Но убийца настиг, на неё набежал он,
Повалил, обесчестил, прикончил кинжалом.

Вот ребёнок, услышавший матери крик,
В дверь конюшни вбежал и от страха поник.

Посмотрел и, взглядевшись в зрачки лиходея,
Дара речи лишился, застыл, холодея.

И убитых узрел... И по воле судеб
От ужасного зрелища тут же ослеп.

И заплакал: «Кто свет погасил? Что же это?..
Ничего я не вижу, не видно мне света!

Не шутите! Вставайте, аття́ и ання́ ¹!
Вам не надо лежать, не пугайте меня!

---

¹ Аття и ання – бабушка и матушка.

Ну, а вы кто такой?.. Вы моих поругайте,
Чтобы жили – не умерли!.. Нам помогайте!»

А Губу: «Погоди, помогаю я вам!»
Подошёл он к Бора, присмотрелся к глазам:

– Глянь-ка, мальчик, как выгляжу я! Стань поближе!
– Вы – какой-то мужчина, но вас я не вижу.

Если вы нам сейчас не поможете, значит,
Вы – мужчина плохой!.. – Тихо маленький плачет.

«Или видит? – подумал Губу. – Незадача!..»
Но потом удивился, что мальчик – незрячий.

И сказал: «Я приехал к вам издалека,
Там Адиль протекает, большая река.

Ты не плачь и запомни, рассказывай всем:
Нехороших детей я хватаю и ем.

Ну а взрослых плохих сразу бью наповал
И потом, чтоб не встали, вонзаю кинжал.

Я от старших твоих, разлюбезных, премилых,
Много видывал зла, потому и убил их.

Слушай, мальчик, внимательно, хватит проказ!
И запомни, что имя моё – Атайтмаз ¹.

Будет шум... Но какие бы здесь ни ходили.
Те, кто ищут меня, пусть поищут в Адили!»

Малыша запугав и заставши врасплох,
Страшно он заорал, и ребёнок оглох.

«Я пошёл!» – и, с презреньем к мальчишке слепому,
Хоронясь от прохожих, направился к дому...

Утром будят Губу, воют, плача навзрыд:
«Ночью вместе с женою был друг твой убит!

Если нартское братство еще тебе любо,
Просыпайся и тоже ищи душегуба!» –

Мать Губу лепетала, скорбя и рыдая,
Ничего-то о сыне-убийце не зная.

---

¹ *Атайтмаз* – табу, этим словом заменяют слова, обозначающие нечистую силу, зверей и т.п.

БОРА, ЧУЕРДИ, АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

БОРА

Сын Кубу, завещавший нам песню свою,
Светоносцем ¹ стал первым в родимом краю.

С детства рос этот бедный Борá сиротою,
Много бед претерпел со своей слепотою.

То найдёт у родни материнской приют,
То родные отца кров и пищу дают.

Был он сыт, но не ведал любви и тепла,
Злая жизнь без участия, без ласки текла.

Был душою он чист, как дыханье ребёнка,
И чиста его песня, и пение звонко.

И когда он сидел на зелёном лугу,
Взявши в руки пастушью свирель-сыбызгу,

Всю то душу свою он выплёскивал в песне,
Эта песня лилась всё звучней и чудесней,

Говоря и том, как он стал сиротой,
И том, как убийца в тот день роковой

Обратился к ребёнку надменно и грубо;
Как свирепо глядели глаза душегуба;

Как ослепло дитя перед зрелищем бойни,
Как растущей душе всё больней, беспокойней...

Стало тяжело у той и у этой родни,
Надоело влачить беспросветные дни.

---

¹ Светоносец – певцов и музыкантов карачаевцы и балкарцы называли «жарыкълá» – «светлые», «несущие свет».

И сказал он себе: «Здесь я словно в оковах...
Выйду в мир, поищу мест каких-нибудь новых!»

Только с дудкою вышел в неведомый мир
И прибился он к путникам, беден и сир.

«Брат, куда ты, какого ты ищешь добра?» –
Обращались попугчики эти к Бора.

Но, душой устремляясь в далёкие дали,
Доставал он свою сыбызгу на привале.

И мелодия словно снимала усталость,
Долгий путь сокращала, пускай хоть на малость!

Благодарно Бора оделяли едой,
Безучастия дударь не знал молодой.

Каждый путник однажды прощается с ним,
Разбредаются все по дорогам своим.

Но на тропах нагорных, в лугах и дубровах
То и дело находит он спутников новых.

Добывая свирелью еду и ночлег,
Он бредёт, а порой переходит на бег.

Всю дорогу он знает почти что как зрячий,
Терпит голод и стужу, не хныча, не плача.

Но и всё же – отрепья на теле худом,
Много лет, как он бродит, покинувши дом.

Всё излить бы кому-то, что зреет в груди!..
Повстречался с Бора некий нарт Чуердй.

Развели они вместе костёр у дороги,
Завели разговор тот и этот убогий.

РАССКАЗ БОРА

Аой отец, сын Дебета, любимый народом,
Был прославленным в нартском краю коневодом.

И могла Сарасан, моя бедная мать,
Красотой светлоликой весь мир осиять.

Продавал мой отец богатырских тулпаров,
Тех, что сам он взрастил, чистокровных, поджарых.

Был отец мой богат, знаменит и удал,
А с рождением сына блаженство узнал.

Но отца невзлюбили, и в злобе – мою
Вызывавшую зависть сгубили семью.

И один душегуб, волк по самой природе,
Ночью влез к нам во двор, зная всё в обиходе.

Он собак прикормил, и хитёр, и толков,
А в конюшне у нас не водилось замков...

Отравил скакунов... Чтó подлей и бездушней!
Тут отец мой пришёл, мать вбежала в конюшню.

Их зарезал злодей... Это видеть не детям!
Вот когда я ослеп, ранен зрелищем этим.

И отцовские родичи взяли меня,
Материнская позже их сменит родня...

А потом те и эти сошлись принародно,
Порешив опекать меня поочередно.

Но вошло в мою кровь, побежало по жилам
Слово сильное «воля» с неистовым пылом...

Жить у них я не мог, и ушёл, и скитался,
Больше года ходил и вот здесь оказался.

– Где же этот повинный в крови живорез?
Неужели неузнанным изверг исчез?

– Я единственный видел глаза эти злые,
Слышал голос зловещий, слова озорные...

Но какой же свидетель – мальчишка слепой!
Разъяснишь ли хоть что-то, что судьям ни пой?!

Бесполезна бессвязная речь очевидца...
Даже солнца сиянье – всё может забыться!

Но забыть не могу тех безжалостных глаз,
Едкий голос убийцы не смолк и сейчас.

Отыскать душегуба пытались шаманы,
Чьи вещанья обычно верны, безобманны.

Вещунами был назван какой-то Губу,
Но... убийца клейма не имеет на лбу!

Доказательств в суде не нашли, и от порчи
Начались у шаманов жестокие корчи.

Говорили, что порчу навёл Гилястан,
А Губу позабыли, он канул в туман.

Возмущался он: «Был я безгрешен доселе...
Осквернить мою чистую душу хотели!

Закопать меня в землю решили живым!»
Был он так разобижен и неумолим.

Разъярился, отъехал к далекой Адили...
Прав он был или нет, всех упрёки смутили.

Ну а я, неповинный, наказан судьбой,
Вот и время прошло, я – такой же слепой!

Снова начал я слышать, но радостей мало,
Ибо душу мою слепота истерзала.

Горько плачу я, мать и отца вспоминая,
Но в аул не вернусь, жизнь и там – неродная.

Утешенье одно у меня – сыбызга:
Лишь она запоёт, и – притихла тоска.

Вот, пожалуй, закончилась повесть моя.
О себе расскажи, и послушаю я!

РАССКАЗ ЧУЕРДИ

Да уж, брат мой, судьбою ты вправду гоним...
Но пустяк – твоё горе в сравненье с моим!

Ты счастливей меня, ты обязан мужаться...
От усопших, конечно, тепла не дожждаться,

Но поверь, что тепла, хоть ругайся, хоть вой,
И от матери я не дождался живой.

Потому-то, оставив изменницу эту,
Я из дома ушёл и скитаюсь по свету.

Глянешь матери в очи – и выбежишь с плачем...
Чем глядеть на такую, быть лучше незрячим!

Рассказать – нестерпимый замучает стыд,
А смолчать невозможно, ведь сердце болит.

В своей памяти повесть мою приюти,
И, возможно, тебе станет легче в пути!

Жили мы на обочине нартского края,
Правый берег Лабь – нам отчизна родная.

Нартom был мой отец, ну а мать – из гажгужей¹,
Знать, не сыщется племени гаже и хуже.

Но дружили супруги, как мёд с молоком,
Ждали первенца, будущим жили сынком.

А к селенью враги подступили, и в сечу
Все мужчины пошли, иноземцам навстречу.

Но враги победили... От крика гонца
«Уходите, спасайтесь!» заныли сердца.

Но, понятно, не всем был по силам побег –
Столько женщин, детей, стариков и калек!

А она на сносях, и куда ей деваться?
Не найдёшь ни защитника, ни домочадца.

Чтобы в руки врага не попала она,
Чтоб от голода не умирала она,

Эту женщину скрыли в глубоком подвале
И снабдили водой, и еды надавали.

И тревожились те, что в горах разбрелись:
«Уцелеет ли, сможет ли выжить, спастись?»

Протянулись три дня, я родился в той яме...
Пировали грабители где-то над нами.

---

¹ *Гажгуже* (карач.-балк. «гажгужлá») – инородцы, ненартские племена.

Лишь они удалились в другие ущелья,
Мать на свет меня вынесла из подземелья.

Но, куда ни посмотришь, всё – в пепле, в золе...
Жили с матерью мы в разорённом селе.

Много бед я узнал в мои ранние годы,
Не робел я, выносливым был от природы.

Вот однажды, в лесную зайдя глубину,
У нездешней красы оказался в плену.

В окружении гор там, в лесной глухомани,
Вдруг я чудную крепость узрел на поляне.

Изумляясь, дошёл я до каменных стен...
Тут из крепости вышел ко мне эмеген.

«Ну, собачье отродье, откуда ты взялся?
Убежать не мечтай! Дурачьё, ты попался!»

Он взмахнул своим посохом, грубым, толстенным,
И меня попытался убить, как поленом.

Был я ловким – в меня не сумел он попасть,
Был я сильным – и сам своротил ему пасть.

Стукнул так, что на землю посыпались зубы,
Окровавились дёсны и жирные губы.

Я схватил его и, невзирая на вопли,
Повязал – примотал, да к его же оглобле.

А потом отволол, в погреб кинул его,
Плотной крышкой прикрыл, чтоб забыл баловство.

После в крепость пошёл, и в жильё эмегена
Небывалая утварь была драгоценна.

А в конюшне стоял богатырский скакун...
Ночь провёл я в той крепости, счастлив и юн.

А наутро домой полетел на тулпаре,
К милой матери мчался в победном угаре.

Ей сказал, что, зайдя в зачарованный дол,
Я нечаянно крепость пустую нашёл.

Долго мать убеждал я, сумел я добиться:
Мы пришли в эту крепость, чтоб в ней поселиться.

Стали жить-поживать в этой крепости мы,
Были радостны, выйдя из грязи и тьмы.

Что ни день я охотился, взявши в обычай
Возвращаться из чащи лесной лишь с добычей...

Жили в сытости мы, и ещё я тайком
Эмегена кормил, с ним делился куском.

Я считал, захватив его крепость с наскока,
Что убить это чудище слишком жестоко.

Мне мерещилось: если с ним встретится мать,
Напугавшись, решится отсюда бежать.

Ах, не чудились мне ни беда, ни измена,
Я напрасно тогда пожалел эмегена!

Был я мягок и глуп, и не ведал я зла,
Ну а мать не грустила и словно цвела.

Стало прошлое чуждо и скучно – забыт
И отец мой, что в битве с врагами убит;

Все из памяти выпали односельчане,
Будто не было их... О былом – умолчанье...

Всё забыла она, ликовала и пела,
И душа переполнилась счастьем, и тело.

Как ребёнок я радостью матери жил,
Всех на свете счастливей, всех радостней был.

Я считал, что бодрит её воздух поляны,
Вольный дух беззаботности благоуханной.

Вот однажды, вернувшись с охоты домой,
Стал я матери день пересказывать свой.

И, растрогав до слёз, так тепло и так мило
Мать в тот вечер со мной обо мне говорила.

Обнимая, лаская, играя, шутя,
Повалила на землю меня, как дитя.

И ещё не успел я подняться с колен,
Как ворвался и кинулся к нам эмеген.

Грубо мать отшвырнув, завопил, загагачил,
На меня навалился, душить меня начал.

Я, уже ощущая предсмертную дрожь,
Еле-еле извлёк из-за пояса нож

И воткнул его в это мохнатое тело.
Сразу хватка чудовищных рук ослабела.

Взвыв, отпрянул злодей... Как во сне бредовом,
Стала крепость трястись и ходить ходуном.

Тут я бодро вскочил, эмегена зажал
И уже вырываю из ножен кинжал...

Время правды настало... Заплакала мать,
Закричала: «Не надо его убивать!

Он – отец...» – И рукой указала на чрево.
Понял я, устыдился, исполнился гнева...

Бил башку эмегена я в бешенстве об пол...
«Как же я этот грех проглядел и прохлопал?

Как ты, гнусная погань, из погреба вылез,
Мать мою обесчестил, напакостить силясь?!

Говори – может быть, пощажу!.. Но лжецу
Нет пощады, зарежу его, как овцу!

Ах ты мразь, никого нет на свете мерзее!» –
Я приставил кинжал к этой пакостной шее...

– Жизнью я поклянусь, хоть грози ты мечом,
Всем, чем хочешь, клянусь, не виновен ни в чём!

Ох, кинжал отведи! Погоди, э-э-эй!
Не бесчестил я матери чистой твоей.

Верь, что погреб открыла она ненароком
И меня углядела во мраке глубоком.

Как она ужаснулась и ринулась прочь!
Но услышала голос, моливший помочь.

И тогда, возвратившись к отверстию, спросила:
– Эй, чего тебе надо, нечистая сила?

– Я отцом тебе стану, лишь жизнь подари!
– Станешь жертвой отца моего пред Тейри!

– Дай мне выбраться! Я заменю тебе сына!
– Ты на жертвенник сыну сгодишься, детина!

– Дай мне выбраться! Хочешь ли, стану я мужем?
Помоги мне, молю, и, клянусь, мы задружим!

Я всегда буду верным супругом твоим,
И надёжен, и нежен, и незаменим.

Буду сильно любить, никогда не остыну,
Если скажешь «умри!», я немедленно сгину!

Тут, послушав мои речи, полные пыла,
Мать твоя, призадумавшись, верно решила.

Опустила мне в яму верёвки конец...
Было встречным волнение наших сердец.

Мы, сойдясь, от тебя своё счастье скрывали,
Но, пока мы с ней вместе, не знать нам печали.

Наше чувство так чисто, так нежно и тонко...
Вскоре мы ожидаем рожденья ребёнка.

Если хочешь, зарежь нас, а хочешь, сожги,
Если можешь, прости нас, ведь мы – не враги! –

Так сказал он, а я – как в заклятом кругу:
Ни убить его, ни отпустить не могу.

Я на мать поглядел – ну, и что она скажет,
Как же всё разъяснит мне и узел развяжет?

Говорит она: «Сын, велика твоя сила!
Не своим ли тебя молоком я вскормила?»

Так прости же во имя того молока!»
Я смирился, хоть ноша была нелегка...

Ночью вышел из дома, растерян, тяжёл,
Сам не знаю куда по дороге побрёл.

Я ходил по горам, знал, что сердце разбито...
Столько горестных дум пропустил через сито.

Возвратился... Вновь вижу я мать с эмегеном.
Я спокоен – осталось, мол, всё неизменным.

Только сердце моё не могло не пылать...
Что же мог я поделаться, ведь мать, это – мать!

Родила она сына, дитя эмегена...
Как отец хлопотал, как носился блаженно!

И с таким появлялся счастливым лицом,
Словно был он единственным в мире отцом.

Дали мальчику имя они Тейрикул¹.
Не приблизился я, на него не взглянул.

В эти дни я обрёл рядом с крепостью кровлю –
Сам лачугу построил, сам пищу готовлю.

Мчалось время, текло, как речная струя,
Но всё так же безрадостна участь моя.

Тейрикул уже на ноги встал и престранным
Озорным, и пугливым растёт мальчуганом.

Он всё больше походит на нас, а отца
Научился бояться, как птица ловца.

Ведь страшилищу чужды и нежность, и жалость,
Избивает ребёнка за каждую шалость.

Вот когда Тейрикул провинился опять,
И сумел эмеген его быстро догнать.

Мать дитя заслонила, вняв голосу крови,
Но пошёл на неё эмеген, сквернословя.

И ударом свалил, и, не глядя, что мал,
Тейрикула, как тряпку, ручищами смял.

Я не вытерпел, кинулся на подлеца,
Размазную из мерзейшего сделал лица.

Встала мать между нами, в упор поглядела,
Говорит: «Отойди! Не твоё это дело!»

---

¹ *Тейрикул* – «раб Тейри», т. е. «раб Божий».

Разозлившись, ушёл я в лачугу свою...
Ночью мучаюсь, слёзы бессильные лью.

А малыш Тейрикул... Всё ко мне он тянулся,
Робко жался, как будто к опоре приткнулся.

Горько жалуясь, он умолял: «Чуерди!
Ты меня защити и отца пристыди!

Я страшусь, что однажды отец ненасытный
Налетит и сожрёт меня... Я – беззащитный!»

Обещал я: «Не мучайся, обороню!»
Бедный мальчик вцепился в меня, как в родню.

Хоть не очень-то жаловал я Тейрикула.
Но прогнать я не смог его – в сердце кольнуло.

Всё же, всё же невинным ребёнком он был...
Обнадёженный, радостный он уходил.

Как-то слышу я крики, вернувшись с охоты...
Это в крепости выл эмеген большеротый:

«Кто же ты, окаянный, на что ты похож?
Эмегеном не стал, но и в нарты не гожд!

Что ж ты споришь с отцом? Это твой Чуерди
Так тебя подучил... Ну, теперь погоди!»

Бил он мальчика – плакал, орал Тейрикул...
Не стерпел я и в крепость с пути завернул.

Оттолкнул эмегена, не слыша угроз,
Взял ребёнка и в сторону двери понёс.

– Говорила тебе, не твоё это дело!
Ведь тебя от беды убережь я хотела...

Молвит мать, отстраняя от мужа меня,
И рычит эмеген, всё на свете браня.

Но не смеет напасть, хоть глядит всё нахальней...
Хлопнув дверь, скрывается в опочивальне.

Вот однажды зашёл Тейрикул в мой домишко.
«Мать тебя приглашает!» – промолвил мальчишка.

Отвечаю: «Беги и скажи, чтоб ждала!»
...Взяв собаку, пошёл я, оставил дела.

Мать ликует: «Сыночек! Садись-ка поближе!
Для тебя потрудилась я... Ну, оцени же!

С места я не сходила два дня и, любя,
Обувь новую сшила, мой сын, для тебя!

Ты померяй, а после, ведь ужин так свеж,
Не промедлив, садись и хычинов ¹ поешь» –

Так вот мать говорила с улыбкой туманной,
Я такой и не знал её, нежной и странной.

Обувь меряю... «Тесно! Она мне мала...» –
«Ох, мой мальчик, ты вырос... Теперь поняла!

Как отец твой, могуч ты, сыночек мой сирый!
Впору обувь придётся – ты стопчешь чабыры ².

А сейчас ешь хычины! Вот – пища мужчин!
Ты ведь голоден...» – И протянула хычин.

Но, заметивши взгляд ненасытный собачий,
Верной гончей хычин я швыряю горячий.

Только пищу она проглотила, спеша,
И покинула тело собачья душа.

«Значит, потчуешь ядом? Да ты заслужила,
Чтобы вымер твой дом, чтобы пусто в нём было!

Что дурного я сделал тебе, говори?!»
Мать молчит и не слышит, хоть плачь, хоть ори!

И свирепый, на славу раскормленный ею,
Эмеген прибежал за душою моею.

Придавила меня его сытая сила,
Моя тесная обувь по камню скользила.

И пока с эмегеном дрались мы упорно,
Всюду мать просяные рассыпала зёрна.

---

¹ *Хычѳн* – традиционное народное блюдо карачаевцев и балкарцев в виде круглого пирога с начинкой из картошки с сыром, мяса или свекольной ботвы.

² *Чабыры* – карач.-балк. «чабырла» – кожаная обувь из цельного куска кожи без подошвы.

Оступился я – вдруг подвернулась нога,
И уже задыхаюсь под тушей врага.

«Где мой чёрный кинжал? Ну-ка сбегай, жена!
Кончим этого пса... Ты помочь мне должна!» –

Так вопил эмеген в ожиданье кинжала...
Мать моя – о Тейри! – за клинком побежала.

Но безумную эту нагнал Тейрикул,
Он схватил её за руки и оттолкнул.

Взял кинжал и занёс, и всадил его в спину
Эмегену-отцу... Вот что выпало сыну!

Тут на мать я кидаюсь врагом озверелым...
Тейрикул заслонил её собственным телом.

«Ты убей меня первым, – кричит, – я слабей!
А потом нашу мать, если сможешь, убей!»

И в глазах его – горечь... И разом смешалась
В уязвлённой душе моей с яростью жалость.

Сразу стало мне стыдно. Стою, покраснев,
Перед парнем смышлёным смиряю свой гнев.

Ничего не сказал я, рукою не двинул,
Я навеки проклятую крепость покинул.

И приснилась той ночью красавица мне,
Я раскрыл ей объятия в чарующем сне,

И она меня тоже к себе притянула...
Я теперь от аула бреду до аула,

Я живу ею всюду, мечтаю о ней...
Надо мною не смейся, меня не жалеи!

Нет, меня ты намного счастливей, Бора!
Если мать моя здравствует и не стара,

Что с того, ничего от неё мне не надо...
А твоя неживая – для сердца отрада!

Хоть несчастий твоих и мучений не счесть,
Всё равно у тебя утешение есть.

И каким бы чудовищем мать не бывала,
Хоть бы в землю сыночка живьём закопала,

Я тоскую по ней... Пусть она недобра...
Я ночами рыдаю, поверь мне, Бора!

Если смог бы ты в музыке выплеснуть муку,
Боль мою отдавая свирельному звуку,

Что за радость ты пролил бы в душу мою!
...Но давай отдыхать, я ведь рано встаю!

Ну а завтра, проснувшись с лучами зари,
Каждый выберет путь, и по воле Тейри

Порознь снова пойдём в незнакомые дали,
Чтобы целей достичь, о которых мечтали.

ВСТРЕЧА БОРА С АЧЕШЕЗОМ, СЫНОМ АЧЕЯ

Облегчив свои души, в степи до утра
Спали сладостным сном Чуерди и Бора.

Спали, за руки взявшись, как братья, как дети...
Рассвело, и расстались они на рассвете.

Шёл Бора к берегам полноводной Адили,
Непонятные чувства им властно водили.

Ну зачем он идёт? Сам постичь он не мог.
Но влекла его даль неизвестных дорог,

И порою шептал ему внутренний голос:
«Должен ты отомстить!» Что-то жглось и кололось...

Вспоминал он загубленных мать и отца
И страдал, вспоминая свой жребий слепца.

«Ну и как и кому отомщу я, незрячий?» –
Надрываясь, душа изливается в плаче.

Всё равно не теряет надежды Бора,
Хоть для мести ещё не настала пора.

Отдыхал он в пути, вспомнив цепь злополучий,
И душа переполнилась горечью жгучей,

И взволнованно сердце забилося в груди,
Оком сердца увидел он жизнь Чуерди.

Всё мелодией стало и всё расцвело!
Сразу каплями пота покрылось чело...

Потекли, извиваясь, из горла свирели
Волны звуков, неведомых в мире доселе.

Льётся музыка в дальнюю даль, и вокруг
Всё живое, прислушавшись, замерло вдруг.

Ибо в каждой душе, что в слезах ожила,
Есть желанье родительской ласки, тепла.

Лёгкий ветер на крыльях отнёс эти звуки
На черту окоёма, к небесной излучке.

И, нагнавши табун за волной краснотала,
Слух табунщика музыка зачаровала.

И, табун свой оставив пастись на лугу
И поехав на звук, слушал он сыбызгу,

Словно некий бальзам для души добывая...
Конь рванулся, полотнище пыли взбивая.

«Тише!» – всадник промолвил, коня осадив,
И неслышно подъехал, впивая мотив.

Молча музыке чудной внимал, и она
Показалась прекрасной ему, как луна,

Золотая и полная в дымке летучей...
И, страшась, что сейчас заслонят её тучи,

Приуныл он, и брызнули слёзы из глаз,
Всхлип чуть слышный раздался и в горле угас.

Смолкли звуки... Опомнился нарт, пробудился,
Отогнал свою слабость и слёз устыдился.

– Сыбызге твоей слава!.. Открывшийся с гор
Как мелодии этой раздолен простор!

Слышу звуки, и вижу весь мир во плоти,
Понял я, что волшебника встретил в пути!

Сын Ачэя и нарт, я зовусь – Ачемéz.
Кто же ты, незнакомец, даритель чудес?

– Брат, спасибо тебе за приятные речи!
Я – Бора, сын Кубу, и пришёл издалече.

Жил вблизи Минги тау в ауле Тыхтен...
Ну, а сам ты откуда? Что скажешь взамен?

Всё, что видел ты в мире, слепому поведай,
Ибо, зренья лишённый, я счастлив беседой.

Что расскажешь, увижу глазами души,
Ведь не дремлет душа моя – зреет в глуши.

То, что мысленно вижу, всё музыкой станет.
Почерпнувши в ней силу, душа не устанет.

Как затмение солнца – моя слепота,
Но надеждой живу, и душа не пуста.

Нет случайного в мире, ты сам рассуди...
Вот недавно мне встретился нарт Чуерди.

Силу сердца он отдал мне, и воскресила
Приуоставшую душу живящая сила.

И, должно быть, возникла мелодия эта
Из его жизнелюбья, отваги и света...

Если ехать не нужно тебе позарез,
Расскажи мне и ты свою жизнь, Ачемез!

РАССКАЗ АЧЕМЕЗА

Той рассказ будет грустным и длинным, Бора!
Я так долго от жизни не видел добра...

Девять братьев владели родным Ташлы-Сыртом ¹,
Под отцовским крылом этот выводок жил там.

Было девять покоев у них для ночлега,
Было девять коней для лихого набега.

Драгоценные камни со звёзд привозили,
И в подземных морях на конях своих плыли,

---

¹ Ташлы-Сырт – «Каменный хребет» – местность в Карачае.

И в священных пещерах вели разговор
Со святыми «бессмертными», с духами гор.

Покорили вершину познания благого
И несли подрастающим вещее слово.

Чтобы поросль эта была им под стать...
А самим как им выжить, как взрослыми стать?

Ведь, представ перед злом оголтелым и ярым,
На удар не хотели ответить ударом!

Слишком был простодушен их искренний пыл..
Потому-то их всех пёс – Хубун истребил.

Ну а как все они беспробудно уснули,
Говорили по-разному в нартском ауле.

Ибо правда в степи потерялась подлунной,
И забылось с годами злодейство Хубуна.

Лишь недавно узнал я всю правду, Бора!
Слушай повесть мою! Боль свежа и остра...

Другом нашего рода был этот Хубун,
Что прослыл правдолюбцем, тогда ещё юн.

Он с отцом моим ездил к неведомым звёздам,
Жадно рыскали оба по каменным гнёздам.

Позже груды сокровищ грузили в учхучи¹,
Привозили на Землю – за кучами кучи.

На Земле продавали их тем, кто богат,
Но немало дарили – всем бедным подряд.

Годы шли... Вновь друзья полетели вдвоём
К неизвестной звезде незнакомым путём.

Им она показалась лазурною льдиной,
Но не лёд это был – дивный яхонт единый.

Тут мой бедный отец молвил: «Слава Тейри!
Ну-ка щепня, Хубун, для Земли собери!

Малость здесь мы возьмём и вернёмся назад...
О, теперь на Земле станет каждый богат!

---

¹ *Учхуч* (букв. «летающий») – межзвёздный летательный аппарат.

Скоро с радостной вестью примчимся к землянам!..»
– Простаками, мой друг, становиться нельзя нам!

Разве равенство может быть в мире у нас?
Нам с тобою достался весь этот алмаз!

Будем ездить сюда, скрыв от прочих дорогу,
И на Землю добычу свозить понемногу.

Будем мы богатеть... Ни гу-гу никому!
Друг мой, лучше доверься уму моему!

Коль земляне про тайну проведают эту,
Станут все на алмазную ездить планету,

Станут резать друг друга, богатство деля...
Кто вернётся – от них запыхает Земля!

– Нет, Земля из-за алчных не станет золотой,
Наш народ в большинстве – не корыстный, не злой.

Если каждый из недругов станет богаче,
То заменится злоба любовью горячей.

Сразу дружба окрепнет, вражда отойдёт,
Станут пищей вседневной масло и мёд.

– Не готов еще к этому род человеческий,
Да и нарты не смогут постичь этой речи.

Справедливости нет и ещё не бывало:
Кто-то голоден, кто-нибудь ест до отвала!

Тем – объедки, а этим – медовая сыть,
Вот и вьётся вопрос: «Что нам делать, как быть?»

И в ответ появляются замыслы, цели,
Вот и двинулась жизнь – бурно дни полетели...

Годы жизни идут беспрестанной игрой,
И не нужно ей равенства – правду усвой!

Резвым будь или попусту тратящим время...
Если ж все одинаковы будут со всеми,

Коль исчезнут различья, ступени, слои,
Прахом станут мечтанья мои и твои.

Если мы хоть кого-то подпустим к алмазам,
Все напасти на Землю обрушатся разом.

Жизнь – неравенство, спор и различье во всём,
Жизнь – движенье, себя от неё не спасём!

Ты подумай: никто не похитит у нас
Тех сокровищ, которые скрыты от глаз.

Чтобы рок не взъярился завистливоглазый,
Умолчи, не рассказывай всем про алмазы!

– Никуда я от совести не убегу,
Ничего-то от братьев я скрыть не смогу!

– Если братьям расскажешь о том, что мы возим,
За алмазами завтра приедут все восемь.

Сразу кончится братство – увидят накут¹,
Раздерутся и резать друг друга начнут.

– Ты клеветешь, хулой осквернил ты уста!
Нет, наш род не таков, наша совесть чиста.

– Там, где много богатств, не заводится совесть.
Друг мой, разве она у кого-то ещё есть?

Если много у всех драгоценных камней,
То сухая былинка алмазов ценней.

Ты поверь, что не будет от этого толку.
Лучше сами поднимемся мы втихомолку!

Станем жизни столпами! Не надо вверх дном
Эту жизнь опрокидывать в мире земном!

Так не будь же глупцом, год у нас урожайный ...
Поклянись же, что тайна останется тайной!

А иначе исчезнет, уйдёт из души
Наша старая дружба... Как хочешь, реши!

– Друг мой, сердце мое переполнено горем.
Если выбора нет, так о чём же мы спорим?

Разве жить я смогу, как прикормленный пёс?
Хочешь ты, чтоб я ношу предательства нёс...

---

¹ *Наку́т* – яхонт, самоцвет, алмаз.

Не по мне эти подлости жизни собачьей!
Что-то нынче я понял и мыслю иначе...

Брат – одно, друг – другое, но если сейчас
Ссоришь ты меня с братьями – ссоришь и нас!

Если клинья вбиваешь, возникнет граница,
И, не медля, душа от души отдалится...

– Что же, делай, как знаешь, а я помолчу
Но отречься от сказанных слов не хочу.

Пусть богатства достанутся роду Ачеев,
Чтоб погибла Земля от таких домрачеев!

Ухожу! Без меня добирайся домой!
Ты оценишь ещё слово правды прямой... –

Сделал вид, что уходит, неверный хитрец,
И вдогон устремился мой бедный отец:

– Нам не надо богатства! Возьми его сам.
Не теряй только совесть, не будь же упрямым!.. –

Так воскликнул отец и уходит... Но вмиг
Вероломный Хубун правдолюбца настиг.

Поразил его в спину, взяв душу из тела,
Труп в седло усадил, сделав чёрное дело.

И, коня снаряжая на Землю лететь,
Так ударил, что искры рассыпала плеть.

Конь летучий на Землю понёс мертвеца.
Сам убийца сопровождал им до конца.

По дороге из ножен свой выхватил нож,
Весь изрезавшись, кровью измазался сплошь.

Но из ран неглубоких, одежду пятная,
Истекла только лишняя кровь и дурная.

Так вернулся на Землю Хубун... Сокрушён,
Убивался от горя он в день похорон.

Плакал: «На Семизвездье, узрев, что мы пеши,
Нас уродцы застали врасплох, жийиргёши¹.

---

¹ Жийиргенши – «омерзительные».

Друг души моей пал в лютом смерче резни...
Что за мразь! И меня убивали они!

Но другие какие-то мерзкие твари
Окатали их чёрными тучами гари.

Смяли наших врагов, как в угаре охоты,
Жаргакбёты¹, свирепые мордovorоты.

Обнажили кинжалы, и каждый кинжал
Полыхает, как тысяча огненных жал.

Жийиргенши на месте легли и не встали,
Уцелевшие – в ужасе прочь побежали.

Джаргакбёты, чей пыл мою голову спас,
Устремились в погоню, не глядя на нас.

В чёрный день не сумел я спасти побратима!
Лучше б я там погиб, скорбь моя нестерпима!

Лучше б труп мой вернулся в родные края!» –
Он завыл, как у гроба вопит плачя.

И от братьев убитого, и от собранья
Слышал речи сочувствия и состраданья.

Горе – тяжкая ноша, её не поднять,
И поникла, слегла моя бедная мать.

А была на сносях... Под суровой звездой
Через месяц родился я, став сиротою.

Мать лишилась сознания, увидев во сне
Призрак мужа, пришедшего к ней и ко мне.

Он поведал о том, как убили его,
Всё открыл и убийцу назвал своего.

Мать, очнувшись, острее ощутила утрату,
Вещий сон свой поведала мужнину брату.

Разве деверь довериться мог сновиденьям?
Вещий сон показался ему наважденьем.

Но сомненье пронзило его существо...
Брат любимый, брат младший отца моего,

---

¹ Жаргакбёты – букв. «безобразности».

Чтобы правду узнать, с простодушием юным,
Вдруг из дома ушёл объясняться с Хубуном.

И домой не вернулся... Как в мире наживы
Все высокие речи коварны и лживы!

Пёс Хубун на дядьёв устремился моих,
В эту ночь погубил он их всех шестерых.

Он их резал в постелях, кромсал их булатом,
Но когда за седьмым заявился он братом,

Тот проснулся, почуяв худое, и – в крик:
– Что удумал! Ты кто и откуда возник?..

Тут Хубун навалился, клинок обнажив,
Полусонного ранил... И всё же он жив!

От второго удара ушёл, убежал он,
И, схватив свой кинжал, защитился кинжалом.

Отбивался, но сделать повязку не мог,
Кровь из раны лилась, превращаясь в поток.

Вот убийцу, уже изнемогший, остывший,
Он ударил, теряя последние силы.

Хоть Хубуна поранил, но сам – всё слабей,
Не поднимет кинжала, хоть режь, хоть убей!

Тут убийца Хубун, не давая вздохнуть,
Поднял этот кинжал и вонзил ему в грудь.

Он прирезал бы мать мою вместе со мною,
Но и сам был изранен, измучен борьбою.

Долго в поисках снадобья брёл он с трудом
И, никем не замечен, вернулся в свой дом.

Тут подумал о том, что успел натворить он,
И навеки исчез и доньне не виден...

– Кто же этот злодей, гнусный выродок тот,
Потопивший в крови весь Ачеевский род?!

Но хотя заподозрен Хубун разноликий,
Кто отыщет его и добудет улики?

Кто взыскание кровью предпишет ему?
Уничтоженный род интересен кому?

Во младенчестве встретил я эти события,
Что мог знать я в то время, как мог отомстить я!

От рожденья пришлось мне расти сиротой,
Бедовать и спознаться пришлось с нищетой.

– Где же, где мой отец? – я пытался дознаться.
– Ты пока не поймешь! – мать твердила с прохладцей. –

Твой отец? Он в набеге какой уже год...
Подожди, жеребёнка тебе привезёт!

Как увидит тебя, как узнает отец твой,
Так от счастья умрёт... – Ах, счастливое детство!..

Ждал я, ждал... Но всё длилась дорога отца,
Всё он ехал – тянулась она без конца.

Чтобы выжить, я занялся чёрной работой,
Стал до времени взрослым, ещё желторотый.

Уж меня не осилишь и с ног не собьёшь,
И в селе подчинилась мне вся молодёжь.

Но вопрос «Где отец?» задавался всё снова,
Что-то мать мне плела, и нежна, и сурова.

Речи матери... Правды в них нет ни словца,
Только ясно, что длится дорога отца!

И на мать, на себя зол, как злая собака,
Думал я: «Может быть, был рождён я вне брака?..»

Чтоб от мыслей дурных убежать, оторваться,
От волненья отвлечься и чем-то заняться,

Я однажды с приятелем вышел на лёд,
Поиграли мы в альчики час напролёт.

В этот день вся судьба повернулась моя,
Но сначала все альчики выиграл я.

«Ты нечестно играл!» – проигравший вопит.
Я был прав и хотел бы уйти без обид.

Оправданья услышав, но яростно ссорясь,
Он решил, что я слаб, и вцепился мне в пояс.

Тут и кроткий вспылел бы... Ответив мгновенно,
Перекинул я сверстника через колено.

Он упал и заплакал, ушибшись об лёд,
Слёзы он вытирает, скулит и орёт...

И на плач прибежала, вопит, как дурная,
Мать побитого, гневно меня проклиная:

– Ах злодей, чтоб ты сдох! Разве подвиг джигита –
Сына бить моего? Чуть дитя не убито!

Поискал бы того, кем твой род истреблён,
Отомстил бы тому, кто взаправду силён!

И отец твой, окутанный мраком могил,
Тут воспрянул бы, отпрыска благословил!

Только ты не мужчина, и что в тебе проку ...
Ни живым, ни усопшим – так, сбоку-припёку!

Ну, убей же убийцу отца своего!
Помни – вымер твой род, всё семейство мертво! –

Молвив так, увела эта женщина сына.
Едкой солью покрылась души сердцевина...

Злое слово терзало, как страшный ожог,
Кровь бурлила, её укротить я не мог.

Еле-еле до дома добрёл я, тоскуя,
И в душе раздавалась мелодия кюя.

– Что с тобою? Ты чуть ли не валишься с ног!
Что за хворь? Отчего ты так бледен, сынок? –

Мать сказала и зорко в глаза поглядела,
Ждёт ответа, волнуясь, стоит обомлело.

Но ведь боли моей не почувствует мать –
Правду молвишь, но правды в ответ не слышать!

Что сказать, как пройти по опасному краю?
– Ай, живот заболел у меня, умираю!

Накорми же горячим меня курмачом ¹!
Снимет боль это яство – с ним всё нипочём! –

Хоть и стыдно мне было за грубый обман,
Я солгал и пошёл, и прилёг на топчан.

«Я сейчас!» – Мать провеивать зёрнышки стала,
Их поджарила спешно, огнём обметала

И, насыпав на блюдо, мне их подала...
Был курмач раскалённый горяч, как зола.

– Ах, счастливое время прошло, миновало!
Ведь меня ты руками кормила, бывало.

А сейчас ты строга, я тобою забыт! –
Так сказал я и сделал обиженный вид.

– Свет очей моих, как же ты мучаешь мать!
Что в душе у тебя, как тебя мне понять?

О сынок, чтоб я раньше тебя умерла!
Ты раскрой мне всю душу, избавься от зла! –

Молвив так, протянула горячие зёрна...
Материнскую руку схватил я проворно,

Мёртвой хваткой её ухватил я, да так,
Что рука с курмачом сжалась в плотный кулак.

– Дурачок, отпусти! Мочи нет, невтерпёж!
Ой, ведь пламя в горсти, ты ладонь мне сожжёшь!

– Я держать тебя стану, пока не узнаю,
Кто наш род изничтожил, извёл нашу стаю! –

Так сказал я, хоть сердце горело во мне,
Как рука материнская, тлело в огне.

– Пусть, как ты, сиротеет, пусть чахнет без света
Тот злодей, что тебя надоумил на это!

Отвяжись же, мне больно, пойдут волдыри!
Эх, да ты не отпустишь, хоть плачь, хоть сгори!.. –

И заплакала, сжалась, поникла уныло...
Голос матери горькое горе пленило.

---

¹ *Курмáч* – жареная кукуруза.

Сразу мать отпустил я, стал эту ладонь
Целовать, а она всё болит, как ни тронь...

Мать мне всё рассказала – в огне я горю,
Ночь не спал и сквозь слёзы увидел зарю...

«Что отец мне оставил? Поведай, родная!»
Сокрушённая мать заклиняет, рыдая:

– Ты туда не ходи! Сын, я чую беду! –
Твёрдо я отвечаю: «Решил и пойду!»

– Знай, оружие отцово, отцовский скакун
Скрыты в дальней пристройке, у входа – валун.

Этот камень не в силах ты сдвинуть, поверь,
А не сдвинешь его – не откроется дверь.

Слишком тело твоё ещё слабо и юно...
Не поднимешь валун – не осилишь Хубуна! –

Так сказала мне мать... Испытав свои силы,
Я и сдвинуть не мог этот камень постылый.

И наутро к Дебету пошёл я чуть свет,
Чтоб учил и окрепнуть помог мне Дебет.

Повелел он: «Попробуй-ка взять средний молот!»
Тяжесть мне не даётся – видать, слишком молод...

Тут кузнец, оделив меня молотом малым,
Сам взял молот большой... Бил железо и мял он.

Малым молотом вторил я гулким ударам.
Время шло, и сравнялся я с мастером ярим.

Вот когда мне Дебет дал свой молот большой:
«Что есть силы ударь, напрягись всей душой!»

И ударил я так по пустой наковальне,
Что сошла она с места под грохот обвальный,

С гулом в землю вошла... И Дебет возгласил:
«Видишь, как мы в труде набираемся сил?»

Как я рад, благодарен... Уверовал я,
Что взрослою, что месть совершится моя.

Я вернулся домой, жаждой мести пылая.
Вижу: девять парней во дворе у сарая

Заповедную глыбу, задорно крича,
Сдвинуть силятся... Но не видать силача!

Я спросил: «Чем вы заняты, пелиуаны¹?»
– Силы пробуем, камень трясём окаянный!

Вот пытаемся камень отца твоего
Сдвинуть с места, но сделать нельзя ничего...

Ты, как видно, могуч, не измучен хворобой,
Если хочешь, давай, свои силы испробуй! –

Уступили мне очередь, смотрят, смеясь...
Ну а мне эта глыба легко поддалась.

– Вы довольны? – спросил я... У всех на виду
Камень вскинул я ввысь и на место кладу.

– Вот так чудо! – раздался здесь крик всей девятки...
Все смутились и кинулись прочь без оглядки.

Это зрелище видела мать из окна,
Изумилась и вышла из дома она.

Устремилась ко мне, раскрывая объятия...
К ней бегу, порываясь обнять, обласкать я.

И от счастья она зарыдала навзрыд,
И, припомнив отца моего, говорит:

– Сгинул, сына не видя, отец твой безвинный,
Сделал подлый убийца тебя сиротиной! –

Мать я поднял и на руки взял, как дитя,
И понёс её к дому, на крыльях летя.

– Мой единственный, стал на отца ты похож! –
Плачет мать, меня глядя, и слёз не уймёшь...

– Да, теперь ты наполнился силой, мой сын,
Можешь камень заветный поднять ты один!

Но одной только силою буйной и юной
Ты не сделаешь дела, не сломишь Хубуна.

---

¹ Пелиуаны – богатыри.

Он ведь – козней искусник, уловок мастак,
Будь находчив, попасть опасайся впросак!

Как отец, ты могуч, и окончилось детство,
Но не будь же доверчив, как бедный отец твой!

Ты послушай меня, мой отважный джигит,
Нам с тобой Сатанай навестить надлежит!

Ведь она ещё разумом не оскудела
И тебя надоумит, как взяться за дело.

Чтоб возмездье свершилось, даст верный совет,
Если примешь – убийце спасения нет!..

На рассвете, лишь неба окрасился край,
Я проснулся и сам поспешил к Сатанай.

Оглядела меня нартов Мать золотая
И сказала, по зёрнам жемчужным гадая:

– Нет сомненья, Хубун уничтожил твой род,
Враг твой бодр и хитёр, слабины не даёт.

Ни стрела, ни кинжал не берут его латы,
Сам стреляет без промаха изверг проклятый.

От рожденья дано ему зренье орла,
И летит, и не падает наземь стрела.

Но хоть редки в броне его кованой щели,
Только эти места и держи на прицеле.

А ведь, если ты даже стрелок удалой,
И Хубуна отравленной ранишь стрелой,

И она его кости пронижет навывлет,
Он живую водой жгучий яд обессилит.

Если спросишь, где он эту воду берёт,
Знай, есть море подземное, полное вод.

Ход к нему начинается под Чирик кёлем¹,
Из гранита плита – над глубоким подпольем.

И, подобные молнии яркой в ночи,
У Хубуна в кармане хранятся ключи.

---

¹ *Чирик кёл* – Голубое озеро в Балкарии.

Очень узки ведущие к водам ступени,
Лишь Хубун по ним сходит к бушующей пене.

Ты не сможешь спуститься туда, Ачемез...
Вот что перлы мои говорят наотрез.

Трудный путь тебя ждёт, и такая фортуна:
Пять удач – у тебя, пять удач – у Хубуна.

Если хочешь сыграть ты в такую игру,
То не медли, в поход соберись поутру.

Есть в сарае у вас вещей конь позабытый,
Есть доспехи – кольчугу до блеска протри ты!

Пусть как зеркало блещет наряд боевой,
Чтоб ослеп супостат, повстречавшись с тобой.

Коль ударить решил, так уж бей, не жалея!
Пособит тебе женщина – сборешь злодея.

И другая поможет... Но ты не забудь:
Брать ни ту, ни другую не следует в путь.

Если твёрдо решил ты идти на врага,
То удачи тебе, но дорога долга!

Да поможет тебе сам Верховный Тейри!
Конь отца тебя ждёт – лишь сарай отвори!

Всё дорога покажет крутая, большая... –
Сатанай заключила, меня провожая.

Утаил я от матери речь Сатанай.
Говорю: «Не волнуйся, меня ожидай!

Верь, что дни мои будут победы кануном:
Сатанай обещала, что справлюсь с Хубуном».

Так вот мать успокоил я, вышел во двор,
Поднял камень заветный – забор им подпёр.

И, преграды убрав, устремляюсь к сараю
И с волнением двери его отворяю...

Чудный конь серой масти, горяч, востронос,
И громадны копыта, подобья колёс.

Был скакун этот коротконогим, кургузым,
Коренастым – такой не согнётся под грузом.

Острым носом вонзался он в грудь металла,
Ел железо, которое рядом лежало.

Словно масло, в желудке и плавясь, и тая,
Насыщала коня эта пища густая.

По уздечке шла молния – мощь Элии,
А глаза светозарной лазурью цвели.

И тогда я увидел, хоть верь, хоть не верь,
Что в боку скакуна открывается дверь.

Я вошёл в неё... Я изумляюсь простору:
Можно сесть, можно лечь... Поселиться здесь впору!

Да, на лошади этой скачи хоть куда,
Каждый ярус небес рассечёшь без труда!

Пребывал я в мечтах, вдохновеньем объятый,
Укрепить и отчистить решил свои латы.

Заблестели они, как поверхность зеркал...
И отважился я, и коня оседлал.

Все миры облетев на коне легкокрылом
И вернувшись, пошёл я к отцу на могилу.

Попросил я отцовского благословенья
На отмщенье убийце, и, в жажде отмщенья,

Негасимый и яростный чувствуя пыл,
Я на камне надгробном клинок отточил.

Снаряжённый, готовый на подвиг дерзнуть,
В неизвестный и дальний я выехал путь.

Степь копыта коня моего исходили,
И однажды увидел я берег Адили.

На другом берегу разглядевши табун,
Тотчас я догадался: хозяин – Хубун!

В камышах, как лазутчик, таился в тот день я,
Приближая подзорною трубкой виденье...

Охраняя косяк жеребят и кобыл,
Мощный конь богатырский по лугу ходил.

Девять стражей могучих табун стерегли,
Из железа – тела, души – из элии.

Как здесь дело начать и укрыться от взгляда?
И решил я, что хитростью действовать надо.

И не двигался с места, пока не сошла
На широкую реку туманная мгла.

Тут, взяв чистую серу, костёр я развёл
И над пламенем жарким подвесил котёл.

Вот смолу растопивши, добавивши клею,
Я обмазал коня этой смесью своею.

Сел в седло и без шума подъехал к реке,
И Адиль переплыл на своём горбунке.

Были крепче меня сторожа-исполины,
Но сморила их сырость вечерней долины.

Пряча лица, продрогнув, стояли они
В просмолённых накидках, в железе брони.

Как-то сникли, поддавшись неведомым чарам...
Тут я спешился, стал их палить откусаром¹.

Угасали их души, сгорая дотла,
Издыхая, громадные стыли тела.

Оглядевшись, ищу жеребца-великана.
Вдруг и он появился, нагрянул неожиданно.

Навалился всей мощью, всей тушей на нас,
Здесь меня мой скакун только стойкостью спас.

Уклонившись от сшибки, он взмыл, а потом
Супротивника огненным двинул хвостом.

Тот заржал, содрогаясь от боли, пригнулся
И не смог удержаться... Шагнул и споткнулся...

---

¹ *Откусар* (букв. «изрыгающий огонь») – огнемёт.

По земле протащился, упал на колени,
Еле встал, гневно фыркая в бешеной пене.

Всё наполнилось злобой его существо –
Прянул яростный враг на коня моего.

Ни один не осилит, дерутся упорно –
Только грохот копыт, брызги взбитого дёрна.

Как ударятся лбами, так вспыхнет зарница,
Воздух дымом наполнится и загорится.

Вот столкнулись, сцепились, как два волкодава,
И друг друга изгрызли... Как схватка кровава!

И не видно, что близится битва к концу...
Я не в силах помочь своему жеребцу.

Всё равно не устанет он грызть и кусаться,
Да и лютый противник не дрогнет, не сдастся.

Но слабеют укусы, убавилась спесь,
И не кровь на губах, только липкая смесь.

Вот сцепил его челюсти желимюзмэз¹...
В страхе конь ускакал и в тумане исчез.

Был горяч, а теперь усмирён и побит,
И всё глуше становится топот копыт.

Просветлело, и Солнце явилось во мгле
И свой лик золотой показало Земле.

Лошадей перепуганных мигом собрал я,
Через быструю реку табун перегнал я.

Сам, вернувшись к стоянке, готовлю доспехи
К неизбежному бою, к жестокой потехе.

Стали латы блестящими, как зеркала,
Скоро стала броня, словно Солнце, светла.

Словно множество маленьких солнц, воспылав,
Ослепило всех тварей лугов и дубрав...

Но Хубуна я жду, облачившись в отрепья,
Скрыв под рубищем грозное великолепье.

---

¹ Желимюзмез – букв. «неотдираемая смола».

Вот уж скачет Хубун и трясёт удилами,
Брызжет пламенем, брань изрыгает, как пламя.

Но роняет скакун с кровью смешанный пот...
Подъезжает Хубун и свирепо орёт:

– Кто ты, сучье отродье, а ну, говори!
– Кто б я ни был, и я – раб Владыки-Тейри!

Ачемез меня кличут. Сын нарта Ачея,
В этот край я приехал за кровью злодея. –

Молвив слово, слежу за коварным горланом...
– Род Ачевых не был таким голоштаным!

Что ж ты так опустился, когда ты не врешь?
В этом рубище ты на бродягу похож!

Ты, наверное, голоден... Дать тебе пищи?
Хочешь, новое платье я дам тебе, нищий? –

Так вот мне отвечает Хубун, хохоча...
Я вспылел и рванулся к нему сгоряча.

Но сдержался... Под градом насмешек и брани
Девять стрел насчитал у Хубуна в колчане.

И спокойно ответил: «Уйми свою прыть,
Должен ты не меня одевать и кормить!

Час настал – истлевающей плотью своей
Ты в земле ненасытных накормишь червей!

Ты – убийца, дорога твоя – на погост,
А меня моя правда поднимет до звёзд!»

– Сумасбродного рода отродье дрянное,
Знай, что гибели вашей вы сами виною!

Из-за правды пустой, из-за длинных речей
И погиб вместе с братьями глупый Ачей.

Ах, щенок, я тебя уничтожу сейчас,
Вот когда наконец-то избавлюсь от вас! –

Тут лицо его стало лицом негодяя,
Но добавил он вкрадчиво, тон изменяя:

– Сын Ачея, возьмёмся за луки и стрелы?
Иль по-нартски поборемся, если ты смелый?

Если хочешь, сразимся, скрестивши мечи?..
Как желаешь погибнуть? Скажи, не молчи!

Если будем бороться, тебя разорву я,
Меч поднимешь – снесу головёнку пустую.

Если будем из луков стрелять, сын Ачея,
Сможешь ты окропить меня кровью своею.

Вот и всё, что тебе остаётся, мой друг,
Да и то, если знаешь, как взяться за лук!

Сын Ачея, ты с робкою девочкой схож...
Что-нибудь мне скажи и уйми свою дрожь! –

Ухмыльнулся Хубун и, как будто дразня,
Свой пронзающий взор устремил на меня.

– Ты болтаешь по-бабьи, но знаем мы оба,
Что порошний котёл над костром – твоя злоба.

Сам оружие выберешь! Помни, злодей,
Всё равно не уйдёшь ты от мести моей!

Если лук ты назвал, так возьми его в руки,
Но тебе не спастись, если выстрелят луки...

Можешь первым стрелять... Хоть ловчи, хоть хитри,
Но до завтрашней ты не дотянешь зари! –

Тут Хубун удалился, и вот уж друг друга
Еле видим с краёв необъятного луга.

Я срываю с себя свой убогий наряд,
И как зеркало латы под солнцем горят...

Тетиву натянули и, злы, оголтелы,
Напряглись и друг в друга пустили мы стрелы.

Но Хубун ослеплённый попасть не сумел,
Блеском я защищён от Хубуновых стрел.

Как врага изводили зеркальные латы,
Как же он бесновался, убийца проклятый!

В дикий крик он вложил всё бессилье своё,
Вопль сквозь воздух прошёл, как стрелы острыйё.

– Сын Ачея, ты – плут, ты – хитрец настоящий!
Ты стоишь предо мною в одежде слепящей.

Девять раз я стрелял и попасть не сумел,
Не коснулись меня и твои девять стрел...

Или надо такие доспехи надеть мне,
Или ты раздевайся... Как лучше? Ответь мне!

Этот свет слишком ярок – попасть я не смог,
Ну а ты ещё молод и слабый стрелок.

Да пойми же – так можно стрелять без конца!..
Ты моложе – послушай совет мудреца!

Мы до завтра покончим с бесплодной стрельбою.
Подготовившись, снова сразимся с тобою...

Как тебе мой совет, сын Ачея лихой?
Ничего до зари не случится с тобой!

– Ну, иди! – говорю, и Хубун удалился.
Тут, оставшись один, в думы я погрузился:

«Раньше стрелы мои добирались до цели...
Как я мог девять раз не попасть в самом деле?» –

Говоря сам с собою, опять и опять
Я в догадках терялся, не в силах понять.

Ночь провёл я без сна, но когда рассветало,
Стойкость в душу вселил, бодрым стал, как бывало.

На рассвете Хубун прискакал, и в стрельбе
Мы весь день провели, покоряясь судьбе.

Что ни выстрел, то промах – бессильная злоба,
Победителя нет, приуныли мы оба.

И промолвил Хубун: «Это – воля небес!
Нет удачи ни мне, ни тебе, Ачезез!»

Я – в броне, ты – в огне, нестерпимом для глаз...
Если будем стрелять хоть по тысяче раз,

Всё же в цель нипочём не попасть нашим стрелам,
Оба выживем, каждый останется целым.

Предлагаю: здесь завтра мы встретимся снова...
Буду тут на заре, в том даю тебе слово!

Я приду без брони, ты сними зеркала...
Без уловок сразимся, была не была!

Ты согласен? Тогда – перерыв до зари...
Пусть тому, кого любит, поможет Тейри!

Я пошёл!» – И уходит Хубун торопливо,
Не понять, что задумал он, скрытный на диво.

Но смутила мой разум его болтовня,
Вновь бессонница ночью томила меня.

На рассвете Хубун, как обещано прежде,
Появился не в латах – в обычной одежде.

Тут я тоже зеркальную скинул броню,
Жаждой мести охвачен, подобной огню.

Вот стреляем друг в друга, стоим под обстрелом...
Поединок мне честным казался и смелым,

Нет защиты, а стрелы разят наповал...
Я, внезапно уверившись, вскрикнул: «Попал!»

Но Хубун не свалился... Вновь быть ему живу!
– Что могло уберечь его? – дался я диву.

Разъярённый загадкой, хватаюсь за тул¹,
Вновь стрелу достаю, тетиву натянул...

Но теряю сознание, пронизанный злою,
На излёте ударившей вражьей стрелою.

Всё пытаюсь собраться, но болью томим,
И уже не владею я телом своим.

Вот схватили меня, по земле протащили,
Следом вьётся змея нагоняющей пыли.

Обративши лицо к небесам столь туманным,
Волочусь по степи, крепким связан арканом.

---

¹ Тул – старинное карачаево-балкарское название колчана.

По ухабам Хубунов летит жеребец
И с хвостом его связан верёвки конец.

Хлещет кровь, на пути, убегающем в горы,
Оставляя свои письмена и узоры....

Вновь сознание ушло, меркнет жизнь, мельтеша.
Но, отважившись тело покинуть, душа

В чувство вновь привела меня, чтобы проститься...
Страшный сон обрывается, как небылица.

«Кто я? Где я?» – вопросы себе задаю.
Обессилев, у смерти лежу на краю...

Крик Хубуна раздался: «Бийче, выходи!
Кровный враг мой повержен, скорей погляди!

Истребил я сегодня потомство Ачея,
Так возрадуйся вместе со мной горячее!

Эй, бийче! Выходи побыстрее, карга!
Иль тебе уж не в радость погибель врага?

Или лень тебе сделать четыре шага?
Выходи-ка сюда, коли жизнь дорога!

Погляди-ка на мужа, какой он джигит!
Где служанка? Пускай и она поглядит!

Пусть поймёт и она, как всемогущ хозяин,
Как удачлив Хубун, как могуч и отчаян!

Пусть узнает, в каком она доме живёт...
Выходите скорее!» – он глотку дерёт.

А уж тело моё оставляет душа,
Входит в трубку, сплетённую из камыша.

Это – гибкие тысячецветные жилы...
А меня оставляют последние силы.

Моё тело ушедшую душу узрело,
И душа оглядела увечное тело.

Так они еще жадно друг к другу влеклись,
Нитью связаны синей, как горная высь.

Но текла, иссякала воздушная нить...
Посторонний не в силах её различить,

А душа моя ясно всё видит: Хубуна
И бийче молодую с прислужницей юной...

Ворог мой хохотал и давился от смеха.
– Тяжкой битва была, но на славу потеха!

Этот труп должен вас позабавить чуток,
А уж был поединок на редкость жесток!

Я теперь отдохну – говорить устаю... –
Сонно молвил он, в крепость вступая свою.

– Погляди-ка на эти кровавые раны,
На лицо благородное в неге туманной!

Ведь красивее нет на земле удальца!
Как Хубун смог убить его? Что за сердца!.. –

Так прислужнице шепчет бийче и рукой
Нежно гладит лицо моё: «Славный такой!»

– О Тейри, он, по-моему, жив, и тепло
Из могучего тела ещё не ушло! –

Так сказала служанке своей госпожа
И задумала что-то, о павшем тужа.

В крепость сбегала и, возвратившись со склянкой,
Смелым замыслом делится с верной служанкой:

– Видно, муж мой сегодня совсем изнемог,
Сном пленённый, без просыпу спит лежебок,

Словно к ложу привязан... Ну что ж, не беда...
Есть ещё в его склянке живая вода.

Отнесём-ка мы этого парня в сарай
И наденем оковы... Давай, помогай!

Смочим рану живую водой, а потом
В рот ему ту же воду живую вольём.

Душу в тело вернём, если только успеем.
И тогда уж поймём, с кем мы дело имеем.

Если парень покажет себя молодцом,
Если нравом сумеет привлечь, как лицом...

Что за сладкие мысли... Пойми же, сестрица, –
Не скрываю: желала бы с ним подружиться!

– О бийче, как могла ты такое изречь!
Да за это Хубун снимет голову с плеч!

– Ах, живу я в мученьях... так пусто и сиро...
Мой отец Тюклесхан из Подземного мира

За алмазы меня в жёны дал грубияну...
А потом что с ним сделал Хубун окаянный!

Как же гнусно он сделал, задумав хитро!
Только вспомню, болит у меня всё нутро.

Да, отец обитателем был Подземелья,
Был умельцем искусным, не знавшим безделья.

Как-то вышел наружу... Ведь крепок и статен,
Полон сил, мог и воздухом здешним дышать он.

И увидел земную красавицу вдруг,
Уязвил его сердце сладчайший недуг!

Та, которая матерью стала моею,
Подземелья страшилась... Остался он с нею.

В доме тестя зажил, пребывая в почёте,
Деловитый, подвижный, искусный в работе.

А уж скоро и я появилась на свет...
Шло разброд от истока течение лет.

Вот однажды отец мой, покинувший той,
Певший спьяну «Орайда»¹, вернулся домой.

Нам с Хубуном поведал: «По тёмному долу
Поздно ночью отправился я к Чирик кёлю

И, ударив по озеру что было сил,
С плеском надвое воды его разделил.

И на дне появились гранитные двери,
Закрывавшие ход к потаённой пещере.

---

¹ *Орайда* – карачаево-балкарский заздравный напев.

Не пробиться сквозь толщу, но молнийный ключ
Мне открыл эти двери, как огненный луч.

Я в трубу по ступеням спустился и вскоре
Вышел на берег – вижу подземное море.

Что за дивное диво на том берегу!
Надивиться сокровищам я не могу!»

– Что ж там есть? – мы в горячке от этих речей...
– Это чудо – впадающий в море ручей!

Из ручья изливается, не убывая,
Все недуги целящая влага живая.

Только я знаю тайну волшебного зелья,
Потому что ведь родом я из Подземелья.

– Ах, скажи нам, где молнийный ключ твой сейчас,
Где ступени заветные, где этот лаз?! –

Мы молили, но он не сказал ничего нам...
Стал Хубун озабоченным, злым, разъярённым.

И одно в его мыслях везде и всегда:
Только ёлмезсуу¹, лишь живая вода!

Зависть в душу вцепилась, вошла в её поры...
Тайну выведал он, помогли уговоры.

В подземелье вошли они вместе с отцом.
Что там было, кто ведаёт... Дело с концом!

Но погиб мой отец... Его тело привёз
Мой рыдающий муж – не забыть этих слёз!

– Мы спустились на дно, было тихо, безбурно...
Но когда возвращались, отцу стало дурно.

Я держал на руках ослабевшее тело,
Но помочь был не в силах – душа отлетела... –

Так рассказывал муж и угрюмо, сурово
Выговаривал, взвешивал каждое слово.

Я тогда не могла не поверить Хубуну...
Но мертва моя вера – в глаза ему плюну!

---

¹ Ёлмезсуу – букв. «вода бессмертия».

Если из дому муж выбирается мой,
Никого не убив, не вернётся домой.

Отчего убивает? Не скажет ни слова.
Душу взять – что травинку сорвать для такого!

Тут, пожалуй, и мне головы не сберечь,
Чуть промедлишь, она и покатится с плеч.

Отнесем же мы парня сейчас до сарая...
Ну, держи! – И берут меня та и другая.

Вот в железный меня оттащили сарай
И надели оковы – лежи помирай!

Так, но раны промыли мне ёлмезсуу,
В рот иссохшийся влили мне ёлмезсуу.

Влагу жизни взяла моя каждая жила,
Тотчас в тело вернуться душа поспешила.

Кровь по жилам бежит, ожил каждый сустав,
И в сознание пришёл я, из мёртвых восстав.

Что задумано – сделано, кончено дело!
И с улыбкой бийче мне в глаза поглядела:

«Если честно ответишь на каждый вопрос,
То получишь свободу, не сдохнешь, как пёс.

А обманешь, я снова тебя оглоушу,
В путь обратный пошлю твою лживую душу.

Отвечай же мне прямо, не терпят здесь лжи!
Кто ты есть и откуда явился, скажи!»

Я поведал всю повесть с волнением сугубым.
– Значит, сделался вправду Хубун душегубом!

Путь один, чтоб избавиться от лиходея... –
Говорит она, гневом святым пламенея.

И найдя одобренье во взгляде моём,,
Снять оковы спешит... Мы – отныне вдвоём!

– Помоги же! Судьба меня злая припёрла,
Мёртвой хваткой Хубун меня держит за горло.

Давит он, и душа еле держится в теле...
Если ты мне поможешь, достигну я цели!

Если только захочешь, я буду твоя
И пойду за тобою в чужие края.

В неизвестность уйду с тобой, в чистое поле...
Мне бы только свободу, глоток этой воли!

Я сестрой тебе стану, а хочешь – женой,
Если нет – хоть служанкой, из многих одной.

А уж если и вовсе тебе не нужна я,
Здесь оставь меня, в дальний свой путь отъезжая!

От побоев устало, измучилось тело,
И душа моя, пленница, мне надоела...

Уж как знаешь, но верю, меня ты спасёшь! –
Так сказала бийче, протянувши мне нож.

И, отдав его, хочет уйти из сарая.
И дошла до дверей... Вдруг кричит, завывая:

– О Хубун, окаянный, ты – нелюдь, скотина! –
Так встречает она своего господина...

И вломившись в сарай, он широким и длинным,
Смертоносным своим размахался сырпыном¹.

Но увидел: я немощен и недвижим,
Молвил, оком окинув меня ледяным:

– В этом мире, о сын простодушный Ачея,
Места нет для такого, как ты, ротозея.

И свидетель тому – твой исчезнувший род,
Ваша правда бесплодна, она не живёт!

Эту правду искал твой отец... Но, бахвал,
Он того, чего нет, не нашёл и пропал.

Кто богат, тот и прав, и никак не иначе.
Истребивший твой род, всех я в мире богаче!

Ведь пока я – хозяин Алмазной Планеты,
Не иссякнет богатство и нет ему сметы.

---

¹ *Сырпын* – меч.

Знай, на бурой, лишайной эльбрусской скале
Есть пещера... Сокровище скрыто во мгле!

Да, в орлином гнезде – цвет алмазов моих...
Не скрываю – ведь вас уже нет среди живых!

А теперь соберу я могучую рать,
Чтоб к стене непокорных и гордых прижать.

Мингитауских нартов и нартов Адили
Подчиню, чтоб они мне, как бию, служили.

Имена же врагов моих слишком горячих
Упомянут лишь в кюях, лишь в горестных плачах.

Твой отец не сумел стать мне другом и ровней...
Как я долго молил его жить полнокровней:

«Нам подарена эта планета судьбой,
Чтобы ею владели мы вместе с тобой!»

Да, с алмазами этими мы бы смогли
Вместе стать властелинами нашей Земли.

Нет, с душою убогой и нравом поганым
Недоноску-инсану не сделаться ханом!

А теперь я один буду мира владыкой,
Только вам не узреть этой славы великой.

Ибо вы, ненароком попавшие в сеть,
Лишь могильную яму достойны узреть. –

Тут он вскинул сырпын, но в Хубуново рыло
Запустил я тот нож, что бийче мне вручила.

Нож вошёл в подбородок и глотку пронзил,
С хрипом рухнул Хубун, повалился без сил.

Словно дерево сухое, упал омертвело,
И душа его подлая вышла из тела.

Месть свершилась, теперь перед родом своим
Стал я чистым, как перед собою самим.

На три дня задержался я в доме Хубуна,
Сон и явь, всё в сознание смешалось бурунно.

И служанку назвал я сестрицею милой,
А бийче мою душу так сладко пленила...

Несказанно счастливым я встретил все три
Небывалые, полные жизни зари.

Должен был я уехать. Дорога опасна...
Женщин взять я не мог, это всякому ясно.

Я Хубунов табун отгоняю домой,
А потом – в путь обратный дорогой прямой.

ШЕСТЬ БОРА

Ачемезу внимая, воспрянул Бора,
Но судьба его кличет, взывает: «Пора!»

Вновь к груди прижимая свою сыбызгу,
В путь собрался... Вся жизнь, как всегда, – на бегу...

Реки вброд переходит, бредёт по нагорьям,
Входит в сёла, и всюду гоним своим горем.

Он спешит, он не может нигде отдохнуть,
Так тревожит, томит неоконченный путь.

Крепостная стена на пути этом встала,
Вот и место здесь выбрал Бора для привала.

Лёг под ивой прибрежной, чтоб спать до утра...
Но разбужен был жалобным ржаньем Бора.

Ржанье нежную душу тревогой пронзило...
Долго лошадь стонала, пощады просила.

Словно шкуру содрали и, сделав бурдюк,
Загоняют в него же для пыток и мук.

Злое фырканье нудным становится плачем,
Обрывается оханье визгом собачьим.

Хлещет плеть, и мерещится: век напролёт
Лошадь падает вновь и опять привстаёт...

– Чтоб волкам ты досталась, дрянная кобыла,
Если ты своего жеребёнка забыла!

Я и сам бы швырнул тебя в чёрную пасть...
Родила, а потом разленилась, и – шашть! –

Глотку драл незнакомец, но голос знаком...
Был слепец растревожен густым говорком.

Развернулся он к ветру, несущему крики,
Слышит голос, увы, для слепого – безликий.

Ковыляет на этот навязчивый шум,
И прошла в голове его тысяча дум.

Он прислушался к сердцу, напрягся, и вот
Догадался, кто там, в отдаленье, орёт.

Лик убийцы возник перед мысленным взором...
Хоть мечтает Бора о возмездии скором,

У небес для себя просит выдержки он.
Подошедши к Губу, речь завёл, затаён:

– Здравствуй, путник, мной встреченный в этом краю!
Отчего истязает ты лошадь свою?

Что ты lupишь её по бокам исхудалым?
Чем уж мучить, ударил бы лучше кинжалом!

– Ты кому это взялся советы давать?
Оборванец, как смеешь меня поучать!

Да иди ты своею дорогой, бродяга,
И не зли меня – я изнемог от напряжения!..

– Горячиться не надо... Давай поскорей
Камень ты привяжи к лютой злости своей!

Если вы, богачи, что гордитесь собою,
Препираться решитесь с такой голытьбою,

Всё почтение к вам пропадёт в тот же час.
Не пристало вам гневаться, злиться на нас!

Вы хоть делайте вид, что упрёки учли,
И молва вас прославит до края земли.

– Да о чём ты болтаешь! Ведь эта кобыла
Предала жеребёнка и совесть забыла.

– Оправдать не могу, но причина была...
Если б знал её, выжег бы злобу дотла,

Как огнём дымоход очищают от сажи...
Души всех в этой жизни – под гнётом поклажи.

Расскажи, что болит, свою гордость смири,
Посоветуйся с бедным слугою Тейри!

– Что сказать? У кобылы был день ожерёба,
А уж волк-лихоимец следил за ней в оба.

И едва жеребёнок явился на свет,
Прянул хищник матёрый, спасения нет!

Испугавшись, шарахнулась эта кобыла
И отпрыгнула в сторону, и завопила.

Ну а я тетиву отпустил, и стрела
Прямо в сердце голодному волку вошла.

Кровь хлестнула, и хищник застигнут врасплох,
Повалился на жертву и тут же издох.

Но силён его запах, пусть веянье тонко...
Волчий дух был привязчив, вошёл в жеребёнка.

Страшным чудищем вдруг показался кобыле
Нежный отпрыск, и страхи её изнурили.

Но ведь мать, что отторгла родное дитя,
Морит голодом, с первого дня сиротя,

Как назвать? Не убийцей ли? Правду ответь!
Разве эту негодницу стоит жалеть?

– Погоди, дай подумаю... Надо мне только
Подойти... Жеребёнка коснуться позволъ-ка! –

Подошёл к жеребёнку и, тронув чело,
Начал гладить, своё отдавая тепло.

Вскинул дудку и «Песнь Чуерди» заиграл он,
Сладость музыки, горечь её расплескал он.

Ей внимая, замедлили путники ход,
Птицы в небе застыли, сдержали полёт.

Внемлют черви, жуки, и живой, величавой
Очарованы песней дерева и травы.

Обращенные к музыке светлой, благой,
Говорливой они пленены сыбызгой.

Входит музыка в самые тонкие жилы,
И всему эти звуки живущему милы...

Лошадь дрогнула, словно проснулась, томясь,
Словно разом стряхнула дорожную грязь.

В лихорадке она задрожала, заржала,
Словно жизнь возлюбила, из мёртвых восстала.

Оглянулась, пошла и, сбиваясь с копыт,
Что есть силы она к жеребёнку бежит.

Облизав, об него нежно трётся щекою,
И текут её слёзы горячей рекою...

Лошадь смотрит на дударя, с нежностью глядя
Учащённым дыханьем волос его пряди

Ну а слёзы, стекая, коснулись лица
И попали в глаза неживые слепца –

И внезапно увидели эти зеницы
Яркий солнечный свет, что горит и струится.

– О Верховный Тейри, Ты могуч и велик!
Вижу, вижу я Солнца сияющий лик! –

Так Бора закричал, полон счастья и силы,
И прижал к себе голову, гриву кобылы.

Вдруг, охвачен печалью минувших времён,
Не стерпел и заплакал от радости он.

И смущённо, не в силах постичь волшебство,
Обласкал жеребёнка, приподнял его.

Сразу к вымени, всё горячей и упрямей,
Жеребёнок припал и зачмокал губами.

– О Тейри, как за всё благодарен тебе я,
Жажду мести во мне сделай малость слабее!

Ну а если кому-то настанет черёд,
Благородною смертью пускай он умрёт! –

Молвив так, прикоснулся прозревший к свирели.
Он играет и пляшет в безумном веселье.

Всё живое втянув своей музыкой в пляс,
Оторвать он не может от изверга глаз.

Вот Бора улыбаётся, радостнолицый,
Но Губу между тем раздражается, злится.

– Перестань улыбаться! – он машет рукой, –
Хватит, я угадал уже, кто ты такой!

Что ты впился в меня? Ты – мой враг, как я гляну...
Ты зачем бередишь мою старую рану?

Так давно я ваш род ненавидеть привык...
Ну откуда ты взялся, откуда возник?

Из-за вас не увижу отчизны, быть может!
Жизнь в изгнании душу тревожит и гложет.

И томит одиночество день ото дня,
А умру, и никто не оплачет меня...

Но когда бы я умер, тебя не узрев,
Я бы умер в покое, забывши свой гнев,

Отстраняясь от давнего кровопролитья...
А сегодня не в силах тебя пощадить я!

Кто прошёл по росе, уж меня извини,
Тот в реке промочить не боится ступни.

Что глядишь? Уходи подобру-поздорову!
Прочь! Не дай моему сбыться вещему слову!

– Я пришёл, чтобы мстить, и грозить мне не смей!
Но сегодня, когда ты во власти моей,

У меня отвращенье ты вызвал такое,
Что противно приблизиться, тронуть рукою.

Так легко я тебя уничтожить могу...
Если только я в руки возьму сыбызгу,

Ты заплывешь и станешь плясать до упаду,
Издыхая в поту без надежд на пощаду.

Но убийство – не дело моей сыбызги,
Воскрешающей души... Так сам ты беги!

Столько зла натворивши, из жизни уйти,
Это – путь самый лёгкий, есть круче пути.

Ты живи! Одиночества горечь изведай,
До конца по дорогам изгнания следуй!

Просветлела душа моя! Жалкий и хлипкий,
Никогда ты моей не забудешь улыбки!

Сам себя без отдышки грызи и глодай...
Но пора мне вернуться в отеческий край.

Я поведаю всем, как наказан злодей,
Расскажу о безрадостной доле твоей.

То, что некому будет, когда околеешь,
Труп нести на носилках – детей не имеешь.

То, что некому будет оплакать тебя
И в могилу зарыть, над ушедшим скорбя...

Я вернусь и на кладбище вновь навещу я
Тех, кого так жестоко убил ты, ревнуя.

Я могилу отца обниму и могилу
Рядом с ним похороненной матери милой. –

Молвив слово, Бора резко двинулся прочь,
Но Губу своей злобы не смог превозмочь.

Разъярился, вдогонку рванулся за ним...
Оглянулся Бора, замер, невозмутим.

Вот Губу замахнулся, рванулся стремглав...
В это время кобыла метнулась, заржав.

Разделила врагов, задом ставши к Губу,
Хочет бить её злой, одичавший Губу...

Но заржала с пронзительным визгом кобыла,
И взвилась, и лягнула Губу, и – убила!

Повалился Губу на дорогу, и склизки
На пути каменистом кровавые брызги...

Вот Бора отволол труп Губу охладельй,
Вырыл яму, спустил в неё мёртвое тело.

Забросав эту яму землёй, как сумел,
Не промедлил и в нартский направился эл.

СИБИЛЬСКИЕ НАРТЫ

СИБИЛЬСКИЕ НАРТЫ

Сибильчй – из Дебетовых он сыновей,
Прародитель одной он из нартских ветвей.

Он находчив – по следу идёт за пропажей,
Он вынослив, он храбр перед силою вражьей.

Как расчешет железные кудри свои,
С треском сизые искры летят, как рои.

Как он глянет кому-то в глаза, тот заснёт...
Его тело стальное огонь не сожжёт.

Но, всегда равнодушный к любой укоризне,
Сибильчи не насытится благами жизни.

Вот за что и бранит его гневный Дебет,
Но одни отговорки он слышит в ответ.

Сибильчи неуступчив – железного нрава,
Он везде оторвёт свой кусок, пусть неправо.

Счастлив он, в Уллу-Каме ¹ родном обитая,
И прославлена крепость его золотая.

Здесь жируют все девять его сыновей,
Предприимчивых, гордых удачей своей.

Из набегов они, грабя всех без различий,
Возвращаются часто с громадной добычей...

Надоели однажды им скука и сор,
Девять братьев нашли себе девять сестёр.

Вскоре девять младенцев на свет появилось,
Все завистники, всё их отродье озлилось.

---

¹ Уллу'-Кам – ущелье и река в Большом Карачае у подножия Эльбруса; слияние рек Уллу-Кам и Учкулан образует реку Кубань.

Как ярились они, закусивши губу!
Сибильчи же был счастлив, он славил судьбу.

Милых внуков себе посадив на колени,
Забавлялся счастливец, не ведая лени.

Но однажды устал он от этих забав
И, своих сыновей для похода собрав,

В дальний двинулся путь, ехал степью и лесом,
И в пути повстречался отряд с Ачемезом.

Возвращался, свершив свою месть, Ачемез.
Всё, что было, поведал как есть Ачемез.

Всем пришлись по душе Ачемеза рассказы,
Но когда услышал Сибильчи про алмазы,

Загорелись глаза... Говорит он: «Давай,
Мы помчимся с тобой в Мингитауский край!

Поспешим и отыщем сокровище там
И поделим с тобою его пополам...

А узнают другие дорогу к алмазам,
Обезумев, утратят и совесть, и разум.

Перережут друг друга, не сдержат мечи!»
Но смешны Ачемезу слова Сибильчи.

– Мой отец из-за этих алмазов – в могиле!
Говорю: так не будет, как вы порешили!

Ведь хозяин алмазов – весь нартский народ,
Тот погибнет, кто их для себя заберёт!

– Вот когда я постиг, что случилось с Хубуном!
Видно, выхода нет, не осилить судьбу нам.

Только я не сумел бы, как этот злодей,
Чью-то душу сгубить из-за ярких камней.

Совесть стоит дороже. Но я ведь везучий,
Коль удача пришла, упущу ли я случай!

Я не стану со всеми делить наравне
Тех сокровищ – они предназначены мне.

Я и сам доберусь до алмазного клада,
Угадаю дорогу, возьму сколько надо...

Ты же пленником будешь. Упрямишься – что ж,
Ты в алмазной пещере пока поживёшь.

Но очнись, не ходи по опасному краю,
Пособи мне, ведь я тебе зла не желаю!

Но добьюсь своего и возьму этот клад.
Погляди: мои воины рядом стоят.

Прикажу, и повяжут тебя, разгильдяя...
– От врага не спасёшься, ему угождая!

Пусть вас много и пусть вы сильнее меня,
Не боюсь вас, противна твоя болтовня!

Замолчи, ни к чему словопрения множить,
Сила есть – попытайтесь меня уничтожить!

Всем живущим судья – лишь Верховный Тейри,
Наши судьбы – в руках Его, как ни мудри! –

Так сказал Ачемез, меч стремительно вынул
И врагов своих оком сокольным окинул.

«Кто же бросится первым?» – вот мысль Ачемеза...
Сибильчи же кудрей своих чешет железо.

Брызжут искры, и взгляда от них не отвлечь...
Тут завёл Сибильчи сладкозвучную речь.

И проснулась в очах его мощь колдовская,
И очей Ачемеза коснулась, лаская.

– Спи спокойно! – коварно шепнул Сибильчи.
Ачемез заколдован, хоть криком кричи.

Взяли спящего, в бурку его завернули
И с собой повезли, по пути карауля...

Сибильчи во главе девяти сыновей
К Минги тау спешит за добычей своей...

Он пещеру сокровищ нашёл среди скал
И владельцем алмазов Хубуновых стал.

Заточил Ачемеза в заветной пещере
И закрыл на запор нерушимые двери.

Окруживши надёжною стражей тайник,
Рядом с этой пещерой он крепость воздвиг.

Скопом нарты сибильские в ней поселились,
А враги бушевали, завистники злились.

СЫН АЛБЕРМЕЗА БЕЗБОРОДЫЙ БУРУНГУК

Албермезовы – девять их, братьев и жук ¹!
Старше всех безбородый лихой Бурунгу́к.

Он – великий тёре ² на побережье Адили,
Только зря к Бурунгуку за правдой ходили.

Победит и неправый, коль взятку принёс,
Ну а честный бедняк в том суде безголос...

Как никто он умеет сплотить своих братьев,
Их богатства умножив, хоть совесть утратив.

С каждым он одинаков, но всё ж остальных
Стал намного богаче, заботясь о них.

Говорят, у него есть кинжал в три клинка,
Перед ними любая порода мягка.

Как пойдут огневые лучи из кинжала,
То алмаз просекут и пронизуют, как жала.

Неприступная крепость – жильё Бурунгука,
Но бездетность – его непрестанная мука...

Вот Гуждар, этот мальчик, «сошедший с небес»,
Нынче стал его сыном и в душу пролез.

Любит мальчика нарт, и с ребёнком нежна
Бурунгука родная сестра Айсана.

Но того, что она – мать родная Гуждара,
Брат не знает, иначе не снёс бы удара.

---

¹ Жук – родоначальник возникающей племенной ветви.

² Тёре – третейский суд.

Годы льются, как воды, струятся куда-то...
Дважды десятилетия прошли без возврата.

Вот Гуждар уже сделался богатырём.
Айсана расцветает, заботясь о нём,

И приёмною матерью стала родная,
Потаённо и нежно свой долг выполняя,

Так смиренна она и покорна судьбе.
А Гуждар Айсану именует «Акбе»¹.

И не знает она, пряча в сердце кручину,
Как поведает правду бесценному сыну,

И несёт свою ношу, и помнит вину.
«Старой Девой» давно уж зовут Айсану.

Женихов отвергает, ей все не по нраву.
Носит чёрное – помнит она Рачикау.

Кто же время удержит, вернёт его вспять,
Сможет рану сердечную уврачевать?

Не сказала служанка ни правды, ни лжи,
Не болтала о тайнах своей госпожи.

А ведь жгучий настой миновавшего густ.
То, что в мыслях, однажды срывается с уст...

Потому-то давнишние эти дела
Прочь из памяти, в пропасть служанка гнала.

Повинуясь Тейри, с прилежаньем и жаром
Айсане помогает возиться с Гуждаром.

Дни текут, не удержишь речную струю.
Албермезовы правят в приволжском краю.

Дивный край – побережье Адилы великой,
И себя Бурунгук здесь считает владыкой.

Необычного друга завёл Бурунгук,
Изрыгает огонь из пастей этот друг.

Мало ль – восемь голов и шестнадцать ушей,
Да ещё два крыла – век живи, хорошей!

---

¹ Акбэ – тётя.

Всё на свете окинув пронзающим оком,
Устремляется к цели в полёте высоком.

Стрелы солнца он может догнать и спроста
Просквозить небеса до седьмого пласта.

Ох, немногим даётся такая наука!
Это чудище – преданный друг Бурунгука

С той поры, как, сжигая, разя вперехлёт,
В битве встретились воинства тысячи звёзд.

Бурунгук спас в сражении Желмауза...
Не бывало на свете надёжней союза.

Так друзья порешили на все времена,
Что и в жизни, и в смерти дорога – одна.

И не зря дали клятву два друга однажды:
Может впредь на подмогу рассчитывать каждый.

ПЛАЧ БИДЧЕ, ВДОВЫ ХУБУМА

Ох, несчастная я – участь моя черна,
Горемычная я – продана и предана!

Я – та, чья чистая честь извергу вручена,
Чьё чистое тело в грязь брошено, как спьяна.

Муж-убийца убит, вот – месть за его резню!
В чёрное не облачусь и головы не склоню.

Тот, кто мстителем стал (нет равных ему нигде),
Он и поднял меня, к чистой отнёс воде.

Плескалась я в той воде, стала чиста, светла...
Это меня любовь, как озеро, обняла!

Был счастливейший день радостью полон всклень,
Сновиденье и явь соединились в тот день.

Уехал любимый мой, вернуться пообещав,
Мне оставил любовь, в подарок надежду дав.

Не возвращается он, горестно жду его...
Мне поведать о нём не смог никто ничего.

Жну урожай тревог, скорбную жатву мою,
Встречных о друге моём спрашивать устаю.

Никто его не видал. Где же любимый мой?
Стала теперь для меня крепость наша тюрьмой.

Ищу утешенья душе... На ясный месяц взгляну
И думаю: милый мой ту же видит луну!

Когда между двух морей перелетит ветровей,
Вижу край, где живёт избранник души моей.

Воздух я жадно пью, льющийся с тех высот,
Верю: он милого вздох с той стороны несёт.

Тёмной ли ночью я услышу топот копыт,
Чудится, милый ко мне издалека спешит.

С ложа срываюсь к окну, чтобы ночь напролёт
Сидеть у окна, вести всем проезжающим счёт.

Коротки дни, длинны ночи мои от невзгод.
Время, чуть шевелясь, как черепаха ползёт.

Ранят душу мою тревожных дум острия,
Меркнет, кончаясь, чадит, вянет надежда моя.

БЫЙЧЕ ВСТРЕЧАЕТСЯ С БУРУНГУКОМ

То и дело бийче тянет плач свой унылый,
Гладит цепи, которыми скован был милый,

Её нежное сердце изъела тоска,
На дорогу глядит, а она далека...

Стала спрашивать об Ачемезе проезжих,
Сообщать о печалях и давних, и свежих.

То слова утешенья услышит, то брань.
Безучастно спеша, кто-то молвит: «Отстань!»

Как-то ехал, собравшись в набег, Бурунгук.
– Пусть твой день будет добрым! – изрек Бурунгук.

– Вам желаю добра и удачи в дороге!
Молвить слово решусь я... Не будьте же строги!

Слишком рано моя обмелела душа...
Снизойдите, коль речь моя нехороша...

Я прошу, Вы сейчас, как сестре, мне ответьте...
Знаю, много Вы мест повидали на свете.

Там, где Вы оказались по воле небес,
Не встречался ли Вам некий нарт Ачемез?

– Да уж знаю я трёх-четырёх Ачемезов...
О каком ты горюешь, всю душу изрезав?

Есть чабан Ачемез, Ачемез-конепас,
Есть и хан Ачемез, всех знатнее у нас...

Расскажи, что случилось, порадуй беседой!
Чем смогу, помогу, только правду поведай! –

Тут бийче, торопясь, начала свой рассказ,
Всю жестокость судьбы прокляла, и не раз.

Начались об отце-скопидоме рассказы,
Обменявшем красавицу-дочь на алмазы.

Рассказала о лютости мужа-злодея,
Что и тестя сгубил, как семейство Ачея.

Как ребёнок доверчива, горя полна,
Про любимого всё рассказала она.

Про пещеру алмазов, про воду живую
Бурунгуку поведала всё подчистую.

– Я обдумаю то, что ты мне рассказала.
Чем смогу, помогу... Здесь работы немало!

Опрошу всех знакомых, найдётся твой друг!
С доброй вестью вернусь! – говорит Бурунгук. –

Будь спокойней! – И кинулся к Желмауузу,
Понимая, что повесть придётся по вкусу.

Поспешил, чтоб дружка раззадорить, встряхнуть...
Тот ответил: «Вперёд! Отправляемся в путь!»

БУРУНГУК И ЖЕЛМАУУЗ

Вещий Джелмаууз был смышлён и толков,
Поднапряг в размышленье все восемь голов.

Где пещера алмазов на кряже высоком,
Он унюхал, узрел её мысленным оком...

– Заслонившую вход не прорубишь плиту!
Девять стражей, сменяясь, стоят на посту.

Рядом крепость стоит на твердыне отвесной,
На скале, окружённой бездонною бездной.

Девяносто и девять всезрящих очей
Даже муху заметят во мраке ночей.

Девяносто и девять стоят откусаров,
Девяносто и девять больших курчатаров.

Первый выпалит – разом все прочие грянут,
Словно в пропасть здесь жизни бессчетные канут.

Брызнет пламя, стальные посыплются брусья...
Сразу трупы усеют простор Приэльбрусья.

Силой эту пещеру не взять никому...
Лишь Хубун оплошал, всё отместилось ему!..

Нынче всем завладела семья Сибильчи,
Словно с неба в их руки упали ключи... –

Обо всём рассказал старый друг Бурунгуку.
– Как же нам наложить на сокровище руку,

Если так стерегут его? Пусть я не трус... –
Тут ответил, подумавши, Желмаууз:

– Будем хитрыми, если борьба не по силам.
Первым делом отправимся в гости к сибилам.

Все разведав – что делать, на месте поймём.
Коль Тейри нам поможет, спалим их огнём! –

Так они и решили, два алчущих друга,
Хитрый Желмаууз убедил Бурунгука.

Своих братьев, не медля, созвал Бурунгук.
– Еду в гости! Вы ждите! – сказал Бурунгук. –

Приглашают сибильские нарты меня...
Что им нужно, как знать... Но сажусь на коня.

Возвращусь я и вскоре поведаю вам
Всё, что визнаю, всё, что разведаю там! –

Обманул своих братьев и с Желмауузом
Едет к нартам, живущим под самым Эльбрусом.

Вот и крепость... Два друга, приблизившись к месту,
О своём миролюбье поведали жестом.

Сделав знак, что хотели бы в гости зайти...
Были впущены в крепость – конец их пути!

Угостили сибильские нарты гостей,
Изобильем блеснул Сибильчи-богатеи.

Оглядел Сибильчи Бурунгука и разом
Пронизал его взором своим остроглазым.

– Ну, скажите, зачем вы приехали! Ну-ка... –
Так заметно лукавство в глазах Бурунгука!

Расчесал Сибильчи свои кудри стальные,
Устремил на лукавца зрачки колдовские.

Молвил: «Спать!» Бурунчук погружается в сон...
Позже был он разбужен, во всём уличён.

Тут уж Желмаууз, подивившись напасти,
Попытался разинуть широкие пасти,

Чтоб огонь изрыгнуть, но успел Сибильчи
И его подчинить, хоть рыдай, хоть рычи...

Взвыли восемь голов и заныли, мурлыча,
А потом и заснули... У нартов – добыча!

Сибильчи рассмотрел Бурунгука в упор,
И начался озлобленный, бешеный ор:

– Ты явил свою подлость, и, правдой владея,
Разве можно оставить в живых лиходея?!

Но сейчас ты – мой гость и пришёл к очагу,
В этом доме убить я тебя не могу.

Для того, чтоб казнить тебя, место найду я!
Прочь из крепости! – гонит врага, негодуя.

Вот уже Бурунгука ведут к Сары-Тюзу¹,
Стало страшно ему, как мальчишке-бутузу.

Сыновья Сибильчи его гонят на луг,
Бурунгуку дают они имя «Ёллюк»².

И воззвал Сибильчи: «Что робеть и лукавить!
Если мы не решимся его обезглавить,

Разве сможем сберечь мы алмазы и впредь
Будем в силах всей этой землёю владеть?!

Тот, кто мягок, того и сомнут, и сожрут...
Миром правит лишь тот, кто безжалостно крут.

Мы сильны и едины, поэтому правы,
Это значит, что враг не избегнет расправы.

Так не дрогнем, снесём ему голову с плеч!
Но дадим ему то, что захочет, изречь...

– Я не прав! Не скажу, что погиб неповинно.
Что поделать, умру, уж такая судьбина!

Но хочу под конец попросить кой о чём...
Очи жадные алчут, хоть я под мечом.

Дайте эти алмазы увидеть хоть раз,
Дайте радость душе и отраду для глаз!

И тогда я умру, вам желая удачи,
Ни о чём не жалея, без жалоб и плачей! –

Так молил Бурунгук, лбом касаясь земли,
И сказал Сибильчи: «Что ж, покажем! Пошли!»

Тут к мечте заповедной, к заветному кладу
Подвели Бурунгука – вот казнь казнокраду!

Все заходят в пещеру... Но прежде чудес
Изнурённый пред ними предстал Ачемез.

---

¹ *Сары-Тюз* (букв. «Жёлтая равнина») – название местности в Карачае, где сейчас расположено село с одноименным названием.

² *Ёллюк* – букв. «тот, который умрёт», т. е. приговорённый к смерти.

Бурунгук же к сокровищам кинулся сразу,
Изумляясь, бросаясь к любому алмазу.

И алмазы, что больше, крупней, чем он сам,
Крепко он обнимает, не веря глазам.

Усмехаются нарты, на жадного глядя,
Ну а он к самоцветной подходит громаде

И за камень сверкающий вдруг забежал,
Свой тройной из-за пазухи вынул кинжал.

– О Тейри, сделай мощным оружие моё! –
Так сказал он, к алмазу прижав остриё.

Разом пламя пошло от клинков ючесера¹,
Содрогнулась и вся озарилась пещера,

Луч алмазную глыбу прорезал насквозь
И сразил Сибильчи... Вот и горе стряслось!

Из пещеры бегут сыновья Сибильчи,
Обезумев, лишаются сил силачи.

Придавило их горе, подобно громаде...
И на узника, на Ачемеза не глядя,

Бурунгук устремился к врагу своему
И, в глаза поглядев, прикоснулся к нему.

Но душа Сибильчи не покинула тела,
И открыл он глаза, пусть рука ослабела,

Пусть слегка приподняться, чуть двинуться – мука,
Произнёс он: «Умри!» и убил Бурунгука.

Но и сам умирает... Меж тем Ачемез
Незаметно ушёл из пещеры, исчез.

А в пещеру, отчаянны и горячи,
С плачем ринулись вновь сыновья Сибильчи...

Разъярились и прокляли нартов Адили
И совета у самых старейших спросили.

Молвил старый Дебет: «Сибильчи был мне сыном,
Но от жадности сгинул в разгуле бесчинном.

---

¹ Ючесёр – букв. «режущий на три».

Знаю я, что убил его не Бурунгук,
А убили алмазы, сверкнувшие вдруг.

Что мне делать? Так больно душе, так уныло!
Злое горе в мой дом, в мою крепость вступило.

Ну а вы, мои внуки, умерьте свой гнев,
Хрупкий мир не ломайте, от злости вскипев!

Сибильчи и убийцу его Бурунгука
Та же алчность сгубила, как ядом гадюка.

Совладеет ли алчный с нещадной судьбой?
Нет, над глыбой алмазной издохнет любой!

Труп убийцы взвалите на Желмаууза!
Прочь алмазы! Не надо нам этого груза!

Где-то ждёт Бурунгука несчастная мать...
А отец ваш не смог нартом подлинным стать!

Я учил его, он не учился... Ещё бы –
Только сам постарел я от этой учёбы!

О, не диво, что сын мой судьбы не избег,
Нартом быть он не смог, умер, как человек!

Отгулял Сибильчи, и душа отлетела,
Так предайте же чёрной земле его тело.

Поспешите! Добившись прощенья хоть как,
Уплатить Ачемезу вам нужно ясак.

После в крепости вашей для праведной кары
Откусары зарядите и курчатары

И в пещеру прицелитесь, в злобную пасть,
И взорвёте алмазы! Да чтоб им пропасть!»

И услышали внуки веление это,
Сокрушили пещеру по воле Дебета.

Но они понимали, что скоро враги
В край нагорный ворвутся и взыщут долги;

Что готовятся к битве на дальней Адили
И великое войско в поход снарядили.

Вот, слова осужденья сказавши сибилам,
Мингитаусцы к битве готовятся с пылом.

И лазутчиков шлют на Адиль – разузнать,
Что творится, какая там собрана рать.

И с разведкой примчались тревожные вести
К предводителям нартов, собравшимся вместе.

НАРТЫ АДИЛЬ-СУУ ГОТОВЯТСЯ К ВОЙНЕ

Славен бий Бурунгук... Нынче из Приэльбрусья
Возвратился он трупом на Желмаузе.

И приёмыш Гуждар слёзы льёт без конца,
Нежно гладит он стылые щёки отца.

Слёзы льёт Айсана, своим горестным плачем
Понуждая и братьев к рыданьям горячим.

Воет Желмаууз – только правды ни звука!
Он вопит: «Сибильчи погубил Бурунгука!

Нет пощады ему!.. Эй, сейчас я хочу,
Чтоб сыграл нам “созывную” согуучу¹!

Мы ответим! Убийцы дождутся ответа!
Кто гостей убивает? Где слыхано это?!

Отомстим мингитауским кровным врагам!»
Не кончается крик, умножается гам.

Это Желмаууз, жар вражды раздувая,
Созывает народ Приадильского края.

Столько нартов сошлось для отмщенья врагу,
Их нельзя сосчитать, как травинки в стогу.

Как под ветром колеблясь, вскипая от злости,
Осуждает толпа убиение гостя,

Вероломство клянёт мингитауцев злых,
Ожидает совета от старцев седых.

Лживый Желмаууз говорит вперебой...
О, как часто толпа верит кривде любой!

---

¹ *Согуучу* (букв. «играющий») – музыкант, горнист.

Погребли Бурунгука, но мести кровавой
Жаждет род Албермеца и дышит расправой.

Здесь к войне призывают и плачут навзрыд,
Слово «сдержанность» нынче как «трусость» звучит.

На домашнем совете – и ярость, и жар.
Здесь решили: «Уже повзрослел наш Гуждар.

Пусть он тоже войдёт сюда, с нами садится,
Бурунгука помянет – нельзя сторониться!»

Всей душою о брате скорбит Айсана,
Но за сына тревожиться стала она...

Девять братьев имеют друзей пребогато:
Девяносто и девять – у каждого брата!

А у этих найдутся, скажи только слово,
Девяносто и девять друзей – у любого.

Все в доспехах, и каждый – отважный рубака,
И у каждого – конь боевой и собака.

Если каждый возьмёт на войну свой сырпын,
Если все они выйдут в поход как один,

Разве враг устоит перед ратью геройской!..
К Минги тау наутро пойдёт это войско.

В этом войске – и жаждущий мести Гуждар,
Грозно блещет в могучей руке откусар...

В эту ночь, под тяжелыми пальцами сна
Не смежившая веки, не спит Айсана.

Обращается к верной служанке она:
– Что мне делать? Ведь снова беда суждена!

Ты скажи, как же всё объяснить мне Гуждару
И чему обучить? Как он встрял в эту свару!

Слишком пылок он, смел и с войной не знаком...
В пламя битвы он может порхнуть мотыльком.

Как его уберечь, укрепить его длани?
Заблудился мой разум, как путник в тумане.

– Так расскажем всю правду! Решись, Айсана!
Если мы промолчим, будет наша вина.

Стал разумен Гуждар, стал могуч, и, понятно,
Слово правды теперь не поймёт он превратно.

И не даст он убить себя братьям отца,
Да и сам не решится пронзить их сердца.

Он какой-нибудь способ, я верю, найдёт,
Чтоб забыл про усобицы нартский народ.

Наш Гуждар, он не зря ведь тобою воспитан,
Оба племени братских подружит, сплотит он!

Эта речь Айсану ободрила, согрела,
Все сомненья ушли и велит она смело:

– Будь что будет, зови его! Как ни мудри,
А надеяться надо на милость Тейри! –

Вот служанка ушла. И, волнение пряча,
Нелегко Айсане удержаться от плача.

– О Тейри, помоги! Что же будет, как знать... –
Попыталась тревогу из сердца изгнать.

Не промедлил Гуждар, прибежал: «Я к тебе!
Мне сказали, что ты меня ищешь, Акбе!»

Айсана, возвратясь в своих думах к былому,
О минувшем поведала сыну родному.

В заключенье сказала, что снился ей сон...
– Трудный путь тебя ждёт, боем кончится он!

Если с кровным врагом повстречаться случится,
Ты предложишь: «Давай, как друзья, будем биться!»

Поменяться мечами ему ты предложишь...
Если это удастся, сразить его сможешь.

Сделай, как я сказала, смотри, не забудь,
Или враг тебя сломит и ступит на грудь! –

Мать умолкла, в слезах обняла она сына.
Вот смеются и плачут – свела их судьбина!

И служанка обнять их спешит... О Творец!
Эти души друг друга нашли наконец!

ВСТРЕЧА МИНГИТАУСКИХ И АДИЛЬСКИХ ВОЙСК

Вот, родных и друзей на прощанье обняв,
Нарты двинулись в путь от адильских застав.

К Минги тау направилось грозное войско,
Девяносто их тысяч, джигитов геройских.

Изучают приметы, ведь участь темна...
Начертали на латах свои имена.

В битву так и летят кони дивной красы,
И бегут, не отстанут свирепые псы.

Путь немалый к нагорьям от синей Адили.
Вот прошли его нарты, коней осадили.

Пограничная речка блеснула, и тут
Отдыхают бойцы, перекличку ведут.

Братья держат совет, как сраженье начать им.
– Нужно жалость забыть! – крови хочется братьям.

– Да, пора мингитауских наших врагов
Уничтожить, скосить, словно травы лугов! –

Что-то каждый советует с жаром кому-то.
Албермезовы спорят, и ширится смута.

Тут воскликнул Гуждар: «Все вы старше меня,
Значит, опытней, и ни к чему болтовня!»

Но, должно быть, законы войны вам не внове,
И давайте сперва обойдёмся без крови.

Пусть послы наши скажут противникам злым:
«Если вы не сдадитесь, мы вас истребим!»

Предложение понравилось всем, но потом
Возникает вопрос: «Кто же станет послом?»

И один говорит: «Это мненье Гуждара!
Пусть потрудится сам, чтобы кончилась свара!»

– Да, пусть будет послом! – согласился другой, –
Да поможет Гуждару Тейри всеблагодью!

– Пусть он всё же возьмёт с собой несколько конных,
Да прихватит собак, самых злых, разъярённых!

Отвечает Гуждар: «Нет, поеду один!
Меньше так подозрений, для стычки причин.

Лучше сяду на самую жалкую клячу,
Тихо в стан прокрадусь и врагов одурачу».

Вот – граница... «Ну что ж, погляжу, что за ней,
Что творится. А после... Там будет видней!»

Он поднялся на холм, поглядел с крутояра...
«Сон ли это?» – тревога объяла Гуждара.

Перед ним на равнине – эльбрусская рать.
Их так много, что даже земли не видать.

Встала тысяча воинов в первом ряду,
Ждут приказа и держат коней в поводу.

Тут – знакомые наши Бора с Чуерди,
Ачемез рядом с ними стоит впереди.

Приготовлены к бою и копья, и луки...
Тут Гуждар чуть смутился, но взял себя в руки.

– О Тейри, помоги же всей мощью небес нам! –
Крикнул он и лицо своё сделал железным.

Вот он спешился, двинулся в сторону орд,
Речь завёл, не робея, и властен, и твёрд:

– Нарты-воины! Знайте, что ваш я по крови!
Всё адильское войско за мной наготове.

Мы с войною пришли к вашим славным горам,
Уничтожим того, кто противится нам!

Вы на землю оружие своё положите,
А в подарок от нас жизнь свою заберите!

Только выдайте нам поскорее того,
Кто безжалостно дядю убил моего!

А упрётесь – убийцы вам, стало быть, милы...
Ну, тогда испытайте в бою свои силы!

Всех мы вас истребим, не оставим в плену,
Искупают лишь кровью такую вину!

– Это кто ж нам грозит, пышет злостью собачьей?!
Будь ты нарт, никогда не сидел бы на кляче.

Вот бесстыдство! Убийцы – не мы, это – вы!
Сами пролили кровь, и страшитесь молвы.

Это дядя твой в гости приехал к сибилам,
Сибильчи-исполина коварно убил он!

Но погублен и сам волшебством Сибильчи...
Ачемеца послушай, а после кричи!

Не пора ли опомниться, поворотиться?
Сгинь же с глаз и пойми, если ты не тупица!

То, что слышал, своим расскажи, не трезвоня...
Если с миром уйдёте, не будет погони!

Мы ведь нарты, какие меж нами бои!
Кровь не будем мы кровью смывать, мы – свои!.. –

Так изрек Гилястан, глянув цепким глазком.
«Кто же это? – подумал. – Как будто знаком...»

А неожиданная правда Гуждара смутила,
Повернул он коня, прочь отъехал уныло.

Возвратиться он к войску спешил своему
И поведать всё то, что сказали ему...

Начались тут сомненья, от споров и брани
Шумно стало в большом албермезовском стане.

Но и всё же решили, что бегство – позор
И уж лучше остаться в краю этих гор.

– Ну, тогда поднимайтесь! Коль честь дорога,
Все пойдём без оглядки! Вперёд на врага! –

Так взывает старейший в роду Албермеза.
Стали строиться нарты, грохочет железо.

К Уллу-Тюзу¹ поехали... Вдруг – кутерьма!
Мингитауцев видят на склоне холма.

Те спустились, а эти пошли им навстречу,
Обе рати торопятся ринуться в сечу.

---

¹ Уллу-Тюз (букв. «Большая равнина») – название местности в Карачае.

Вот по воле вождей оба войска застыли...
Воют лютые псы ополченья Адили.

Унимают хозяева лай непрерывный,
И отчётливо слышится речь Гилястана:

– Мы сраженье начнём, как обычай велит нам...
Двое в споре пусть встретятся кровопролитном.

А потом поглядим, кто кого победит,
И дадим победителю имя «Джигит».

А затем воедино два войска сведём,
Победителя сделаем нашим вождём.

Все достигнут теперь своего... Будут вместе
Оба братских народа, забывши о мести.

Будем жить мы в свободной и мирной стране...
Вы согласны? – воззвал Гилястан в тишине.

– Чтобы не было лишнего кровопролиться,
Соглашусь и не буду душою кривить я!

Так давайте скорее бойцов назовём,
Вы о вашем подумайте, мы – о своём! –

Здесь сырпыном глава Албермезов потряс...
– Самый честный и сильный пусть выйдет от вас!

С ним и вступит в борьбу воин, избранный нами...
Нет, не будет мечей, изрыгающих пламя!

Пусть друг друга покосят, но – в честном бою.
Все вручат победителю вольность свою!

Непослушных так страшно сумею проклясть я,
Что уж им нипочём не уйти от злосчастья.

А согласных я с радостью благословлю,
Охраню их от бедствий, удачу пошлю! –

Так сказал Гилястан и, решив самочинно,
Своего на ристалище вытолкал сына.

Свой отравленный меч вынимает из ножен
И вручил его сыну, а всё же тревожен...

Тут кричат Албермезовы: «Выйди, Гуждар!»
Он – с обычным мечом, здесь – ни ядов, ни чар.

Вот и вывели в круг двух бойцов-однолеток,
Дали каждому что-то сказать напоследок...

– Если в мире огромном нам тесно с тобою,
В этом – ваша вина... Приготовимся к бою!

Ты воистину – враг, нет пощады врагу!
Всем, что скажешь в ответ, пренебречь я могу... –

Так спесиво изрёк гордый сын Гилястанов,
На Гуждара враждебно и пристально глянув.

– Я не знаю, кто выживет в схватке, но стыд –
Умереть нам врагами... Я злобою сыт!

Нужно нам, как друзьям, обменяться мечами!
Жаль, что чувство враждебное властвует нами.

В колыбели любви спеленаем его!
Кто умрёт, пусть умрёт от меча своего!

Ты согласен? – врагу улыбнулся Гуждар.
Тронут сын Гилястана, весь вышел угар.

– Хорошо! – соглашается сын Гилястана.
Поменялись мечами среди шумного стана...

– Нет! – вскричал Гилястан... Но, кричи не кричи,
А уж поздно, когда зазвенели мечи.

Оба воина сжали клинков рукояти
И столкнулись друг с другом в свирепом накате.

Напряглись скакуны, стали фыркать и ржать,
Их уже нелегко за узду удержать.

Вьётся пыль от копыт, словно смерч темноты,
Оба войска мечами стучат о щиты.

Крики воинов, жадно следящих за боем,
Заглушаются лаем собачьим и воем.

Свищет ветер восточный, гремит ураганно
И глотает он голос дурной Гилястана...

Этот витязь шагнул, тот подался назад,
И от нартских мечей только искры летят.

Ни один не осилит и, занят врагом,
Не посмотрит на то, что творится кругом.

Оба воина глухи в неистовом гаме
И от смерти спасти себя могут лишь сами.

Наступает стремительно сын Гилястана,
Он ударил – открылась кровавая рана.

И посыпались искры – густа, горяча,
Кровь Гуждара с пронзённого льётся плеча.

– Бей! – орёт Гилястан, – рубани, как мужчина! –
Он уже распознал супротивника сына...

«Э, он – сын Рачикау!» – твердит про себя.
– Бей ублюдка! – взывает, – не дрогни, рубя!

Поскорее убей, распори ему брюхо! –
Преисполнился сын богатырского духа,

Нерасчётлив, неистовством злым обуян...
– Дурачок мой! – губу прикусил Гилястан.

А Гуждар... Этот натиск ему нипочём,
Он противника ранил его же мечом.

Малость руку задел, ну а сын Гилястана
В тот же миг повалился, упал бездыханно.

– Он хитрит! Притворяется! Эй, погоди!
Ты к нему осторожней, Гуждар, подходи! –

Так взывает один из семьи Албермезов.
Что случилось? Нет крови большой и порезов...

Понял только один Гилястан, что стряслось,
Завывает он, болью пронзённый насквозь:

– О Верховный Тейри, даже Ты против правды!
Правду губишь, её низкой кривдой поправ ты!

Почему наградил меня тяжкой судьбой
И любимого сына убил ворожкой?

Эти звери, пришедшие с дальней Адили,
Своё подлое дело так явно свершили.

К нам пришли и нарушили наши границы,
Пожелали в священных горах воцариться...

Смерть злодеям! Не медля, казни этих псов! –
Потрясает собравшихся яростный рёв:

– Смерть злодеям, возмездие бешеным псам!
Я их сам покараю, настигну их сам! –

С этим воплем он кинулся в бой, увлекая
За собою всё войско эльбрусского края.

И навстречу пошло адильсúуское войско,
Что с врагом переведаться хочет по-свойски.

Обе рати сближаются, мчатся гурьбой,
Вот ещё сто шагов, и завяжется бой.

Лишь Верховный Тейри мог бы взять и разнять их –
Так в тот миг всем казалось в двух пламенных ратях.

Сын Ачея вдруг выбежал, встав между ними,
Меж своими и столь же родными чужими.

В страшный миг не сробел этот доблестный витязь,
Вскинул руку и выкрикнул: «Остановитесь!»

– Я прошу меня выслушать, верить словам...
Только чистую правду поведаю вам! –

Кратко он рассказал о коварном Хубуне,
О делах Сибильчи, жизни, сгинувшей втуне...

– Сам я видел, как жадный пропал Бурунгук...
Будь ты проклята, алчность завистливых рук!

Вы умерьте во имя Тейри свою прыть!
Этот пыл безрассудства пора усмирить.

Вот сейчас всё закончится кровопролитьем,
Эту землю мы собственной кровью насытим!

Но ведь, если жестокою станет война,
Не окончится здесь, будет длиться она.

Будут мстить наши дети, и так год от года
Будут резать друг друга два братских народа.

Наши души разрушит война, разметав
Все обычаи прадедов, нартский устав.

Мечь страшнее чумы, ведь она, как зараза,
Человечество скосит, начавшись от сглаза!

– Не болтай, убирайся, уймись, горлопан! –
Подбежал к Ачезу, ярьась, Гилястан.

Тут вскричал Чуерди: «Поклянусь на мече я,
Вы слышали правду от сына Ачея!»

Но орёт Гилястан: «Вы – предатели оба,
Погубила меня ваша чёрная злоба!

Ведь загублен мой сын, мой единственный сын,
И не знаю, зачем дожил я до седин.

Вы надежды моей сокрушили оплот!
Тот – не нарт, кто в сражение сейчас не пойдёт!

Прочь, изменник! Душа твоя – пепел, зола...
Нарты-воины, к бою! На воинство зла!»

И пошли за ним нарты, колеблясь, не в ногу...
Выбегает Бора, заграждая дорогу.

И взмолился: «Верховный Тейри, помоги!» –
И коснулся устами своей сыбызги.

Перед тем, как в заветную дудку дохнуть,
Весь напрягся, наполнил он воздухом грудь.

А потом заиграл он... То громче, то глуше
Длилась музыка, перетекавшая в души.

И сердца охватила, и сжала в кулак,
Сделав кроткими нартов и даже собак.

Лошадей она спутала, словно арканом...
Наши воины – в узах, в плену несказанном.

И как будто привязаны камни к ногам,
Уж не сдвинуться с места навстречу врагам!

Продолжается музыка, музыка длится,
Благородными делая нартские лица...

Стала музыка вдруг вереницей видений.
Оба войска смотрели на них всё смятенней.

Перед взорами воинов предки предстали,
Простиравшие руки к друг другу в печали.

Оказались в родстве и свойстве все они:
Кто – не братом, тот – сватом... Так много родни!

И всё больше толпа... Сколько их, неизвестно...
У подошвы Эльбруса становится тесно.

Каждый ищет простора, и, стиснуты туго,
Все бегут, отдаляются все друг от друга.

Вырываясь из гущи и узости сей,
Забывают в дороге родных и друзей.

Так меняется многое... Только пойми,
Что становятся отпрыски нартов людьми!

Добродетель утратили в поисках доли,
Вот и вышли на это проклятое поле...

Тут мелодия вся превратилась в слова,
И услышана всеми живая молва:

«Богатырские души, как только начнёте
Вы кровавую бойню по чьей-то охоте,

Лягут в поле могучие ваши тела
И своим покрывалом окинет вас мгла!

Ваши кости – голодные хищники сгложут,
Ливень слёз материнских иссякнуть не сможет.

Будут души отцов полыхать сокровенно,
Ну а жёны, поплавав, найдут вам замену.

Породит это бедствие кровную месть,
И потомкам – её не забыть, не отместь.

И войну непременно продолжат потомки,
Превращая твердыни и сёла в обломки.

Лягут в землю убитые сын ваш и внук,
Не удастся нам нартский спасти сый жорук ¹!

Чтобы детям с младенчества не сиротеть,
Чтобы матери горько не плакали впредь,

Чтоб дотла не сгорало бы сердце отцово,
Чтоб любимая не полюбила другого,

Воин, ты не воюй, пожалей свой народ,
А иначе потомство тебя проклянёт!»

Вещих слов порождённая музыкой сила
Души сумрачных воинов заморозила,

---

¹ *Сый жорук* – кодекс чести, нартский устав.

Их заполнив тревогой и жаждой добра...
Так для нартов настала иная пора.

Гилястан встрепенулся и крикнул: «Измена!»
Все смеются над ним племена и колена.

Он взбесился, бросаясь то к этим, то к тем,
И завыл, изрыгая проклятия всем.

Но проклятием сам подавился, как костью,
Сердце грязное лопнуло, полное злостью.

Ну а воины, словно бы встретились братья,
Широко распахнули друг другу объятья.

Оба войска едины, и – в ножнах мечи.
Перед сомкнутым строем явился башчи¹.

И воскликнул башчи: «Мой отец – Рачикау!
Его родина – здесь, у вершин Минги тау.

Мать моя родилась у великой Адили,
Я спасён ей сегодня, и все победили!

Вот на этой границе я, сын их Гуждар,
Город каменный выстрою вместо кошар.

Чтобы общей столицей он стал двум народам
И пришло изобилие с маслом и мёдом.

Я родню одинаково эту и ту,
И отцовскую, и материнскую, чту.

Грянет гибельный день – кровь за вас я пролью,
Если вам изменю, жизнь прервите мою!

Так сплотимся, довольно вражды, словопри,
Станем с нартами схожи, с рабами Тейри!

О ТОМ, КАК НАРТЫ ПОКИНУЛИ ЗЕМЛЮ И УПЕТЕЛИ В НЕБЕСА

Уаш Верховный Тейри всемогущ и высок,
Он миры создаёт и травы стебелёк.

Он вселенные строит и рушит во прах –
Жизнь рождается заново, в новых мирах.

---

¹ Башчи – глава.

Все миры он сжимает в песчинку одну,
Расстилат потом вечной тьмы пелену.

Взвесит судьбы всего, ведь всему свой черёд,
Из песчинки опять звёзды он создаёт.

Придаёт им движенье, толкнув, раскрутив,
И – рождает вращенье полёт и порыв.

Создаётся вращеньем незримая сила
Притяженья, которое мир покорило.

Но её до конца человек не постиг,
А сумеет постичь, станет грозно-велик.

Он взлетит в небеса, перейдёт все пределы,
Перегонит он Солнца летучие стрелы.

Время, словно смолу, сможет он растянуть,
То, что хочет, приблизить иль вдаль заглянуть.

К одному лишь не в силах прийти рубежу,
Перейти уходящую вечно межу.

Ту черту перейти и проникнуть в чертоги
Могут лишь тейриле, только младшие боги.

Да и то, если только Верховный Тейри
Сам к себе призовет, повелев: «Отвори!»

А к себе, в недоступные области эти,
Потому их зовёт, что они – его дети.

Слуги есть у Тейри... Собираясь в отряд,
Совершают походы, куда ни велят.

Эти слуги, не зная препон и преград,
Прямо к цели со скоростью мысли летят...

Славным именем «нарты» вот их и зовут,
Этих богоподобных, вершащих свой труд.

Но однажды в раздумьях о юной Земле
Собирает Верховный Тейри тейриле...

Пожелал Всемогущий, чтоб Землю обжили,
Чтоб мужчина и женщина созданы были,

Чтобы стали творением божьим они,
Чтобы были на нартов похожи они.

И явилось тогда на Земле довременной
Племя нартов, наставников будущей смены.

Вот они, на пустынную Землю нагрянув,
Породили людей, этих первых адамов...

Совершенства не видно, а выбор таков:
Эти – овцам подобны, те – вроде волков.

Лютовали они, как жестокие дети,
Приносили бессчётные беды планете.

Дикари эти уразуметь не могли,
Что убийство любого – несчастье Земли.

Долго так они жили без смысла и цели,
Но росли поколения, выросли, умнели.

Находили друг друга все те, кто умней,
Постепенно из тьмы выходили своей.

Хоть добро было чуть различимо впотьмах,
Вдруг оно поравнялось со злом на весах...

Те, что злились, врагами упорными были,
Приэльбрусские нарты и нарты Адили

Устояли, не сшиблись в жестоком бою,
И добро одержало победу свою.

В этот день, не принявши участия в деле,
Настоящие нарты внимали, глядели...

И опомнились люди, безумье прошло,
В этот день понесло поражение зло.

Нарты, долго об этом мечтавшие чуде,
Ликовали, ведь стали разумными люди...

– Стали люди похожи на нас, и отныне
Смогут сами прожить – не глупцы, не разини!

Совершенства достигнут по воле Тейри,
И уже им не надобны поводыри!

Мы же сделали здесь, на Земле, что сумели.
Что скрывать, мы достигли поставленной цели!

А теперь мы вернёмся на зов тейриле,
Пусть рассудят, что сделали мы на Земле!

Мы – их дети, их нарты, наверное, им
Есть сейчас, что сказать нам... Теперь улетим!

Так удачи вам, люди! Оставайтесь добры!
Ну а нас ожидают иные миры.

Нам прикажут, и мы прилетим издалёка
Добрым людям помочь – во мгновение ока! –

Это молвил Дебет, истых нартов собрав...
Вот они небеса прорезают стремглав,

Сквозь пласты пролетели бездонных небес...
Не успели здесь ахнуть, а каждый исчез!

Так за выдох один скрылись все без следа.
Как узнать, где они, долетели куда?

* * *

В приэльбрусском селенье сидит на ныгыше
Всеми чтимый старик – всех он старше и выше.

И твердит он, столетний седой говорун:
– Пусть я стар! Нартским сердцем, как некогда, юн! –

Повествует он внукам, что слышал от дедов:
– Настоящие нарты, нам честь заповедав,

Все на небе седьмом отыскали свой край...
Там живёт и советы даёт Сатанай.

А Созук на Кой-Жоле¹, на Млечном Пути,
Продолжает большие отары пасти.

Ёрюзмек там по-прежнему доблестный воин,
Нарт Дебет прежней славы умельца достоин.

Полный сил, он кузнечит и в той стороне,
Уголь жжёт и железо калит на огне.

И от молота искры вздымаются в роздымь,
Это звёзды летят, сметы нет этим звёздам...

Кто не верит, пусть глянет в ночной небосвод
И летящие звёзды в их блеске сочтёт!

---

¹ *Кой-Жол* (букв. «Овечий путь») – так называют Млечный Путь карачаево-балкарцы.

ПЕСНИ НАРТОВ ¹

МОЛЕНИЕ НАРТОВ ТЕЙРИ

Тейри! Я, нарттов сын, – твой раб, а ты – господин!
Мощный Тейри Воды кровь мою сотворил,
Властный Неба Тейри душу мне подарил,
Щедрый Тейри Земли в силу своей доброты
Пищу дарует нам; охотничью дичь – Апсаты ².
О Тейри! Твоя кровь в жилах нарттов течёт,
Плоть от плоти твоей – нартский вольный народ.
Кланяюсь я тебе, гнусь, как таловый прут,
Имя твоё, Тейри, нартты с трепетом чтут.

УМАЙ-БИЙЧЕ

Нартты, нарттов потомки, – слуги Тейри,
Все – джигиты бесстрашные, богатыри.
Нартты – дети волчицы, для этих волчат
Всех превыше Умай, нартты все её чтят.
А Умай-бийче, это – дочка Тейри,
Как прекрасна она – подивись, посмотри!
Оленихою белой приходит во сне.
Бег её – как полёт звезды в вышине,
И рога её – юной подобны луне,
И глаза – словно утренняя звезда.
О трёхногая, щедрая к нам всегда,
Диво дивное, белый марал Умай!

---

¹ Перевод песен нарттов выполнен по текстам, представленным в кн.: Нартты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев [На карачаево-балкарском и русском языках] / Сост. Р. А.-К. Ортабаева, Т. М. Хаджиева, А. З. Холаев. Москва, 1994.

² *Апсаты* – бог-покровитель диких животных и бог охоты.

ЗАКЛИНАНИЕ

Тюйюш-туйюш-туйюшде ¹,
Кто с шекелом ² твоим во вражде,
Пусть узнает он что почём,
Пусть под нартским падёт мечом,
Пусть его опустеет дом,
Но всегда в жилище твоём
Будет много любящих душ
И поёт попугай – тутай куш,
Пусть играет, пристав к детворе,
Новый нарт у тебя во дворе!

ЭЛИЯ

В небо взирая, богатыри поют сейчас «Элия».
Эй, наклонись, с небес посмотри, выслушай нас, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Все до единого в нартском краю, все собрались, Элия!
Все почитают волю твою, так покажись, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Радость не в радость, когда не мил свет без тебя, Элия!
Нет на охоте удачи – сил нет без тебя, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Кто без тебя озарит нам путь, в тучах блеснёт, Элия?
Разве пойдёт без тебя кто-нибудь ночью в поход, Элия?!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Ночью и днём во всём твоя власть в чаще лесной, Элия!
Кто без тебя сумеет попасть в зубра стрелой, Элия?!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

---

¹ *Тюйюш-туйюш-туйюшде* – букв. «Схватка, схватка, в схватке...». Здесь лепет сказительницы стал присказкой для рифмы.

² *Шекёл* – домашний идол, хранитель жилища.

Пить без тебя не сладко сыру¹ – ноют сердца, Элия!
Ночь без тебя не светлей к утру, нет ей конца, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

При смерти нарты прежде всего тебя почтут, Элия!
Благословения твоего старцы ждут, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

В небе с Тейри пребываешь ты, сиятельный Элия!
С нартами вместе вкушаешь ты зубрятину, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Головы благоговейно клоня, внемлем тебе, Элия!
Радостно ночью и в блеске дня видим тебя, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

В нартском краю, как видишь ты сам, длится война, Элия!
Кони устали, что делать нам? Чья тут вина, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Без перерыва – закон таков – стрелы летят, Элия!
И побивают сотни врагов стрелы, как град, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Стрелы свистят, что крылья орла, – тянется звук, Элия!
И за стрелюю пронзает стрела звеня кольчуг, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нартские копья скалы крушат, как позвонки, Элия!
Головы вражьи сносят подряд нартов клинки, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Так не сверкнёшь ли ты, прогремев? Зол ли твой дух, Элия?
И не сметёт ли врагов твой гнев, вскинув, как пух, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

---

¹ Сыра́ – пиво.

Силы мы просим, яви волшебство, дай победить, Элия!
Нарты ведь только тебя одного могут так чтить, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нашу отчизну враг-живоглот думает сжечь, Элия!
Нынче в тревоге нартский народ... Где же твой меч, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Двигается враг, землю губя, – из Адиль-Суу, Элия!
Сможем ли выстоять без тебя? Всё на весу, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Крепости нартов превыше седых горных гряд, Элия!
Словно Дых тау¹ в зубцах снеговых, башни стоят, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Нарты сегодня вступили в бой, враг так лют, Элия!
Кто же у нартов остался живой? Жёны их ждут, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Все ли вернутся богатыри? Близится бой, Элия!
Будут ли в нартском краю, говори, мир и покой, Элия?
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

Верный, хранящий нартский народ друг у нас есть, Элия!
Ворон тебе от нас отнесёт добрую весть, Элия!
Элия, Элия, Элия!
Элия, Элия, Элия!

---

¹ Дых тау – гора в Балкарии.

ПЕСНЬ О СОСУРКЕ

Нарты с горы Гезам¹ выехали поутру,
Остались вдруг без огня – мёрзнут на злом ветру.

Караторá² взнуздал находчивый Сосурка,
Молвил: «Ждите меня, добуду я огонька!»

В узком ущелье он увидел отсвет костра,
Слабо мерцала во мгле каменная нора.

Въехал в пещеру и, придержав коня,
Эмегена узрел, спящего у огня...
Выхватив головню, кинулся к свету дня.

Но искра попала в глаз спящему... Этот вой
Пусть бы в свой чёрный день слышал лишь враг мой!

– Откуда ты взялся, нарт? Как ты попал, пострел,
В мой эмегенский край, меня разбудить посмел?

Ваши аулы сметём, смерчем пройдем по ним,
Вторгнувшись в нартский край, нартов мы истребим.

Мы их густую кровь выпьем, как воды рек,
В рабство нартских детей мы обратим навек...
Не правда ли, их страной правит нарт Ёрюзмек?

– Да, наш вождь – Ёрюзмек, нартов он в бой ведёт!
Доблестный Ёрюзмек – нартской страны оплот!

– Скажи, человеческий сын, остёр ли меч Сосурки?
– Отточенный режет он скалы, что курдюки!

– Скажи, человеческий сын, остро ль его копье?
– Словно овечий сыр, камни пронзит остриё!

– Скажи, человеческий сын, стрелы его остры?
– Долетая до звёзд, входят в иные миры,
На излёте своём пронзают гребень горы!

¹ *Гезам* или *Гидам* – гора и местность в Карачае в районе Теберды.

² *Каратор* – одна из лошадей Сосурки.

ПЕСНЯ В ЧЕСТЬ СОСУРКИ

Славен нартский батыр Сосурка!
Орира, орира, орира!
Он – всех нартов кумир, Сосурка!
Орира, орира, орира!

Грозный нарт с копьём золотым!
Орира, орира, орира!
Мощный нарт со щитом стальным!
Орира, орира, орира!

Как блестит его шлем золотой!
Орира, орира, орира!
Собирайтесь нарты на той!
Орира, орира, орира!

Он могуч, ни с кем не сравним!
Орира, орира, орира!
Всеми нартами он любим!!
Орира, орира, орира!

В его честь у нартов байрам!
Орира, орира, орира!
Нынче все приходите к нам!
Орира, орира, орира!

Сосурка – наш славный батыр!
Орира, орира, орира!
В его честь мы устроим пир!
Орира, орира, орира!

Ждём и отрока, и старика!
Орира, орира, орира!
Нам принёс огонь Сосурка!
Орира, орира, орира!

ПЕСНЬ О СИБИЛЬЧИ

Всласть барсучьего мяса поев,
Перед дорогой повеселев,
Нарты аульный покинули кров...
Едут и видят стадо коров.
Но пастуха нигде не видать,
Кто их пасёт, нипочём не понять –
Сами пасутся, пока светло.
Вечером стадо к пещере пошло...
Спутникам, отходящим ко сну,
Молвив: «Аланы, дайте взгляну:
Если жильё человечье там,
Гостеприимство окажут нам...» –
Ушёл Сибильчи... Как вдруг по холму
Идёт эмеген навстречу ему.
Во лбу единственный глаз горит,
Ласково эмеген говорит,
Гостя в пещеру свою ведёт,
Цельной скалой закрывает вход.
Жаркий костёр, торопясь, развёл,
И (восклидая «Тейри велик!
Мне человечий послал шашлык!») –
Поворотился, чтоб кинуть дров...
Тут этот вертел, что стал багров,
Схватил Сибильчи и, что было сил,
В глаз эмегена его вонзил...
Слеп эмеген, кричит без конца,
Бродит в пещере, ища наглеца.
А Сибильчи уж не страшен враг.
Всё же как выйти, выбраться как?
Нет, не подвинуть скалу Сибильчи!..
Утром, почувяв солнца лучи,
Стали коровы мычать в углу,
Тут эмеген чуть сдвинул скалу.
Щупая шерсти каждую пядь,
Тёлку за тёлкой стал выпускать.
А Сибильчи, что остался внутри,
Вновь он искал до вечерней зари.
Приутомившись, очаг свой разжёл...
Нарт совершил свой неслышный прыжок.
Тот же он вертел сунул в огонь...
Вот остриё покраснело – не тронь!

Вот эмеген, чтобы стадо вошло,
Сдвинул свой камень,дохнув тяжело...
Нарт,от отчаяния жесток,
Огненный вертел всадил ему в бок.
Бросив скалу возле каменных стен,
Кинулся на Сибильчи эмеген.
Твёрд Сибильчи – ткнул чудовищу он
Вертел в глазницу и выбежал вон...
Всё ужасался, помня свой плен,
Что по пятам побежит эмеген.
Дух перехватывало на бегу...
Вот уже спутники, он в их кругу!
Страдая без пищи и без воды,
Нарты бежали от пущей беды
Туда, где ночёвка прежде была...
На месте костра лежала зола.
Под ворохом этой золы глухой
Желудок с варёною требухой ¹
Нашли и поели они... Ей-ей,
Ещё не бывало еды вкусней!
Зари не дождавшись, двинулись в ночь.
Бешено мчались, и стало невмочь.
Туда добрались, где, скрытый от глаз,
Медвежьего мяса лежал запас.
Птицы склевали бóльшую часть...
То, что осталось, – на радость и власть!
Кажется, лучше яств не найти...
Видят: обувь сносила в пути.
Тотчас нарти из спрятанной тут
Шкуры медвежьей чабыры шьют....
Выспались, отдохнули денёк,
И снова в дорогу, не чуя ног!
Входят в аул, где нартский народ
Всё так же в здравии добром живёт.

---

¹ Балкарские и карачаевские охотники, если у них с собой не было никакой посуды, мясо варили в желудке убитого ими животного.

ПЕСНЯ ● БОЛАТ-ХЫМЫЧЕ

Был грозен Болат-Хымыч,
Уой, уйрайдара.
От плеча до плеча –
Уой, уйрайдара.
Семь сажен и вершок,
Уой, уйрайдара.
А в поясе как широк –
Уой, уйрайдара.
Два обхвата, поверь,
Уой, уйрайдара.
Две прилежных жены,
Уой, уйрайдара.
Валять ему бурку должны,
Уой, уйрайдара.
В бурке – сядет в седло,
Уой, уйрайдара.
В ней и в буран тепло,
Уой, уйрайдара.
Сто овец обстригут,
Уой, уйрайдара.
И весу в ней станет пуд,
Уой, уйрайдара.
Вот катают бурку его,
Уой, уйрайдара.
Валяют бурку его,
Уой, уйрайдара.
Поют «Ийнар¹» для него,
Уой, уйрайдара.
Сладко Хымыч вздремнул,
Уой, уйрайдара.
Им чудится – он уснул,
Уой, уйрайдара.
– Вот если уедет Хымыч,
Уой, уйрайдара.
К аварскому хану уйдёт,
Уой, уйрайдара.
Там дочь его – в жены возьмёт,
Уой, уйрайдара.
Сто всадников даст ему хан,

---

¹ *Ийна́р* – лирическая песня.

Уой, уйрайдара.
И сто возов с кумачом,
Уой, уйрайдара.
С ложа вскочил Хымыч,
Уой, уйрайдара.
Видно, был горд, горяч,
Уой, уйрайдара.
– Не быть же мне Хымычом,
Уой, уйрайдара.
Не отступлюсь нипочём,
Уой, уйрайдара.
Я дочку хана возьму,
Уой, уйрайдара... –
Сказал – и скрылся во тьму,
Уой, уйрайдара.
А в ханстве бурлит народ,
Уой, уйрайдара.
Стрелков состязанье идёт,
Уой, уйрайдара.
Вот зеркало, вот игла,
Уой, уйрайдара.
Попала в иглу стрела –
Уой, уйрайдара.
Наградой – ханская дочь.
Уой, уйрайдара.
Стреляют, целятся всласть,
Уой, уйрайдара.
Да только не могут попасть,
Уой, уйрайдара.
Пускает Хымыч стрелу, –
Уой, уйрайдара.
Враз раздвоил иглу,
Уой, уйрайдара.
Вот поскакали прочь,
Уой, уйрайдара.
Хымыч и ханская дочь,
Уой, уйрайдара.
Сто всадников – следом вскачь,
Уой, уйрайдара.
И вот арба за арбой,
Уой, уйрайдара.
Въезжают в Хымычев двор,
Уой, уйрайдара.

Вскричали обе жены,
Уой, уйрайдара.
– Не наше это добро,
Уой, уйрайдара.
Чужой, не Хымычев скарб,
Уой, уйрайдара... –
Во двор не пускают арб,
Уой, уйрайдара.
Тут подъехал Болат-Хымыч,
Уой, уйрайдара.
Виновниц успел застичь,
Уой, уйрайдара.
– Она здесь шумит, – она!
Уой, уйрайдара.
– Врёт, это – её вина!
Уой, уйрайдара. –
Срывает засов дверной,
Уой, уйрайдара.
Лопата – в руках у другой,
Уой, уйрайдара.
Тут грянул короткий бой,
Уой, уйрайдара.
И нет ни этой, ни той,
Уой, уйрайдара.

ПЕСНЯ НАРТСКИХ ОХОТНИКОВ НА ЗУБРА

Из аула Схуртуковых едем в поход,
Ойра, рирара, ой!
На охоту в леса Ёрюзмек нас ведёт,
Ойра, рирара, ой!

Его смелому сердцу мы кровь отдадим,
Ойра, рирара, ой!
Как и он, гордецы, вместе с ним победим,
Ойра, рирара, ой!

Мы доскачем до гор, до вершин снеговых,
Ойра, рирара, ой!
Диких зубров найдём, доберёмся до них,
Ойра, рирара, ой!

Да пребудет и силу даёт Элия,
Ойра, рирара, ой!
Молвит ворон, где счастья лежит колея,
Ойра, рирара, ой!

Задрожала земля – это кони пошли,
Ойра, рирара, ой!
Взмыли в звёздное небо, и – прочь от земли,
Ойра, рирара, ой!

Это нас Элии осенило крыло,
Ойра, рирара, ой!
Пусть в пути от него будет нартам светло,
Ойра, рирара, ой!

Наши нартские крепости гордо стоят,
Ойра, рирара, ой!
Злые орды отбив, семьи нартов хранят,
Ойра, рирара, ой!

Грянул дождь наших стрел, он кольчуги крушит,
Ойра, рирара, ой!
С громом наши мечи разрубают гранит,
Ойра, рирара, ой!

Кто преследует зубра, не кормит коня,
Ойра, рирара, ой!
О привале забыли мы, зубра гоня,
Ойра, рирара, ой!

Не касаясь земли, резвый конь пролетит,
Ойра, рирара, ой!
На земле не оставит следов от копыт,
Ойра, рирара, ой!

Постреляем из луков мы в Чууанá,
Ойра, рирара, ой!
Отдохнём у Адили, где брага пьяна,
Ойра, рирара, ой!

ПЕСНЯ НАРТОВ, ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ ИЗ ПОХОДА

Оком окиньте страну нартов издалека:
Длятся ли там пиры, всё ли там жизнь сладка?
Вот окончен поход! Аланы, отчизна ждёт!
Мимо встречных летим, кланяясь на скаку,
Если заговорим – желаем добра земляку.
Легкой ваты нежней поступь наших коней,
А случится – они мчатся белки быстрей.
Все преграды падут перед нартским мечом,
Нам и смерч нипочём – неодолимы мы,
В многодневном бою неутомимы мы.
Рукоятки плетей – из таволги все они,
На тетиву пошли из шкуры турьей ремни.
Сносу чабырам нет – драконья кожа крепка,
И высока седла – осиновая лука.
С боем Сары-Арка¹ пройдя из конца в конец,
Гоним диких зверей, свежее, словно овец.
В нартских наших сердцах верность дружбе храним,
Гибнущим пособим, словно братьям своим.
Как птицы, летим, спешим горы перемахнуть,
За день преодолеть четырехдневный путь.
Не спешиваем мечом встреченных верховых,
А уж встретим врагов – сбиваем с верблюдов их.
Вот и привал, ночлег – в скалах мы улеглись.
Состязаясь в стрельбе, стрелы пускаем ввысь.
Нарты заката ждут. Солнце зайдёт, и тогда
Въедут в страну, лишь тут отпустив повода.
Речи не поведут, пока не смолк тамада.

ПЛАЧ ПО НАРТАМ

В давние, в древние времена
Близ Минги тау, где жизнь вольна,
Ойта, ой, орира!
Нарты селились – в те дни всегда
Там находилась для них еда.
Ойта, ой, орира!
В дни, когда начался страшный мор,
Нарты бежали, спускаясь с гор.

---

¹ Сары-Арка – местность в Карачае в районе Архыза.

Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Топчут друг друга и сгоряча
Всё по дороге крушат, крича.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Вот обошли Алф тау холмы
В поисках снадобья от чумы.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Нарты, на камне точа мечи,
К Солнцу взывают: «Нас излечи!»
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Но не помог им Солнца Тейри,
Нартские гибли богатыри.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Нарты ушли по равнине степной
И добрались до пещеры одной.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Искры оттуда вихрем летят,
Чёрный, как ночь, вырывается чад.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Нарты к Тейри Небес и Огня,
Плача, воззвали, гибель кляня.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Нартам Тейри Огня не помог,
Неба Тейри их спасти не смог.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Нарты пропали во мгле веков,
Кони остались без седоков.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!
Сгнули нарты, уйдя с земли,
Лишь песни дедов до нас дошли.
Ой, ой, ой, ой, ой, ой, ой!

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений ЕВТУШЕНКО. Два подвига	3
Лев ЗЕЛЕНый. Вселенная, нарты и современная наука	6
Михаил СИНЕЛЬНИКОВ. Седой водопад	11

ПЕРВЫЕ НАРТЫ

Тейри и нарты.	23
Рождение нартского кузнеца Дебета	25
Дебет и Ёрюзмек	29
Сатанай	32

ЁРЮЗМЕК И САТАНАЙ

Нарты и харры	37
Ёрюзмек и Краснобородый Фук.	40
Созук	47
Рождение Сосурки	48
Ёрюзмек и Ногайчик	52
Как нарты уничтожили эмегенов	59
Ёрюзмек и сын Фука Жанбараз	60
Ёрюзмек и Жанибек	65

СОСУРКА

Сосурка и эмеген	69
О том, как Сосурка искал лекарство для Ёрюзмека и побывал под землёй	73
Акбилек	88
Сосурка и Акбилек	89
Смерть Сосурки	90
Акбилек и Жанибек.	94

АЛАУГАН

Рождение Алаугана	97
Как Алауган поймал волшебного жеребёнка	99
Алауган навещает свою мать	104
Битва Алаугана с лазутчиками.	106
Алауган едет на поиски невесты	109
Алауган отправляется в путь, чтобы отомстить трёхголова- эмегенам и вернуть золотую шубу	113
Жена Алаугана	121

КАРАШАУАЙ

Карашауай.	125
Как Карашауай показал нартам чего он стоит	127
Как Карашауай женился на дочери Ючхуртука Агундай	131

БЁДЕНЕ, РАЧИКАУ, ГУЖДАР

Бёдене	145
Рачикау	151
Рачикау и Айсана	153
Гибель Рачикау	164
Гуждар.	170

ШИРДАН И НЁГЕР

Песнь о Ширдане и Нёгере	177
Облик Нёгера	177
Облик Ширдана.	178
Ширдан ищет себе жену	179
Хитрость Ширдана	181
Кровавое дело Нёгера	185
Какую месть замыслил Ширдан.	186
Последняя хитрость Ширдана.	187
Беседа Нёгера с Гошой	190

Нёгер крадёт богатырского коня Жетиевых	193
Мечь Ширдана	195
Мечь Гилястана Ширдану	200

КУБУ И ГУБУ

Кубу	207
Губу	209
Состязание коневодов	212
Кровавое дело Губу	214

БОРА, ЧУЕРДИ, АЧЕМЕЗ, СЫН АЧЕЯ

Бора	221
Рассказ Бора	222
Рассказ Чуерди	224
Встреча Бора с Ачемезом. Сыном Ачея	234
Рассказ Ачемеца	236
Мечь Бора	264

СИБИЛЬСКИЕ НАРТЫ

Сибильские нарты	271
Сын Албермеца Безбородый Бурунгук	274
Плач Бийче, вдовы Хубуна	276
Бийче встречается с Бурунгуком	277
Бурунгук и Желмаууз	279
Нарты Адиль-Суу готовятся к войне	284
Встреча мингитауских и адильсууских войск	287
О том, как нарты покинули Землю и улетели в небеса	296

ПЕСНИ НАРТОВ

Моление нартов Тейри	301
Умай-Бийче	301
Заклинание	302
Элия	302

Песнь о Сосурке	305
Песня в честь Сосурки	307
Песнь о Сибильчи	308
Песня о Болат-Хымыче	310
Песня нартских охотников на зубра	312
Песня нартов, возвращающихся из похода	314
Плач по нартам	314

МИНГИ-ТАУ / ЭЛЬБРУС /№ 4 (200)

*Литературно-художественный
и общественно-публицистический журнал*

На балкарском и русском языках

Учредитель
ГКУ «КБР-МЕДИА»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ07-00128 от 11 января 2018 г.

Компьютерная верстка *А. С. Бозиевой*
Корректор *Т. С. Гелястанова*
Художник *В. К. Баккуев*
Иллюстрации *Ф. Домогацкого*

Сдано в набор 05.07. 2018. Подписано в печать 30.07. 2018.
Выход в свет 24.09. 2018. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,8.
Уч.-изд. л. 20,05. Тираж 1700 экз. Заказ № 311. Стоимость одного номера
по подписке через ФГУП «Почта России» – 32,04 руб., за 6 мес. – 96,12 руб.
В розницу цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

Отпечатано в типографии «Печатный двор»,
г. Нальчик, ул. Калюжного, 1

*Редакция авторла бла къагъыт байламлыкъ жюрютмейди. Къол жазма-
лагъа кесамат этилмейди, ала ызларына къайтарылмаидыла. Басмаланган
затланы авторларыны оюмлары бла редколлегияны кёз къарамы бирча бол-
мазгъа боллукъду. Мында чыкъгъан материалланы баиша жерде басмала-
гъанда, была «Минги-Тау» журналдан алыннгандыла деп чертген борчду.*